ISSN 2311-5998 (Print)
ISSN 2782-6163 (Online)

№ 11 (123)
2024

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Право есть
искусство добра
и справедливости

Jus est ars
boni et aequi

Выпуск
ТЕХНОПРАВО И ЦИВИЛИСТИКА

В номере

ВЕКТОР ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

25 *Василевская Л. Ю.*
Электронная форма сделок с недвижимостью: проблемы правоприменения в условиях цифровизации

35 *Сойфер Т. В.*
К вопросу об организационно-правовой форме исследовательского консорциума

54 *Белова Д. А.*
Гражданско-правовая ответственность за повреждение нейропротеза: актуальные проблемы теории и правоприменения

78 *Аюшеева И. З.*
Интеллектуальные транспортные системы: проблемы определения гражданско-правового режима

99 *Малеина М. Н.*
Правовая охрана образа, имиджа, репутации государства

№ 11 (123)
2024

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Выпуск
ТЕХНОПРАВО И ЦИВИЛИСТИКА

Издается с 2014 года
Выходит один раз в месяц

Председатель редакционного совета:

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства, кандидат юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

Заместитель председателя редакционного совета:

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — заведующий кафедрой финансового права, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

Главный редактор:

ШПАКОВСКИЙ Юрий Григорьевич — профессор кафедры экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

Ответственный секретарь:

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

Редакционный совет:

АФАНАСЬЕВ Сергей Федорович — заведующий кафедрой арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор, г. Саратов, Россия

БЕЗВЕРХОВ Артур Геннадьевич — декан юридического факультета Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева, доктор юридических наук, профессор, г. Самара, Россия

БИРЮКОВ Павел Николаевич — заведующий кафедрой международного и евразийского права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, г. Воронеж, Россия

БУКАЛЕРОВА Людмила Александровна — заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ВОЛКОВ Геннадий Александрович — профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, г. Москва, Россия

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ДЮФЛО Ален — эксперт-практик международного класса в области права, основатель адвокатского бюро «Дюфло и партнеры» преподаватель Университета Лион III имени Жана Мулена, г. Лион, Франция

ЕГОРОВА Мария Александровна — профессор кафедры конкурентного права, помощник проректора по научно-исследовательскй деятельности Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЕРШОВА Инна Владимировна — первый проректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЕФИМОВА Людмила Георгиевна — заведующий кафедрой банковского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — заведующий кафедрой экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЗРАЖЕВСКАЯ Татьяна Дмитриевна — профессор кафедры конституционного и муниципального права Воронежского государственного университета, Уполномоченный по правам человека в Воронежской области, доктор юридических наук, профессор, г. Воронеж, Россия

ЗУБАРЕВ Сергей Михайлович — заведующий кафедрой административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ИЩЕНКО Евгений Петрович — профессор кафедры криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ИЩЕНКО Нина Сергеевна — заведующий кафедрой правоведения Гомельского филиала Международного университета «МИТСО», кандидат юридических наук, профессор, г. Гомель, Республика Беларусь

КИСЕЛЕВ Сергей Георгиевич — профессор Института права и национальной безопасности РАНХиГС при Президенте РФ, профессор Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета, доктор философских наук, профессор, г. Москва, Росси

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.
Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

© Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2024

КОМАРОВА Валентина Викторовна — заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЛАПИНА Марина Афанасьевна — профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ, доктор юридических наук, г. Москва, Россия

ЛЮТОВ Никита Леонидович — профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

МИРОШНИЧЕНКО Владимир Михайлович — ректор Академии безопасности и специальных программ, доктор экономических наук, профессор, г. Москва, Россия

НИКИТИН Сергей Васильевич — заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

НОВОСЕЛОВА Людмила Александровна — заведующий кафедрой интеллектуальных прав Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ПЛЮЩИКОВ Вадим Геннадьевич — директор Аграрно-технологического института Российского университета дружбы народов, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

РОЗА Фабрис — профессор кафедры трудового права Университета Реймс Шампань-Арденны, Франция

РОМАНОВА Виктория Валерьевна — заведующий кафедрой энергетического права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, г. Москва, Россия

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — директор Института судебных экспертиз, заведующий кафедрой судебных экспертиз Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

РЫЛЬСКАЯ Марина Александровна — директор Института проблем эффективного государства и гражданского общества Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — проректор по научно-исследовательской деятельности Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры теории государства и права, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

СОКОЛОВА Наталья Александровна — заведующий кафедрой международного права, научный руководитель Научно-исследовательского института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

УСТЮКОВА Валентина Владимировна — и.о. заведующего сектором экологического, земельного и аграрного права Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЦАЙ ЦЗЮНЬ — директор Юридического института Хэнаньского университета, доктор юридических наук, профессор, г. Кайфэн, КНР

ЦОПАНОВА Индира Георгиевна — декан юридического факультета Российской таможенной академии, кандидат юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

ШИЛЬСТЕЙН Давид — профессор права, заведующий кафедрой уголовного права Университета Париж 1 Пантеон-Сорбонна, г. Париж, Франция

ЩЕГОЛЕВ Виталий Валентинович — проректор Московского гуманитарно-экономического университета по научной работе и международному сотрудничеству, доктор политических наук, г. Москва, Россия

Ответственный редактор выпуска:

ВАВИЛИН Евгений Валерьевич — заведующий кафедрой гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)	5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки. 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки. 5.1.3. Частноправовые (цивилистические) науки. 5.1.4. Уголовно-правовые науки. 5.1.5. Международно-правовые науки.
РЕГИСТРАЦИЯ СМИ	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г.
ISSN	2311-5998 (Print), 2782-6163 (Online)
ПЕРИОДИЧНОСТЬ	12 раз в год
УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ	Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ Пресненский, г. Москва, Россия, 123242
АДРЕС РЕДАКЦИИ	Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993 Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: vestnik@msal.ru
ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ	Свободная цена Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис» Подписной индекс 40650. Подписка на журнал возможна с любого месяца
ТИПОГРАФИЯ	Отпечатано в Издательском центре Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ	Дата выхода в свет: 16.01.2025 Объем 24,99 усл. печ. л. (15,67 а. л.), формат 84×108/16 Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» обязательна. Перепечатка допускается только по согласованию с редакцией. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Редактор *Л. А. Мункуева* | **Корректор** *А. Б. Рыбакова* | **Компьютерная верстка** *Д. А. Беляков*

№ 11 (123)
2024

COURIER
OF THE KUTAFIN MOSCOW STATE LAW UNIVERSITY (MSAL)

Edition
TECHNO-LAW AND CIVIL LAW

Published from the year of 2014
Monthly journal

Chairperson of the Council of Editors:

BLAZHEEV Victor Vladimirovich — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

Vice-Chairperson of the Council of Editors:

GRACHEVA Elena Yurievna — Head of the Department of Financial Law, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Chief Editor:

SHPAKOVSKIY Yuriy Grigorievich — Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Executive Secretary Editor:

SEVRYUGINA Olga Alexandrovna — Expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Council of editors:

AFANASIEV Sergey Fedorovich — Head of the Department of Arbitrazh Procedure of Saratov State Academy of Law, Dr. Sci. (Law), Professor, Saratov, Russia

BEZVERKHOV Arthur Gennadevich — Dean of the Law Faculty of the National Research University named after Academician Sergey P. Korolev, Dr. Sci. (Law), Professor, Samara, Russia

BIRIUKOV Pavel Nikolaevich — Head of the Department of International and Eurasian Law of Voronezh State University, Doctor of Law, Professor, Voronezh, Russia

BUKALEROVA Ludmila Alexandrovna — Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the Peoples' Friendship University of Russia, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

VOLKOV Gennadiy Aleksandrovich — Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University, Dr. Sci. (Law), Moscow, Russia

VOSKOBITOVA Lidia Alekseevna — Head of the Department of Criminal Procedure Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

DUFLOT Alain — an expert practitioner in the field of law, founder of the law firm «Duflot & Partners», Lecturer at the Jean Moulin Lyon 3 University, Lyon, France

EGOROVA Maria Alexandrovna — Professor of the Department of Competition Law, Assistant of Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ERSHOVA Inna Vladimirovna — First Vice-Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

EFIMOVA Lyudmila Georgievna — Head of the Department of Banking Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ZHAVORONKOVA Natalya Grigorevna — Head of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ZRAZHEVSKAYA Tatyana Dmitrievna — Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Voronezh State University, Commissioner for Human Rights in the Voronezh Region, Dr. Sci. (Law), Professor, Voronezh, Russia

ZUBAREV Sergey Mikhailovich — Head of the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ISHCHENKO Evgeniy Petrovich — Head of the Department of Criminalistics of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ISHCHENKO Nina Sergeyevna — PhD in Law, Professor, Head of the Department of Jurisprudence of the Gomel Branch of the International University «MITSO», Gomel, Republic of Belarus

KISELEV Sergey Georgievich — Professor, Institute of Law and National Security, RANEPA University; Professor, Institute of International Relations and Socio-Political Sciences, Moscow State Linguistic University, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Moscow, Russia

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index

© Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 2024

KOMAROVA Valentina Viktorovna — Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

LAPINA Marina Afanasyeva — Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russia, Dr. Sci. (Law), Moscow, Russia

LYUTOV Nikita Leonidovich — Head of the Department of Labor and Social Security Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

MIROSHNICHENKO Vladimir Mikhailovich — Rector of the Academy of Security and Special Programs, Dr. Sci. (Economics), Professor, Moscow, Russia

NIKITIN Sergey Vasilyevich — Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Russian State University of Justice, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

NOVOSELOVA Lyudmila Alexandrovna — Head of the Department of Intellectual Property Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

PLYUSHCHIKOV Vadim Gennadyevich — Director of Agrarian and Technological Institute of the Peoples' Friendship University of Russia, Dr. Sci. (Agr. Sc.), Professor, Moscow, Russia

RASSOLOV Ilya Mikhailovich — Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

ROSA Fabrice — Professor of the Department of Labour Law at the University of Reims Champagne-Ardenne, France

ROMANOVA Victoria Valeryevna — Head of the Department of Energy Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Moscow, Russia

ROSSINSKAYA Elena Rafailovna — Director of the Forensic Examination Institute, Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

RYLSKAYA Marina Alexandrovna — Director of the Institute of Problems of the Efficient State and Civil Society of the Financial University under the Government of the Russia, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

SINYUKOV Vladimir Nikolaevich — Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of Theory of the State and Law, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

SOKOLOVA Natalya Alexandrovna — Head of the Department of International Law, Academic Director of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

USTYUKOVA Valentina Vladimirovna — Acting Head of the Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of the State and Law of the RAS, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

TSAY TSZYUN — Director of the Law Institute of Henan University, Dr. Sci. (Law), Professor, Kaifen, the PRC

TSOPANOVA Indira Georgievna — Dean of the Law Faculty of the Russian Customs Academy, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

CHILSTEIN David — Professor of Law, Head of the Department of Criminal Law at the University of Paris 1 Pantheon-Sorbonne, Paris, France

SHCHEGOLEV Vitaliy Valentinovich — Vice-Rector for Research and International Cooperation of the Moscow University of Humanities and Economics, Dr. Sci. (Political Sciences), Moscow, Russia

Editor-in-Chief of the Issue:

VAVILIN Evgeniy Valerievich — Head of the of the Department of Civil Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor

The Journal publishes research papers written on scientific specialties of Group 5.1 «Law» (Legal Sciences)	5.1.1. Theory and History of Law. 5.1.2. Public Law and State Law. 5.1.3. Private Law (Civil Law). 5.1.4. Criminal Law. 5.1.5. International Law.
THE CERTIFICATE OF MASS MEDIA REGISTRATION	The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologyw and Mass Media (Roskomnadzor) on 5 October 2016. The Certificate of Mass Media Registration: PI No. FS77-67361
ISSN	2311-5998 (Print), 2782-6163 (Online)
PUBLICATION FREQUENCY	12 issues per year
FOUNDER AND PUBLISHER	Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Kutafin Moscow State Law University (MSAL)". Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1, Presnensky intra-urb. ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242
EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS	9 str. 2 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, Russia, 125993 Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687) E-mail: vestnik@msal.ru
SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION	Free price The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency Subscription index: 40650. Journal subscription is possible from any month
PRINTING HOUSE	Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL) 9 str. 2 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, Russia, 125993
SIGNED FOR PRINTING	16.01.2025 Volume: 24,99 conventional printer's sheets (15,67 author's sheets). Format: 84×108/16. An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

When using published materials of the journal, reference to "Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)" is obligatory. Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors. The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors of publications.

Editor *L. A. Munkueva* | **Proof-reader** *A. B. Rybakova* | **Computer layout** *D. A. Belyakov*

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ 8

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ХРОНИКА 11

ВЕКТОР ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Цифровизация гражданского оборота

Василевская Л. Ю.
Электронная форма сделок с недвижимостью: проблемы правоприменения в условиях цифровизации 25

Инновационная кооперация

Сойфер Т. В.
К вопросу об организационно-правовой форме исследовательского консорциума 35

Баттахов П. П.
Инновационная стратегия развития Арктической зоны России через призму инвестиций: правовые аспекты 46

Нейроправо

Белова Д. А.
Гражданско-правовая ответственность за повреждение нейропротеза: актуальные проблемы теории и правоприменения 54

Носов Д. В.
О терминологических проблемах нейроправа 62

Транспортное право

Анисимов А. В.
Использование блокчейн-технологий в транспортных сделках 70

Аюшеева И. З.
Интеллектуальные транспортные системы: проблемы определения гражданско-правового режима 78

Концептуальные аспекты гражданского права

Долинская В. В.
Развитие норм об объектах права в кодификациях гражданского законодательства 88

Малеина М. Н.
Правовая охрана образа, имиджа, репутации государства 99

Османова Д. О.
Применение отдельных правовых механизмов для целей предотвращения банкротства застройщиков 108

Договорное право

Василенко Н. В.
Страхование товарно-материальных ценностей, находящихся в обороте, в плоскости судебной и деловой практики 119

Право интеллектуальной собственности

Близнец И. А., Ахметов Р. Р.
Депонирование объектов авторского права и его классификация 128

Устинова А. В.
Разработка положений международного договора Всемирной организации интеллектуальной собственности о вещательных организациях в дискурсе искусственных нейронных сетей 137

НАУЧНЫЙ ПОИСК

Ещанов А. Ш., Сейтенов К. К.
О некоторых вопросах обеспечения правозащитной деятельности в Республике Казахстан 144

Колотова Н. В.
Конституционализация понятия «достойный уровень жизни» 152

Сорокина Е. А.
Роль Южноафриканской комиссии по правам человека в реализации социально-экономических прав 162

Варламова Н. В.
Исламская концепция прав человека: попытка совмещения шариата с универсальными стандартами 172

Чулакова О. Ю.
Анализ международной и зарубежной практики регулирования правового статуса технологического брокера 182

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Гдлян А. Т.
Проблемы классификации нежилых помещений 190

Непомнящий П. А.
Понятие, сущность и значение цифровых прав как объекта наследственных правоотношений 199

Сбитнев В. С.
Ответственность сторон по договору аренды объектов культурного наследия 208

КНИЖНАЯ ПОЛКА КАФЕДРЫ 216

ПРАВО В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ

Научное наследие

Мартемьянов В. С., Масляев А. И., Отнюкова Г. Д.
Правовое регулирование хозяйственного расчета, совместной хозяйственной деятельности и рассмотрения хозяйственных споров *(извлечение)* 224

ПОСТСКРИПТУМ

Шпаковский Ю. Г.
Сокровищница народной мудрости 234

CONTENTS

NOTE TO THE READERS 8

UNIVERSITY CHRONICLE 11

VECTOR OF LEGAL SCIENCE

Digitalization of Civil Circulation

Vasilevskaya L. Ju.
Electronic form of Real Estate Transactions:
Problems of Law Enforcement in the Context of Digitalization 25

Innovative Cooperation

Soyfer T. V.
On the Issue of the Organizational
and Legal Form of a Research Consortium 35

Battakhov P. P.
Innovative Strategy for the Development of the Arctic Zone
of Russia through the Prism of Investment: Legal Aspects 46

Neurolaw

Belova D. A.
Civil liability for Neuroprosthesis Damage:
Current Problems of Theory and Law Enforcement 54

Nosov D. V.
About Terminological Problems of Neuroprotection 62

Transport Law

Anisimov A. V.
The Use of Blockchain Technologies in Transport Transactions 70

Ayusheeva I. Z.
Intelligent Transport Systems: Problems
of Defining the Civil Law Regime 78

Conceptual Aspects of Civil Law

Dolinskaya V. V.
Development of Norms on the Objects of Law in the Codifications of Civil
Legislation 88

Maleina M. N.
Legal Protection of Image, Reputation of the State 99

Osmanova D. O.
Application of Certain Legal Mechanisms for the Purposes
of Preventing Bankruptcy of Property Developers 108

Contract law

Vasilenko N. V.
Commodity-Material Values (Goods) in Current Turnover
Insurance in the Field of Judicial and Business Practice 119

Intellectual Property Law

Bliznets I. A., Akhmetov R. R.
The Deposit of Copyright Objects and its Classification 128

Ustinova A. V.
Development of the Provisions of the International Treaty of the World Intellectual Property Organization on Broadcasting Organizations in the Discourse of Artificial Neural Networks 137

SCIENTIFIC RESEARCH

Yechshanov A. Sh., Seitenov K. K.
About same Questions Improvement Human Rights Activities of the Republic of Kazakhstan 144

Kolotova N. V.
Constitutionalization of the Concept of a Decent Standard of Living..... 152

Sorokina E. A.
The Role of the South African Human Rights Commission in the Realisation of Socio-Economic Rights 162

Varlamova N. V.
The Islamic Concept of Human Rights: An Attempt to Combine Sharia with Universal Standards 172

Chulakova O. Y.
Analysis of International and Foreign Practice of Regulating the Legal Status of a Technology Broker 182

YOUNG RESEARCHERS' PERSPECTIVE

Gdlyan A. T.
Problems of Classification of Non-Residential Premises 190

Nepomnyashchy P. A.
The Concept, Essence and Meaning of Digital Rights as an Object of Hereditary Legal Relations 199

Sbitnev V. S.
Liability of a Party under a Lease Agreement for Cultural Heritage Objects..... 208

BOOKSHELF OF THE DEPARTMENT 216

LAW IN HISTORICAL REFRACTION

Scientific heritage

Martemyanov V. S., Maslyaev A. I., Otnyukova G. D.
Legal Regulation of Economic Accounting, Joint Economic Activity and Consideration of Economic Disputes (extract) 224

POSTSCRIPT

Shpakovsky Yu. G.
Treasury of folk wisdom 234

Слово к читателю

Кафедра гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Центр компетенций «Техноправо» представляют вашему вниманию новый номер журнала «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)». И, конечно, мы будем говорить о техноправе и формировании новой парадигмы в цивилистике.

В 2023 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) создан первый в России Центр компетенций «Техноправо», в котором в целях формирования компетенций в области науки, технологий и инноваций объединились ресурсы органов государственной власти, бизнеса и академического сообщества.

Деятельность Центра многогранна. В числе важнейших направлений деятельности Центра компетенций «Техноправо» — создание условий для подготовки высококвалифицированных специалистов по правовым проблемам цифровизации гражданского оборота, формирование концептуальных основ правового регулирования гражданского оборота нейротехнологий, развитие охраны интеллектуальной собственности в условиях развития новых технологий при современных геополитических условиях.

Таким образом, можно констатировать, что при реализации проекта «Техноправо» формируется новая парадигма в цивилистике, что в итоге влияет на развитие всей экономики Российской Федерации.

Сегодня цифровизация охватывает новые сферы гражданского оборота, и это диктует необходимость формирования у юриста комплексной системы теоретических и практических знаний в области создания и применения новых объектов гражданских прав, а также в сфере государственных и муниципальных закупок. Появление цифровых объектов имущественного оборота (криптовалюты, искус-

ственного интеллекта, технологий искусственного интеллекта, больших данных (big data), цифровых ценных бумаг и др.), становление цифрового структурированного контракта, повсеместный переход государственных и муниципальных заказчиков на электронные конкурентные закупки требуют доктринального осмысления и системного изложения в рамках результатов проекта «Цифровизация гражданского оборота».

Научно-педагогические работники кафедры гражданского права, молодые ученые, практикующие юристы в своих статьях постарались осветить различные аспекты заявленной комплексной проблематики. В рамках указанного направления в заглавной статье профессора, заслуженного юриста РФ Л. Ю. Василевской подчеркиваются особенности электронной формы сделок и проблемы электронного взаимодействия сторон договора по отчуждению недвижимости.

Важно отметить, что формирование представления о правовых формах средств, с помощью которых планируется стимулировать научно-технологическое развитие России, стало основой для реализации проекта «Правовые решения для обеспечения инновационной кооперации». Реализация такого проекта вносит вклад в развитие законодательства, направленного на обеспечение прорывного технологического развития России. В итоге цель достигается за счет разработки научной основы для подготовки концепции Федерального закона «Об инновационной кооперации» и внесения изменений в действующее законодательство. Исследованию вопросов инновационной кооперации посвящены две статьи — профессора Т. В. Сойфер и доцента П. П. Баттахова.

Проект «Нейроправо: сквозные технологии в гражданском обороте» направлен на достижение национальных целей развития Российской Федерации, а также на реализацию дорожной карты развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект» в части разработки правовых моделей, опосредующих внедрение и применение нейротехнологий в военной сфере, медицине, в сфере науки, образования и досуга населения и иных сферах жизни общества и государства. Данный проект в настоящем номере представляют статьи доцентов Д. А. Беловой и Д. В. Носова.

Цифровизация транспортной отрасли требует разработки механизмов внедрения в нее новых технологий. Проект «Транспортное право и транспортная политика России» предполагает исследование опыта внедрения в транспортную отрасль инновационных цифровых технологий, в связи с чем представляется важным изучение лучших практик регулирования транспортной отрасли как в России, так в зарубежных странах. Изучению отдельных правовых аспектов развития транспортной отрасли посвящены работы доцентов И. З. Аюшеевой и А. В. Анисимова.

Нельзя не отметить, что в 2024 г. праздновалось 100-летие со дня рождения выдающихся российских цивилистов, долгое время работавших вместе в нашем Университете — профессора Виктора Павловича Мозолина и профессора Алексея Ивановича Масляева, которые при жизни были выдающимися учеными-юристами и верными друзьями. 27 ноября 2024 г. в честь В. П. Мозолина и А. И. Масляева кафедрой гражданского права проведены три международные конференции: «Научное наследие цивилистов Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и его развитие в современной науке гражданского права», конференции

«Проблемы кодификации и совершенствования гражданского законодательства», посвященная 100-летию со дня рождения профессора В. П. Мозолина, и «Развитие правовых форм хозяйствования», посвященная 100-летию со дня рождения профессора А. И. Масляева. Количество участников конференций, тематика обсуждаемых проблем и дискуссионных вопросов показали востребованность и актуальность идей профессоров В. П. Мозолина и А. И. Масляева.

В журнале также публикуются статьи по классическим концептуальным аспектам гражданского права, которые так или иначе связаны с технологическим развитием.

Желаем вам приятного чтения!

Е. В. Вавилин,
заведующий кафедрой гражданского права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор

Д. В. Носов,
заместитель заведующего
кафедрой гражданского права
по научно-исследовательской работе
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук

Ноябрь 2024 года[1]

«Кутафинские чтения»

XXV Международная научно-практическая конференция «Кутафинские чтения»

26 ноября 2024 г. в рамках XIV Московской юридической недели состоялось торжественное открытие совместной XXV Международной научно-практической конференции юридического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова и XXVI Международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения» Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) на тему «Российская правовая система: в поисках национальной идентичности».

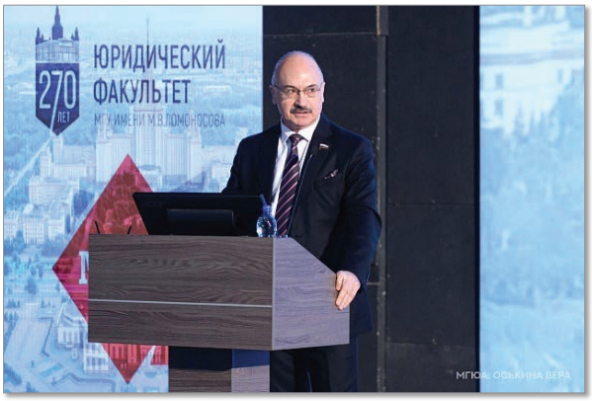
Во вступительном слове декан юридического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова Александр Голиченков сообщил, что в мероприятии принимают участие более 2 000 ведущих ученых, представителей

[1] URL: https://msal.ru/news/.

органов государственной власти, практикующих юристов из России, Беларуси, Казахстана и Китая.

С приветственным словом выступил ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), сопредседатель Ассоциации юристов России, президент Ассоциации юридического образования Виктор Блажеев, он подчеркнул актуальность темы конференции.

«Действительно, российская правовая система в настоящий момент находится в поиске национальной идентичности. Нам известны те объективные вызовы, которые стоят перед нашей страной. Право должно дать на них ответ. Сегодня правовая система становится инструментом защиты наших национальных интересов, государственного суверенитета. При формировании правовой системы мы должны опираться на наше богатое юридическое наследие, традиционные духовно-нравственные ценности, возвращаться к трудам выдающихся ученых-правоведов, рассматривая их уже через призму современных вызовов», — сказал Виктор Блажеев.

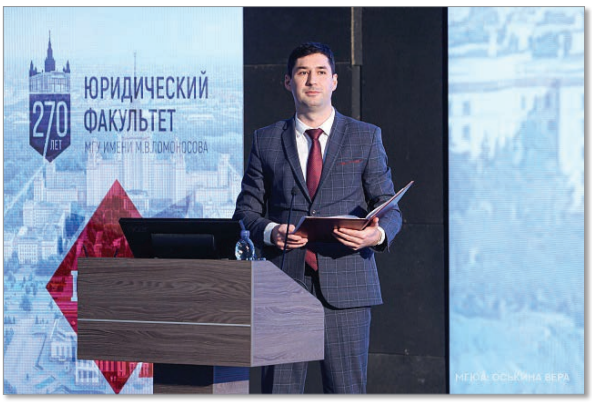


Также с приветственным словом обратился председатель Комитета Государственной Думы по науке и высшему образованию, профессор кафедры конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Сергей Кабышев. В ходе выступления он призвал сосредоточить внимание на вопросах обеспечения безопасности конституционных ценностей, противодействия попыткам фальсификации истории и разрушения духовно-нравственных устоев.

«Национальная идентичность представляет собой ценностно-мировоззренческий эквивалент суверенитета, социально-культурный источник верховенства права. Кризис идентичности разъедает основы народовластия, открывает дорогу к правовому нигилизму, к отрицанию и протесту против чуждого нам права. Только если право соответствует исторически сложившимся представлениям о национальной идентичности, оно обеспечивает легитимность власти, доверие к ней со стороны общества. Национальная идентичность — не абстрактно-философская, а важная социально-практическая категория, принципиальная установка правовой политики и правового регулирования», — отметил Сергей Кабышев.

В адрес XXVI Международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения» направила приветствие Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Татьяна Москалькова. Обращение огласил руководитель рабочего аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Илья Чечельницкий.

Далее в рамках торжественного открытия руководитель Секретариата Конституционного Суда Российской Федерации Евгений Тарибо наградил выдающихся юридических деятелей: профессора кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова Наталью Богданову и заведующего кафедрой трудового права юридического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова Александра Куренного медалями Конституционного Суда



Российской Федерации, заведующего кафедрой гражданского права юридического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова Евгения Суханова за заслуги в укреплении конституционной законности и выдающийся вклад в развитие правовой науки, профессора Сурена Авакяна и декана юридического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова Александра Голиченкова почетной грамотой за вклад в развитие науки конституционного права и развитие конституционализма.

Также с приветственным словом обратился проректор по инновационному научно-технологическому развитию МГУ имени М.В.Ломоносова, председатель Московского отделения Ассоциации юристов России Виктор Вайпан. Он отметил, что в настоящее время государство сталкивается с новыми вызовами, появляются новые технологии, требующие правового регулирования. Было указано на то, что цифровое право окончательно становится самостоятельной отраслью права ввиду стремительного развития и совершенствования.

Завершил череду приветственных слов заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации Александр Емельянов. Он отметил, что прошедшие конституционные преобразования направлены на поиск национальной идентичности, обеспечение суверенитета и целостности государства, построение единой системы публичной власти. В настоящее время эти задачи активно решаются.

Пленарное заседание продолжилось серией докладов. Заседание открылось выступлением председателя Суда по интеллектуальным правам, заведующего кафедрой интеллектуальных прав Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженного юриста РФ Людмилы Новоселовой на тему «Новые объекты гражданских прав в российской правовой системе». Она отметила, что перечень объектов прав, перечисленный в Гражданском кодексе РФ, часто дополняется и видоизменяется, но не является исчерпывающим.

Далее прозвучало выступление проректора по научно-исследовательской деятельности Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Владимира Синюкова на тему «Российское право: преодоление кризиса идентичности». Он раскрыл содержание понятия «идентичность», его проявления в правовых системах зарубежных стран.

Также с докладами выступили: руководитель секретариата Конституционного Суда РФ Евгений Тарибо («Принцип отраслевого построения системы

права в практике конституционного правосудия»), декан юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета Сергей Белов («Ценностное восприятие государства и его субъектность юридической догматике»), декан юридического факультета имени М. М. Сперанского Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ Людмила Лаптева («Становление

российской правовой идентичности: к истории вопроса»), заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова Евгений Суханов («Корпоративное право в Гражданском кодексе Российской Федерации»), профессор Института права интеллектуальной собственности Школы гражданского, коммерческого и экономического права Университета политики и права Китая, вице-президент Ассоциации исследований права интеллектуальной

собственности Китайского юридического общества Фэн Сяоцин («Реформы и развитие правовой системы интеллектуальной собственности в процессе модернизации по-китайски»).

Совместная XXV Международная научно-практическая конференция юридического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова и XXVI Международная научно-практическая конференция «Кутафинские чтения» Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) проходила на площадках двух вузов с 26 по 29 ноября 2024 г. и объединила в рамках своей программы более 80 секций, включая международные конференции, круглые столы, форумы, дискуссии и иные научно-практические мероприятия. В период проведения юбилейной XXV Международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения» состоялся Первый Российско-китайский юридический форум.

Университет в общественной и научной жизни страны

Представители Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) приняли участие в заседании Клуба женщин-предпринимателей

12 ноября 2024 г. первый проректор Университета Инна Ершова и заместитель заведующего кафедрой предпринимательского и корпоративного права Екатерина Енькова приняли участие в заседании Клуба женщин-предпринимателей.

Организатор мероприятия — Общероссийская общественно-государственная организация «Союз женщин России». Визит состоялся в рамках реализации соглашения о сотрудничестве между Университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и Союзом женщин России, подписанного 1 октября 2024 г.

Кафедра предпринимательского и корпоративного права Университета на протяжении ряда лет продвигает повестку семейного и женского предпринимательства в образовательном и научном контурах, в том числе участвуя в осуществлении программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030». Данная проблематика значима в аспекте Года семьи, запуска с 1 января 2025 г. национального проекта «Семья», а также с учетом осуществления Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023—2030 годы.

Заинтересованный диалог представителей Университета и женщин-предпринимателей из различных региональных отделений Союза женщин России способствует дальнейшему эффективному продвижению указанной повестки, укреплению партнерства, расширению взаимовыгодного сотрудничества.

Развитие Университета

Трансформация Консорциума «Инновационная юриспруденция»

23 октября 2024 г. на базе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) прошел II Форум Консорциума «Инновационная юриспруденция», объединивший представителей крупнейших государственных и частных корпораций и компаний, руководителей юридических фирм и экспертов в области юриспруденции и проектного управления, участников программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

В рамках форума прошло общее собрание участников Консорциума, на котором проректор по стратегическому и международному развитию Университета Мария Мажорина презентовала новую модель Консорциума «Инновационная юриспруденция», построенную с учетом продукт-ориентированной деятельности Университета.

Новая модель предполагает прогрессивную функциональную архитектуру и конкретную категорийность участников, что обусловлено отсутствием в предметной области права крупных индустриальных партнеров-монополистов.

Открытие выставки государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов»

21 ноября 2024 г. в Университете состоялось открытие выставки государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов», приуроченной к 20-летию создания системы страхования вкладов.

В открытии выставки приняли участие проректор по образовательной деятельности Университета Наталья Софийчук, заведующий кафедрой финансового права Елена Грачева и первый заместитель генерального директора государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов» Мария Филатова.

На выставке были представлены стенды с информацией о деятельности Агентства, истории создания и развития системы страхования вкладов, ее основных параметрах.

Конференции, круглые столы, семинар

Научно-отраслевая сессия «Юридические науки»

14 ноября 2024 г. в рамках VII Профессорского форума «Образование, наука, семья — основы развития России» в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) прошла научно-отраслевая сессия «Юридические науки».

С приветственным словом от Университета к участникам сессии обратились первый проректор Инна Ершова и проректор по научно-исследовательской деятельности Владимир Синюков.

В работе научно-отраслевой сессии «Юридические науки» приняли участие представители МГУ имени М.В.Ломоносова, СПбГУ, УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева, Университета прокуратуры Российской Федерации, КФУ, ПсковГУ, ИЗиСП, Общественной палаты Российской Федерации. Эксперты обсудили актуальные вопросы развития юридической науки и образования в контексте достижения национальных целей развития Российской Федерации.

Студенческий юридический форум

14 ноября 2024 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) начал работу XI студенческий юридический форум «Инновационные подходы в юриспруденции: теория и практическое применение».

С приветственным словом на торжественном открытии выступил проректор по молодежной политике Университета Александр Чанышев: *«Это мероприятие является фундаментальным, повторяющимся из года в год. Мы уже смогли выйти на международный уровень и добиться значительных успехов. Мы всегда отмечаем особую атмосферу этого мероприятия, которая способствует новым интересным решениям, новым прогнозам, изучению новых тенденций».*

Перед участниками выступили заместитель председателя Комитета Государственной Думы по туризму и развитию туристической инфраструктуры Наталья Костенко, статс-секретарь — заместитель министра цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ Алёна Руденко, председатель Общественного совета при Министерстве внутренних дел РФ, заслуженный юрист РФ, председатель Коллегии адвокатов «Кучерена и партнеры» Анатолий Кучерена, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ, президент Адвокатской палаты Московской области Алексей Галоганов и др.

В этом году в рамках мероприятия прошло более 50 круглых столов, 6 мут-кортов, более 10 мастер-классов, 2 модели суда, панельная дискуссия, стратегическая сессия, Молодежная парламентская лига и квест. В Студенческом юридическом форуме приняло участие более 2 000 человек с разных уголков России и зарубежных стран.

Профессор Инна Ершова приняла участие в Международном научно-методическом семинаре «Тенденции и перспективы развития высшего юридического образования»

16 ноября 2024 г. на юридическом факультете Тверского государственного университета состоялось масштабное мероприятие — научно-методический семинар «Тенденции и перспективы развития высшего юридического образования». Актуальность встречи продиктована реформами, планируемыми в сфере российского высшего образования, в совокупности с чрезвычайной динамичностью потребностей рынка труда в квалифицированных юридических кадрах.

Открывая работу семинара, с приветственным словом к его участникам обратилась Ольга Ильина — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, декан юридического факультета Тверского государственного университета. Она тепло поприветствовала гостей и предложила в качестве формата мероприятия форсайт-сессию с активным обсуждением и прогнозированием развития сферы высшего образования в целом и юридического образования в частности.

Первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Университета имени О.Е. Кутафина» (МГЮА), доктор юридических наук, профессор Инна Ершова в своем выступлении обратила внимание присутствующих на основные задачи, которые предстоит решить при переходе к базовому и специализированному высшему образованию. Спикер подробно остановилась на особенностях образовательной программы «Инновационная юриспруденция» (МГЮА), рассказала об участии Университета в программе академического юридического лидерства «Приоритет-2030» и о Консорциуме «Инновационная юриспруденция», одним из участников которого является Тверской государственный университет.

Мероприятия ректората

Заседание Президиума Ассоциации юридического образования

28 ноября 2024 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялось заседание Президиума Ассоциации юридического образования (АЮРО). Участники встречи обсудили перспективы развития высшего юридического образования в Российской Федерации.

Открыл заседание ректор Университета, президент Ассоциации юридического образования (АЮРО),

сопредседатель Ассоциации юристов России Виктор Блажеев: *«В настоящее время проводится активная работа по совершенствованию модели высшего юридического образования. В данном вопросе необходимо учитывать мнение профессионального сообщества. В связи с этим наша общая задача — проанализировать все поступившие предложения, определить требования к профессиональным компетенциям юриста и сформулировать единую позицию по данному вопросу для ее дальнейшего направления в соответствующие компетентные органы государственной власти».*

Член Правления Ассоциации юридического образования (АЮРО), проректор по образовательной деятельности Университета Наталья Софийчук представила поступившие в Ассоциацию юридического образования предложения и замечания к проекту федерального государственного стандарта базового высшего образования по направлению подготовки «Юриспруденция».

Председатель Правления Ассоциации юридического образования проректор по молодежной политике Университета Александр Чанышев представил план работы организации на 2025 г., доложил об организационно-управленческой деятельности Ассоциации юридического образования (АЮРО), а также объявил о запуске обновленного сайта Ассоциации юридического образования.

Заседание Ученого совета

25 ноября 2024 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялось очередное заседание Ученого совета, в ходе которого коллектив принял решения по текущим кадровым вопросам и деятельности структурных подразделений.

В начале встречи были отмечены достижения работников и обучающихся Университета за прошедший месяц. Ректор Виктор Блажеев был удостоен памятного знака за значимый вклад в повышение уровня финансовой грамотности и участие в информационно-просветительской программе, посвященной 20-летию системы обязательного страхования вкладов Российской Федерации.

Благодарственными письмами Министерства науки и высшего образования РФ были отмечены доцент кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Полина Жукова — за победу во Всероссийском конкурсе «Золотые имена высшей школы», проректор по стратегическому и международному развитию Мария Мажорина, директор Высшей школы права Эльвин Теймуров — за активное участие в отборе лучших практик образовательных организаций

высшего образования — участников программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

За значительный вклад в развитие образования медалью Университета «за заслуги» награжден профессор кафедры финансового права Татьяна Рождественская. За добросовестный труд, безупречную работу, профессионализм присвоено звание «Ветеран МГЮА» доценту кафедры финансового права Александру Быле.

Также коллектив поздравил студенческую команду Университета, которая заняла III место в очных раундах I Международного конкурса по воздушному праву и выиграла I место в номинации «Лучший меморандум».

Далее в ходе заседания Ученого совета проректор по образовательной деятельности Наталья Софийчук рассказала о планах по развитию политики качества образования Университета, а также о реализованных мероприятиях в данной сфере.

Затем с научно-аналитическим докладом выступил заведующий кафедрой административного права и процесса Сергей Зубарев, рассказав об актуальных проблемах административного права. Директор Института бизнес-права Андрей Петраков представил стратегию развития возглавляемого структурного подразделения. Далее директор Института дополнительного образования Татьяна Докучаева выступила с докладом «Потенциал дополнительного образования в

рамках подготовки и реализации программ магистратуры Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)».

Завершила серию выступлений проректор по стратегическому и международному развитию МГЮА Мария Мажорина. Она напомнила о том, что продолжается прием заявок на конкурс проектов для их реализации Университетом в 2025 г. в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

IV Общеуниверситетский фестиваль «Кутафин фест 2024»

С 15 по 17 ноября 2024 г. на площадке загородного комплекса «Малюшина дача» прошел ежегодный общеуниверситетский фестиваль «Кутафин фест». Мероприятие объединило самых активных и талантливых студентов девяти институтов и трех филиалов Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Участникам предстояло выполнить задания интеллектуального, спортивного и творческого этапов.

Команды успешно справились с заданиями правовой викторины, сдачей нормативов ГТО и представлением творческих номеров, концепцией которых стали отечественные классические литературные произведения.

Долгожданное для студенческого сообщества МГЮА мероприятие способствовало сплочению коллективов институтов и филиалов, укреплению командного духа. По итогам мероприятия первое место заняла команда Международно-правового института, второе — коллектив Высшей школы права, а третье место — студенты Института публичного права и управления.

Премии, награждения

Первый проректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Инна Ершова стала «Профессором года» — 2024

14 ноября 2024 г. официально объявлено, что первый проректор Университета Инна Ершова стала лауреатом общенациональной премии Российского профессорского собрания «Профессор года» в номинации «Юридические науки». Это поистине всероссийское признание значимого вклада Инны Владимировны в развитие отечественной юридической науки. Награждение состоялось в торжественной обстановке на ежегодном заседании Российского профессорского собрания.

Инна Владимировна является профессором уже более 20 лет. И все эти годы неразрывно связаны с родной alma mater. Не умаляя личных весомых заслуг Инны Владимировны, можно по праву считать ее награждение победой Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) как «кузницы» талантливых юристов и замечательных ученых.

Победу в номинации Инна Владимировна посвящает своему любимому Учителю — профессору Валентину Семеновичу Мартемьянову и своим научным наставникам — академику Олегу Емельяновичу Кутафину, выдающимся профессорам Марии Сумбатовне Шакарян, Кантемиру Николаевичу Гусову и Елене Юрьевне Грачевой.

Цифровизация гражданского оборота

Электронная форма сделок с недвижимостью: проблемы правоприменения в условиях цифровизации[1]

Людмила Юрьевна ВАСИЛЕВСКАЯ,
профессор кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ
ljvasilevskaja@msal.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Аннотация. *Опираясь на базовые положения науки гражданского права, автор анализирует особенности электронной формы сделок и проблемы электронного взаимодействия сторон договора по отчуждению недвижимости. Рассматриваются вопросы применения различных видов электронной подписи при совершении сделок с недвижимостью. Анализируются нормы о создании и выдаче сертификатов ключей проверки электронных подписей, об удостоверительных центрах и их полномочиях в Законе об электронной подписи. Выявляются проблемы использования онлайн-сервисов при купле-продаже недвижимости, рассматриваются негативные последствия совершения сделок с недвижимостью при участии цифровых посредников, а также возможные риски утраты конфиденциальной информации и незаконного отчуждения недвижимости. Делается вывод о необходимости создания правового механизма участия кредитных организаций в обороте недвижимости и установления жестких правил для совершения дистанционных сделок с недвижимостью.*

Ключевые слова: *договор, сделки с недвижимостью, форма сделки, письменная форма сделки, электронное взаимодействие, электронная подпись, усиленная квалифицированная электронная подпись, цифровизация*

DOI: 10.17803/2311-5998.2024.123.11.025-034

[1] Статья выполнена в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

© Василевская Л. Ю., 2024

Liudmila Ju. VASILEVSKAYA,
Professor of the Department of Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation
ljvasilevskaja@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Electronic Form of Real Estate Transactions: Problems of Law Enforcement in the Context of Digitalization

Abstract. *Based on the basic principles of the science of civil law, the author analyzes the features of the electronic form of transactions and the problems of electronic interaction between the parties to the agreement on the alienation of real estate. The issues of using various types of electronic signatures when making real estate transactions are considered. The norms on the creation and issuance of certificates of electronic signature verification keys, about the certification centers and their powers in the Law on Electronic Signature are analyzed. The problems of using online services for the purchase and sale of real estate are revealed, as well as possible risks of loss of confidential information and illegal alienation of real estate. It is concluded that it is necessary to create a legal mechanism for the participation of credit institutions in real estate turnover and establish strict rules for remote real estate transactions.*
Keywords: *contract, real estate transactions, transaction form, written transaction form, electronic interaction, electronic signature, enhanced qualified electronic signature, digitalization*

Вопросы о правовых особенностях электронной (цифровой) формы сделок поднимались в науке гражданского права за последние годы неоднократно. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее — Закон № 34-ФЗ) заложил основу для развития электронного взаимодействия участников сделки и заключения договоров с помощью современных цифровых технологий.

Законом № 34-ФЗ были внесены дополнения в ст. 160 ГК РФ. Прежде всего речь идет о положениях п. 1 ст. 160 ГК РФ, дополненных новым абзацем 2, в котором указано: «Письменная форма сделки считается соблюденной также в случае совершения лицом сделки с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, при этом требование о наличии подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю. Законом, иными правовыми актами и соглашением сторон может быть предусмотрен специальный способ достоверного определения лица, выразившего волю» (п. 4 ст. 1 Закона № 34-ФЗ).

Пункт 2 ст. 434 ГК РФ изложен в новой редакции: «Договор в письменной форме может быть заключен путем составления одного документа (в том числе

электронного), подписанного сторонами, или обмена письмами, телеграммами, электронными документами либо иными данными в соответствии с правилами абзаца второго пункта 1 статьи 160 настоящего Кодекса» (п. 7 ст. 1 Закона № 34-ФЗ).

Таким образом, речь идет о юридико-техническом приеме, посредством которого произошло приравнивание различных по своей сути явлений друг к другу с целью установления для них общего правового режима: договор, совершаемый путем составления на бумажном носителе единого документа, подписанного сторонами, был по юридической силе уравнен с электронным документом, скрепленным электронными подписями сторон договора[2].

На практике эти законодательные новеллы привели к ряду проблем, вызвавших не только неоднозначную трактовку в доктрине положений ст. 434 ГК РФ, но и их различное судебное толкование. Так, при заключении договоров, предметом которых является объект недвижимости, возникло несколько вопросов. Можно ли применять в этом случае электронную форму договора? Если можно, то о какой вариации простой письменной формы договора идет речь? Не будет ли это означать недействительность договоров продажи недвижимости (ст. 550 ГК РФ), продажи предприятия (п. 2 ст. 560 ГК РФ), аренды зданий и сооружений (п. 1 ст. 651 ГК РФ), аренды предприятия (п. 3 ст. 658 ГК РФ), доверительного управления недвижимостью (п. 3 ст. 1017 ГК РФ) или применительно к сделкам с недвижимостью следует придерживаться строгих правил, о которых писали М. И. Брагинский и В. В. Витрянский, определяя, например, соотношение положения ст. 550 и п. 2 ст. 434 ГК РФ как «исключение из исключения»[3].

Действительно, легальное допущение законодателем электронной формы договора не дает возможности на практике однозначно решить вопрос, к какой вариации простой письменной формы следует ее отнести в случае совершения сделок с недвижимостью. Возможность составления электронного документа в рамках первой вариации простой письменной формы (договора путем составления одного бумажного документа, подписанного сторонами) означает не что иное, как размывание особенностей между двумя вариациями простой письменной формы, поскольку нет смысла составлять электронный документ без электронного взаимодействия сторон договора, без обмена электронными документами в случае подписания договора на бумажном носителе между присутствующими сторонами[4].

Это означает, что применение электронной формы договора в условиях цифровизации неминуемо ставит вопрос о ее правовой квалификации в качестве второй вариации простой письменной формы — обмена письмами, электронными документами либо иными данными в соответствии с правилами абз. 2 п. 1

---

[2] См. подробнее: *Василевская Л. Ю.* Электронная форма сделок в условиях развития цифровых технологий: проблемы определения и толкования // Хозяйство и право. 2019. № 9. С. 15—30.

[3] См.: *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Договорное право. Кн. 1 : Общие положения. М. : Статут, 1998. С. 275, 280.

[4] См.: *Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А.* Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование) : монография : в 5 т. М. : Проспект. 2021. Т. 1 / отв. ред. Л. Ю. Василевская. С. 67—68.

ст. 160 ГК РФ (п. 2 ст. 434 ГК РФ). Неслучайно О. А. Рузакова, обращая на это внимание, отмечает: «...постановка второй подписи на первоначальном электронном документе изменяет его характеристики, что подпадает под конструкцию совершения договора путем обмена документами, что, соответственно, требует внесения соответствующих изменений в Гражданский кодекс РФ, но является преждевременным для целей всех сделок с недвижимостью и по причине значительного числа злоупотреблений на этом рынке»[5]. И. А. Емелькина пишет: «...в отечественной доктрине до сих пор нет ясности, заключение договора в виде единого электронного документа относится к каким сделкам: между отсутствующими или присутствующими»[6].

Очевидно, если электронная форма подпадает под режим второй вариации простой письменной формы договора, то, безусловно, исключается возможность совершения сделок с недвижимостью посредством электронной формы. В качестве примера жестких правил для сделок с недвижимостью можно привести Германское гражданское уложение (ГГУ), в котором предусмотрена правовая регламентация электронной и текстовой форм договора (§ 126a и 126b ГГУ), существенным образом отличающихся от письменной формы договора, обязательной для оформления сделок с недвижимостью[7].

Российский законодатель пошел по пути допустимости электронной формы для сделок с недвижимостью. Так, п. 2 ч. 1 ст. 18 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О государственной регистрации недвижимости» допускает представление в Росреестр (Федеральную службу государственной регистрации, кадастра и картографии) договоров по отчуждению недвижимости в форме электронных документов и (или) электронных образов документов. В 2019 г. в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. Верховным Советом РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 08.08.2024) была введена новая статья — 53.1, которая регламентирует дистанционные сделки, удостоверяемые двумя или более нотариусами. В 2019 г. в ч. 3 ст. 4 Федерального закона от 30.12.2004 № 214-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» были внесены дополнения, допускающие заключение договора в форме электронного документа.

Эти новеллы законодателя были поддержаны Росреестром, который в соответствии с ч. 1.3 (введенной Федеральным законом от 30.04.2021 № 120-ФЗ) ст. 18 Закона о государственной регистрации недвижимости вправе разрабатывать примерные условия договоров в отношении объектов недвижимости, размещать их

---

[5] *Рузакова О. А.* Вопросы цифровизации прав в банковской сфере в соответствии с Федеральным законом «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Банковское право. 2019. № 4. С. 29—35.

[6] Интеграция науки и образования в условиях цифровой трансформации : монограф : в 3 т. М. : РГ-Пресс. 2022. Т. 3 / отв. ред. С. Д. Могилевский, О. В. Шмалий, И. А. Емелькина [и др.]. С. 66 (автор — И. А. Емелькина).

[7] См.: *Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А.* Указ. соч. С. 75—79.

на своем официальном сайте и публиковать в печати в соответствии со ст. 427 ГК РФ. Заключение договора в форме электронного документа может осуществляться сторонами с применением разработанных Росреестром примерных условий соответствующих договоров.

Однако изучение информации, размещенной на сайте Росреестра и его региональных управлений, позволяет сделать вывод, что контрагенты не могут самостоятельно без посредника через личный кабинет в электронной форме заключить договор по отчуждению недвижимости. Эта возможность предоставляется сторонам, прибегающим к услугам нотариуса или онлайн-сервисов, правообладателями которых являются определенные коммерческие организации. Если, например, граждане обращаются к нотариусу, то риски, связанные с заключением дистанционного договора по отчуждению недвижимости в электронной форме при участии двух или более нотариусов, сведены к минимуму: неизменность текста цифрового договора обеспечивается не только средствами единой информационной системы (ЕИС) нотариата и усиленной квалифицированной электронной подписью нотариуса, но и экземпляром договора на бумажном носителе, подписанного стороной договора, удостоверенного нотариусом и хранящегося в делах нотариальной конторы.

В последнее время граждане достаточно часто прибегают к «раскрученным» в рекламе онлайн-сервисам по продаже недвижимости, таким, как «ДомКлик»[8], ЦИАН[9], «Авито»[10] и т.д., совершенно не задумываясь о возможных негативных последствиях заключения цифровых договоров, связанных с рисками потери недвижимости и мошенничеством. Так, например, в п. 2 Условий «Авито Доставки» указано: «Компания не является участником, организатором сделки, покупателем, продавцом, посредником, агентом, представителем какого-либо пользователя или иным заинтересованным лицом в отношении сделок между пользователями. Пользователи используют размещенную на Авито информацию, чтобы заключать *сделки на свой риск без прямого или косвенного участия, или контроля со стороны Компании* (курсив наш. — *Л. В.*)»[11].

Соблазн в один-два клика купить или продать недвижимость, прибегая к услугам посредника (онлайн-сервисам), во многом связан еще и с тем, что пользователю приложения на электронном устройстве предлагают «уникальный сервис

[8] ООО «ДомКлик» является дочерней компанией ПАО Сбербанк. Прежнее наименование — ООО «Центр недвижимости от Сбербанка» или ООО «ЦНС».

[9] Смена регистрации материнской компании Cian Technology Ltd с Сейшельских островов в специальный административный район на острове «Октябрьский» Калининградской области произошла 24.09.2024. Бóльшая часть ее акций принадлежит иностранным компаниям. Cian Technology Ltd планирует к концу 2024 г. получить статус МКПАО (международной компании публичного акционерного общества). См.: URL: https://tass.ru/nedvizhimost/21945705 (дата обращения: 13.10.2024).

[10] Сайт-классифайд Avito является продуктом известной шведской компании Avito Holding AB. Подробнее об этом см.: *Василевская Л. Ю., Рожкова М. А.* Оказание электронных услуг онлайн-классифайдами: проблемы правовой регламентации // Хозяйство и право. 2020. № 11. С. 41—51.

[11] URL: https://www.avito.ru/legal/goods/delivery#about (дата обращения: 12.10.2024).

для поиска, покупки, продажи, аренды недвижимости и безопасного проведения сделок с жильем»[12]. Возникает вопрос: как «ДомКлик», являясь «продуктовой технологической IT-компанией»[13], может гарантировать безопасность проведения сделок с недвижимостью? Очевидно, что используемый «ДомКлик.ЦифровойСтандарт» (платформа для автоматизации процесса подачи в Росреестр заявления на регистрацию перехода права собственности на недвижимость) не защищает граждан от утечки персональных данных лиц, участвующих в сделке, а ООО «ДомКлик» не несет никакой юридической ответственности за совершенную ненадлежащим образом сделку.

Возьмем другой пример. В лицензионном соглашении, размещенном на сайте ЦИАН, п. 6.1.9 предусматривает обязанность лицензиата по запросу лицензиара предоставлять копию паспорта собственника, выписку из ЕГРН или скан-копию свидетельства о собственности на объект недвижимости, фотографию лицензиата с листом, на котором указаны ID учетной записи лицензиата, и другие документы по объекту недвижимости[14]. При этом лицензионное соглашении не предусматривает обязанностей лицензиара по сохранению конфиденциальной информации, полученной от лицензиата, и компания не несет ответственности за утечку этой информации, включая и персональные данные лицензиата.

Желание физического лица самостоятельно, без цифровых посредников совершить электронную сделку с объектом недвижимости связано с не меньшим количеством проблем. В частности, купля-продажа недвижимости в электронной форме сопряжена с проблемой получения усиленной квалифицированной электронной подписи. Если раньше законодатель предусматривал возможность использования при совершении сделок с недвижимостью простой электронной подписи, применение которой было связано с многочисленными случаями мошенничества, то введение в 2019 г. новой статьи 36.2 в Закон о государственной регистрации недвижимости (введенной Федеральным законом от 02.08.2019 № 286-ФЗ) должно было минимизировать случаи мошенничества, связанного с незаконным использованием чужой электронной подписи при отчуждении недвижимости. Речь идет об обязательном предоставлении физическим лицом заявления в Росреестр о возможности регистрации права собственности на объект недвижимости на основании документов, подписанных усиленной квалифицированной электронной подписью (УКЭП), и внесении записи об этом в ЕГРН.

Ранее сертификат ключа проверки электронной подписи можно было получить в многочисленных удостоверительных центрах, список которых был размещен на сайте Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. В настоящее же время получение необходимых документов усложнено тем, что порой участнику дистанционной сделки трудно разобраться, к кому следует обратиться для создания и выдачи сертификата ключа проверки электронной подписи. В какой аккредитованный удостоверительный центр следует обратиться физическому лицу: в коммерческую организацию, к индивидуальному предпринимателю,

---

[12] URL: https://domclick.ru/terms/it_company (дата обращения: 10.10.2024).

[13] URL: https://domclick.ru/terms/it_company (дата обращения: 10.10.2024).

[14] URL: https://www.cian.ru/legal-documents/licenzionnoe_soglashenie_0/ (дата обращения: 12.10.2024).

которые осуществляют функции по созданию и выдаче сертификатов ключей проверки электронных подписей, или в определенный государственный орган, или орган местного самоуправления, выполняющие аналогичные функции? В каких случаях необходимо обращаться к доверенным лицам удостоверяющего центра? Кто выполняет функции доверенного лица? Когда следует обратиться к доверенной третьей стороне? Что такое метка доверенного времени, кто ее создает и проверяет? В каких случаях выдается квалифицированный сертификат ключа проверки электронной подписи, а в каких случаях ключ проверки электронной подписи указан в сертификате, не подпадающем под режим квалифицированного сертификата?

Перечисленные вопросы, возникающие при электронном взаимодействии сторон, должны быть им понятны. Законодательные новеллы на практике не уменьшили количество вопросов, связанных с совершением сделок с недвижимостью в электронной форме, о чем красноречиво свидетельствует судебная практика[15].

Не меньше проблем возникает с оформлением дистанционных сделок и у юридических лиц. В соответствии с ч. 1 ст. 17.2 Федерального закона от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «Об электронной подписи» (далее — Закон об ЭП) квалифицированный сертификат усиленной квалифицированной электронной подписи юридические лица могут получить в настоящее время только в Удостоверяющем центре Федеральной налоговой службы (ФНС России). Участникам финансового рынка квалифицированный сертификат выдается в Удостоверяющем центре Центрального банка РФ (в соответствии с ч. 2 ст. 17.2 Закона об ЭП).

Более того, в ФНС России в соответствии с ч. 6.1 ст. 15 Закона об ЭП определены доверенные лица Удостоверяющего центра ФНС России (ПАО «Сбербанк», Банк «ВТБ» (ПАО)[16], АО «ТБанк» и др.), которые наделены полномочиями не только на прием заявлений о получении квалифицированного сертификата юридического лица, но и на создание ключа электронной подписи (при условии исключения возможности доступа работников таких доверенных лиц к ключам электронных подписей заявителей), а также на хранение ключей квалифицированных электронных подписей для дистанционного использования и на создание при помощи указанных ключей электронных подписей для электронных документов.

Как показывает судебная практика[17], такое дублирование полномочий Удостоверяющего центра ФНС России и его доверенных лиц, которыми выступают

[15] См., например: определение Конституционного Суда РФ от 29.10.2020 № 2410-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Панова Сергея Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью 2 статьи 5 и частью 2 статьи 6 Федерального закона “Об электронной подписи”» ; определение Верховного Суда РФ от 12.10.2020 № 306-ЭС20-14243 по делу № А49-10924/2019 ; определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 05.12.2023 № 19-КГ23-32-К5 ; определение Верховного Суда РФ от 21.0-6.2024 № 305-ЭС24-8985 по делу № А41-9289/2023.

[16] См., например: приказ от 25.10.2021 № ЕД-7-214/929@ Министерства финансов РФ и Федеральной налоговой службы «Об определении доверенных лиц Удостоверяющего центра ФНС России».

[17] См.: постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 06.08.2024 № 09АП-34735/2024 по делу № А40-7920/2024 ; постановление Девятого арбитражного апелляци-

прежде всего крупные банки при условии минимального размера их собственных средств (капитала) не менее чем в два миллиарда рублей (а при наличии установленных ч. 3 ст. 16 Закона об ЭП дополнительных условий — не менее чем один миллиард рублей), осложняет гражданский оборот и ставит вопросы о целесообразности такого совмещения функций.

Банковское лобби позволило в цифровом обороте недвижимости создать кредитным организациям электронные платформы (онлайн-классифайды), через которые происходит цифровое взаимодействие клиентов с Росреестром. При этом, как было отмечено ранее, гарантий безопасности такое взаимодействие не обеспечивает, и возможность купли-продажи недвижимости в несколько кликов с помощью гаджетов может обернуться существенными имущественными потерями.

На практике очень часто возникают проблемы, на которые не обращают внимание руководители юридических лиц, в случае невозможности по уважительным причинам (болезнь, командировка и проч.) подписания ими электронной подписью необходимых документов и передачи материального носителя УКЭП другому лицу. Возникает вопрос: вправе ли руководитель организации передавать материальный носитель УКЭП для подписания документов электронной подписью? Безусловно, этого делать нельзя, поскольку электронная подпись (п. 1 ст. 2 Закона об ЭП) — это информация в электронной форме, которая используется для определения лица, подписывающего информацию. Более того, информация в электронной форме, подписанная УКЭП, признается электронным документом, равнозначным документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью (ч. 1 ст. 6 Закона об ЭП). Это значит, что в соответствии с предписаниями абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ УКЭП — это аналог собственноручной подписи.

Следовательно, передачу материального носителя УКЭП можно с юридико-технической точки зрения приравнять к передаче чистых бланков с подписью руководителя организации. Как показывает судебная практика[18], оспорить договоры в электронной форме на том основании, что они подписаны УКЭП неуполномоченным лицом, практически невозможно, поскольку в этом случае не обеспечивается конфиденциальность ключей электронных подписей (п. 1 ч. 1 ст. 10 Закона об ЭП). В целях исключения из правоприменительной практики подобных негативных случаев следует иметь в виду, что при выдаче квалифицированного сертификата ключа проверки УКЭП в нем в качестве владельца сертификата, наряду с указанием наименования юридического лица, указывается и физическое лицо, действующее от имени юридического лица без доверенности. В случае выдачи неквалифицированного сертификата в нем должно быть указано в качестве владельца (наряду с наименованием юридического

онного суда от 13.08.2024 № 09АП-18254/2024 по делу № А40-262424/2023 ; постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 12.02.2024 № 09АП-89850/2023 по делу № А40-188889/2023.

[18] См.: постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 27.023.2023 № Ф04-806/2023 по делу № А70-4526/2022 ; постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 12.07.2022 № Ф07-9871/2022 по делу № А56-3769/2021.

лица) физическое лицо, действующее от имени юридического лица на основании доверенности (ч. 3 ст. 14 Закона об ЭП). В договорной практике это часто не учитывается[19].

Таким образом, если руководитель юридического лица в силу определенных причин не может подписать документ с помощью УКЭП, в квалифицированном сертификате которого в качестве владельца, наряду с указанием наименования юридического лица, указан и руководитель организации, действующий без доверенности от имени этой организации, то его должно подписать уполномоченное лицо своей личной УКЭП от имени организации, но для этого необходимо (согласно предписаниям п. 2 и п. 2.2 ч. 1, п. 2 ч. 2 ст. 17.2 Закона об ЭП) оформить доверенность.

Полномочие на подписание договора представителем юридического лица, получившего неквалифицированный сертификат, должно сопровождаться оформлением распорядительного акта с указанием физического лица — представителя, действующего от имени юридического лица на основании доверенности[20].

Таким образом, осложненный электронный документооборот, когда порядок реализации функций удостоверяющего центра устанавливается им самостоятельно (ч. 7 ст. 13 Закона об ЭП), а создание и выдача сертификатов ключей проверки электронных подписей возможны и без личного присутствия с использованием простой электронной подписи лица, обратившегося в удостоверяющий центр (п. 1 ч. 1 ст. 13 Закона об ЭП), не гарантируют юридической чистоты сделки с недвижимостью, не защищают ее участников от утечки конфиденциальной информации, незаконного отчуждения недвижимости и иных имущественных потерь.

За последние пять лет количество преступлений в цифровой среде увеличилось вдвое и составляет треть от всех зарегистрированных преступлений[21]. Безусловно, развитие оборота недвижимости в условиях цифровизации невозможно без электронных технологий, применение которых актуализирует проблему защиты вещных прав граждан и юридических лиц. Это означает, что необходимо создать прежде всего правовой механизм участия кредитных организаций в обороте недвижимости и установить жесткие правила для совершения дистанционных сделок с недвижимостью.

---

[19] См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» ; определение Верховного Суда РФ от 17.01.2022 № 307-ЭС21-25154 по делу № А66-16395/2019 ; постановление Арбитражного суда Московского округа от 13.06.2024 № Ф05-25908/2022 по делу № А40-236090/2022.

[20] См.: письмо Минцифры России от 10.08.2021 № ОП-П15-085-33604 ; письмо ФНС России от 17.07.2024 № ЗГ-2-26/10319.

[21] URL: https://notariat.ru/ru-ru/news/cifrovoj-roscherk-riski-bystryh-i-razmashistyh-sdelok-2402 (дата обращения: 12.10.2024).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Василевская Л. Ю.* Электронная форма сделок в условиях развития цифровых технологий: проблемы определения и толкования // Хозяйство и право. — 2019. — № 9. — С. 15—30.
2. *Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А.* Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование) : монография : в 5 т. — М. : Проспект, 2021. — Т. 1 /отв. ред. Л. Ю. Василевская. — 288 с.
3. *Василевская Л. Ю., Рожкова М. А.* Оказание электронных услуг онлайн-классифайдами: проблемы правовой регламентации // Хозяйство и право. — 2020. — № 11. — С. 41—51.
4. Интеграция науки и образования в условиях цифровой трансформации : монография : в 3 т. — М. : РГ-Пресс, 2022. — Т. 3 / отв. ред. С. Д. Могилевский, О. В. Шмалий, И. А. Емелькина [и др.]. — 208 с.
5. *Рузакова О. А.* Вопросы цифровизации прав в банковской сфере в соответствии с Федеральным законом «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Банковское право. — 2019. — № 4. — С. 29—35.

Инновационная кооперация

К вопросу об организационно-правовой форме исследовательского консорциума[1]

Татьяна Владимировна СОЙФЕР,
профессор кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор
tvsojfer@msal.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Аннотация. *Реализация государственно значимых задач в области научно-технологического развития предполагает необходимость применения эффективных вариантов нормативного регулирования отношений, возникающих в рамках инновационной кооперации и трансфера технологий, а также поиск оптимальных способов правового оформления складывающихся конструкций и образований. Концепция технологического развития на период до 2030 года предусматривает в целях интеграции научно-исследовательской и производственно-технологической деятельности закрепление в российском законодательстве такой новой организационно-правовой формы, как исследовательский консорциум, на который возлагается миссия по осуществлению крупномасштабных проектов. В статье выделяются признаки, свойственные подобным объединениям, и обосновывается недостаточность существующих гражданско-правовых моделей для их адекватной регламентации. Также рассматриваются возможные средства правового обеспечения исследовательских консорциумов с учетом возможности их формирования на договорной основе и в качестве субъекта, обладающего правами юридического лица, в том числе определяются направления развития законодательства в целях адекватного организационного оформления исследовательских консорциумов и эффективного правового регулирования их деятельности.*
Ключевые слова: *консорциум, исследовательский консорциум, инновационная кооперация, договор простого товарищества, юридическое лицо, некоммерческая организация*

DOI: 10.17803/2311-5998.2024.123.11.035-045

[1] Статья выполнена в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

© Сойфер Т. В., 2024

Tatiana V. SOYFER,
Professor of the of the Department of Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Dr. Sci. (Law), Professor
tvsojfer@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

On the Issue of the Organizational and Legal Form of a Research Consortium

Abstract. *The implementation of state-significant tasks in the field of scientific and technological development implies the need to apply effective options for legal regulation of relations arising within the framework of innovative cooperation and technology transfer, as well as the search for optimal ways of legal registration of emerging structures and formations. The concept of technological development for the period up to 2030 provides for the consolidation of a new organizational and legal form in Russian legislation in order to integrate research and production and technological activities — a research consortium, which is entrusted with the mission of implementing large-scale projects. The article highlights the features inherent in such associations, and substantiates the insufficiency of existing civil law models for their adequate regulation. The possible means of legal support for research consortia are also considered, taking into account the possibility of their formation on a contractual basis and as a subject with the rights of a legal entity, including the directions for the development of legislation in order to adequately organize research consortia and effectively regulate their activities.*
Keywords: *consortium, research consortium, innovative cooperation, simple partnership agreement, legal entity, non-profit organization*

Ключевым фактором развития России на современном этапе признается трансформация науки и технологий. В числе обширных инструментов, обеспечивающих реализацию этой задачи, особое место занимает использование механизма трансфера технологий, позволяющего превращать научные решения в конечный для потребителя продукт посредством применения различных способов, включая создание информационных цифровых систем, обеспечивающих управление интеллектуальной собственностью; развитие технологического предпринимательства; формирование специальной инфраструктуры по типу научно-технологических кластеров, индустриальных парков и др.

Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 28.02.2024 № 145[2], предусматривает консолидацию усилий органов публичной власти, научно-образовательных и предпринимательских сообществ, институтов гражданского общества по созданию

[2] См.: Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 10. Ст. 1373.

благоприятных условий для применения достижений науки и технологий в интересах социально-экономического и пространственного развития России.

Очевидно, что интеграция лиц, объединение их потенциалов, материальных и интеллектуальных ресурсов способны не только интенсифицировать создание теоретических идей и новых инновационных результатов, но и гарантировать их оперативную практическую реализацию. При этом положительный эффект кооперационных процессов в научно-технической области во многом зависит от эффективности и адекватности правовых средств, используемых для оформления создаваемых объединений.

Концепция технологического развития на период до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р[3], предусматривает необходимость формирования исследовательских консорциумов — объединений научных организаций при участии бизнеса, ответственных за реализацию сложных инновационных задач практической направленности. При этом под исследовательскими консорциумами предлагается понимать научно-образовательные структуры, способные реализовывать крупномасштабные технологические проекты вплоть до разработки готовых к коммерциализации опытных образцов. Их основной функционал должен быть направлен на оперативное решение научно-образовательных задач путем выстраивания эффективного взаимодействия между участниками консорциума за счет объединения собственных и внешних ресурсов, перераспределения указанных задач между ними и оптимизации затрат на научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы.

Для достижения целостности инновационного цикла по основным направлениям технологических приоритетов планируется осуществление ряда мероприятий, нацеленных на усиление организационной интеграции научно-исследовательской и производственно-технологической деятельности, в числе которых обеспечение правовых условий и поощрение создания исследовательских консорциумов в сфере научных исследований и разработок, а также закрепление в российском законодательстве новой организационно-правовой формы — исследовательский консорциум (разделы 2, 3 Концепции).

Отечественному правопорядку конструкция консорциума известна. К примеру, возможность предприятий, объединений и организаций, независимо от их ведомственной принадлежности, самостоятельно на договорных началах создавать консорциумы, сохраняя при этом свою хозяйственную самостоятельность, предусматривалась Законом СССР от 30.06.1987 № 7284-XI «О государственном предприятии (объединении)» (п. 7 ст. 5)[4]. Сегодня консорциум в официальных

[3] Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» (вместе с Концепцией технологического развития на период до 2030 года) // СЗ РФ. 2023. № 22. Ст. 3964.

[4] Ведомости Верховного Совета СССР. 1987. № 26. Ст. 385.
Право создавать консорциумы также предоставлялось кооперативам (п. 3 Ст. 10 Закона СССР от 26.05.1988 № 8998-XI «О кооперации в СССР» (Ведомости Верховного Совета СССР. 1988. № 22. Ст. 355), крестьянским (фермерским) хозяйствам (ст. 3 Закона РСФСР от 22.11.1990 № 348-1 «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» (Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. 1990. № 26. Ст. 324), арендаторам (ст. 6

документах зачастую признается приоритетным вариантом объединений для решения конкретных задач и реализации определенных целей, и прежде всего в научно-технических областях, в том числе в направлении развития аддитивных технологий[5], креативных индустрий[6], водородной энергетики[7] и др.

Создание исследовательских консорциумов предусматривается в целях научно-технического и интеллектуального обеспечения структурных изменений, а также технологического прорыва в лесном комплексе. Применительно к данной области исследовательскими консорциумами признаются объединения вузов, научных и производственных организаций для консолидации ресурсов в сфере кадрового и научного обеспечения инновационного развития. На их базе предполагается создание и испытание новых образцов техники, глобально конкурентоспособных и востребованных на мировом рынке продуктов и изделий за счет применения инновационных подходов, материалов, методов и процессов, включая разработку технологий «умного» производства, обеспечивающих технологическое лидерство, экономическое развитие, социальный прогресс.

При этом важное направление деятельности консорциумов в виде инновационно-технических центров — создание прибыльных бизнес-моделей организации бизнеса, внедрение новых технологий, техники, демонстрация передовых технологий и инновационных решений, обеспечивающих рост потенциала отраслей, создание высокотехнологичных продуктов с принципиально новыми потребительскими свойствами и конкурентоспособных технических решений[8].

В сфере электронной промышленности в качестве консорциумов рассматриваются объединения научно-производственных, сбытовых организаций и потребителей, создаваемые для реализации проектов по разработке, производству, выводу на рынок и развитию электронной продукции или линейки такой продукции. Участниками консорциума могут быть образовательные и научные организации, разработчики компонентной базы и программного обеспечения, производители изделий, институты развития, венчурные компании, потребители

Основ законодательства Союза ССР и союзных республик об аренде, утв. Верховным Советом СССР 23.11.1989 № 810-1 (Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. 1989. № 25. Ст. 481) и др.

[5] См.: Стратегия развития аддитивных технологий в Российской Федерации на период до 2030 года, утв. распоряжением Правительства РФ от 14.07.2021 № 1931-р // СЗ РФ. 2021. № 30. Ст. 5851.

[6] См.: Концепция развития креативных (творческих) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки до 2030 года, утв. распоряжением Правительства РФ от 20.09.2021 № 145-р // СЗ РФ. 2021. № 40. Ст. 6877.

[7] См.: Концепция развития водородной энергетики в Российской Федерации, утв. распоряжением Правительства РФ от 05.08.2021 № 2162-р // СЗ РФ. 2021. № 33. Ст. 6124.

[8] См.: Стратегия развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года, утв. распоряжением Правительства РФ от 11.02.2021 № 312-р // СЗ РФ. 2021. № 8 (ч. II). Ст. 1398.

и иные заинтересованные организации, в том числе с иностранным участием[9]. Признание консорциума перспективной формой для объединения лиц обусловлено достаточно широким и демонстрирующим позитивные результаты применением данной модели в зарубежных странах, в частности функционированием европейских консорциумов исследовательской инфраструктуры[10].

В настоящее время в отечественном законодательстве единое легальное определение консорциума, раскрывающее его правовую сущность и принципы формирования, не закреплено. С экономических позиций консорциум обычно определяется как временное добровольное объединение разноплановых компаний на договорной основе для осуществления крупных экономических или социальных проектов, реализуемых обычно в рамках стратегических инициатив государства и (или) бизнеса[11]. При этом предполагается, что управление в консорциуме централизовано, его участники сохраняют свою полную экономическую независимость, а основанием прекращения объединения является достижение поставленных целей, в том числе осуществление научных исследований, проведение которых индивидуально невозможно или затруднительно вследствие значительных затрат и рисков; требуется распределение расходов на разработки между несколькими компаниями или консолидация участников с ограниченными трудовыми и материальными ресурсами[12].

В юридической доктрине консорциум также обычно определяется как временное объединение компаний с целью решения крупных задач и реализации инвестиционных проектов, имеющее добровольную основу, в котором каждый из участников имеет свою сферу ответственности и обязательств. При этом отмечается, что цель интеграции участников может иметь как коммерческий характер, так и состоять в создании какого-то продукта или технологии, которые в дальнейшем будут коммерциализированы и выведены на рынок[13].

К числу основных признаков, характеризующих консорциум и отличающих его от иных подобных образований, обычно относят множественность участников, объединяющих усилия, капиталы, деловые связи, профессиональные компетенции; наличие у участников единой коммерческой или некоммерческой цели, для

---

[9] См.: Стратегия развития электронной промышленности в Российской Федерации на период до 2030 года, утв. распоряжением Правительства РФ от 17.01.2020 № 20-р // СЗ РФ. 2020. № 4. Ст. 410.

[10] См.: *Четвериков А. О.* Европейские консорциумы исследовательской инфраструктуры: международные организации по европейскому праву или юридические лица sui generis? // Lex russica. 2019. № 7. С. 141—150.

[11] См.: *Малашкина О. Ф.* Консорциум как модель управления развитием высокотехнологичных компаний // Экономика и социум: современные модели развития. 2020. Т. 10. № 1. С. 74—76.

[12] См.: *Ашраф Б.* Систематизация инноваций и организационные формы инновационной деятельности предприятий на современном этапе // Вестник экономики и менеджмента. 2021. № 2. С. 47.

[13] См.: *Крылов А. А.* Правовые аспекты феномена стратегического партнерства как особой формы экономических отношений между Российской Федерацией и другими государствами // Юридические исследования. 2020. № 4. С. 62.

достижения которой они объединились; солидарную ответственность участников консорциума перед кредиторами; организационное единство, предполагающее наличие в консорциуме внутренней структуры и органов управления с четким распределением ролей, функций и задач; временный характер объединения, обусловленный необходимостью достижения конкретной цели[14].

Вместе с тем единой позиции относительно возможности создания консорциумов в качестве образований с самостоятельной правосубъектностью не сложилось. Одни авторы полагают, что консорциум является исключительно договорным объединением сохраняющих свою юридическую самостоятельность участников, которое не может обладать статусом юридического лица[15]. Другие высказывают мнение о возможности организационно-правового оформления консорциумов как юридических лиц[16]. Данный вывод также может быть сделан на основании анализа ряда официальных документов. К примеру, Программа стратегического академического лидерства «Приоритет-2030»[17] предусматривает в рамках развития российских университетов создание консорциумов, т.е. объединений с другими университетами и (или) научными организациями, а при необходимости и с иными организациями на основании соглашений о взаимодействии, в том числе без образования юридического лица.

Представляется, что при отсутствии четких нормативных предписаний принципиально допустимо существование исследовательских консорциумов двух типов: создаваемых в форме как договорного объединения субъектов, так и объединения, образуемого в качестве юридического лица в определенной или одной из предусмотренных организационно-правовых форм. При этом выбор варианта оформления для конкретного консорциума должен предопределяться комплексом факторов: целями его создания, которые могут состоять в поиске и реализации перспективных инновационных проектов, проведении объемных и дорогостоящих научных экспериментов, совместном использовании оборудования и технологий, совместной реализации результатов исследований; предполагаемыми для их достижения затратами и ожидаемыми рисками; принципами планируемого организационного построения объединения и др.

Действующее законодательство не предусматривает специального договора, который мог бы использоваться для оформления объединений консорциального типа. В литературе упоминается возможность создания консорциумов

---

[14] См.: *Бирюков Д.* Правовое регулирование деятельности консорциумов // Хозяйство и право. 2010. № 1. С. 118.

[15] См., например: *Ерин В. В.* Объединения без образования юридического лица // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 7. С. 82.

[16] См., например: *Елкина Л.*, *Кузьминых Н., Машкина Д.* Механизм выбора научно-производственной кооперации на региональном уровне // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2018. № 4 (142). С. 58.

[17] См.: постановление Правительства РФ от 13.05.2021 № 729 «О мерах по реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» // СЗ РФ. 2021. № 22. Ст. 3823.

на основании непоименованного договора[18], смешанных договоров[19], договора доверительного управления имуществом (гл. 53 ГК РФ)[20], хотя при этом указывается на возможные правовые проблемы практического свойства при применении данных конструкций.

Поскольку для любого консорциума характерно наличие единой для объединяющихся лиц цели, наиболее подходящим для его оформления в настоящее время является договор простого товарищества (договор о совместной деятельности), по которому двое или несколько лиц (товарищей) обязуются соединить свои вклады и совместно действовать без образования юридического лица для извлечения прибыли или достижения иной не противоречащей закону цели (п. 1 ст. 1041 ГК РФ). Именно эта конструкция, как свидетельствует анализ лучших практик, применяется обычно при создании в качестве консорциумов научно-образовательных партнерств[21]. Договор простого товарищества призван обеспечивать организационное единство участников, позволяющее им действовать совместно на основе созданной ими имущественной базы.

Вместе с тем многие нормы гл. 55 ГК РФ о простом товариществе имеют общий характер и не учитывают специфику исследовательских консорциумов, в том числе характер реализуемых ими целей в области трансфера научных результатов и многообразие средств их достижения, различия в сущности и сроках получения, вариантах коммерциализации планируемых инновационных продуктов и новейших технологий, особенности правового статуса объединяющихся лиц и формы их вкладов в общее дело и др.

Так, сегодня участниками договора простого товарищества, целью которого является осуществление предпринимательской деятельности, могут быть только индивидуальные предприниматели и (или) коммерческие организации (п. 2 ст. 1041 ГК РФ). Данная норма способна создать спорные ситуации и условия для исключения научных и образовательных структур (несмотря на возможное наличие у них способности к осуществлению приносящей доход деятельности в порядке п. 3 ст. 50 ГК РФ) из состава участников совместной деятельности на этапе коммерциализации полученных инновационных результатов. Также обязательным для договора простого товарищества является объединение участниками вкладов, которые, наряду с произведенной в результате совместной деятельности продукцией и иными поступлениями, образуют общее имущество, принадлежащее объединившимся лицам на праве общей долевой собственности (п. 1 ст. 1043 ГК РФ).

---

[18] См.: *Савельев А. В.* Квазикорпоративные лица в предпринимательском законодательстве РФ // Российский юридический журнал. 2007. № 5. С. 73.

[19] См.: *Бирюков Д.* Указ. соч. С. 121—122.

[20] См.: *Витоль Э. Ю., Тюляев Г. С.* Актуальность конструкции консорциумов для российского права // Вестник гражданского права. 2018. № 1. Т. 18. С. 77—78.

[21] См.: *Ильина Н. А., Серова О. А.* Сетевые образовательные программы: эволюция формирования регуляторного подхода и вопросы практической реализации сетевой формы сотрудничества // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 5. С. 80.

Хотя данное правило является диспозитивным, для исследовательского консорциума, нацеленного на создание и внедрение инновационных продуктов, характер которых не всегда прогнозируем при заключении договора о создании консорциума, оно может создать серьезные проблемы при определении судьбы результатов научных разработок и новых технологий, использовавшегося для проведения исследований оборудования; вызвать сложности при решении вопросов о принадлежности исключительных прав на новые интеллектуальные результаты и порядке их использования, о распоряжении такими правами.

Кроме того, весьма проблематичным видится применение к договорным исследовательским консорциумам правил о ведении общих дел и управлении в простом товариществе (ст. 1044 ГК РФ). Создание консорциума предполагает установление особых организационных отношений между участниками, обусловленных их совместной заинтересованностью в получении инновационных результатов, их воплощении в конечной продукции и ее реализации. В частности, в консорциальном объединении обычно предполагается наличие системы органов, в том числе коллегиально определяемого лидера, осуществляющего координацию общих усилий и деятельности, представляющего интересы консорциума в отношениях с третьими лицами.

Являясь одним из участников консорциума, лидер действует в рамках полномочий, закрепляемых консорциальным соглашением, и обычно получает вознаграждение от других участников за выполнение своих управленческих и иных функций. Вряд ли достаточны и эффективны для консорциумов положения о распределении расходов и убытков между товарищами (ст. 1046 ГК РФ) с учетом возможных различий в характере и степени участия каждого из членов консорциума в достижении общей цели; об ответственности товарищей по обязательствам, возникающим в связи с совместной деятельностью (ст. 1047 ГК РФ), поскольку квалификация целей объединения не всегда очевидна, также эти цели способны меняться и уточняться на отдельных этапах совместной деятельности, зависеть от успехов в части получения интеллектуальных результатов и др.

Практические вопросы могут возникнуть при применении норм об основаниях и последствиях прекращения договора простого товарищества, в том числе при выходе кого-либо из его состава (ст. 1050 ГК РФ). В связи с отмеченным представляется необходимым как минимум закрепление в гл. 55 ГК РФ отдельных норм, регламентирующих договорные отношения, предполагающие создание консорциума. Именно такой вариант правового регулирования применяется в Республике Казахстан, где консорциумы создаются на основе общего договора о совместной деятельности, но обладают определенной нормативно установленной спецификой (ст. 228, 233 ГК РК).

Однако в связи с высокой вероятностью конфликта интересов, обусловленной как разными организационными масштабами участников, так и их ролью в реализации инновационных процессов[22], более предпочтительным является принятие специального закона, который бы предусмотрел особенности консорциального договора, оформляющего осуществление совместной исследовательской

[22] См. подробнее: *Евстафьева Ю. В.* К становлению научно-технологических консорциумов в российской экономике // Российский экономический журнал. 2019. № 6. С. 36.

деятельности в целях реализации научно-технических проектов, закрепил правовое положение и ответственность участников договора, порядок установления, изменения или прекращения их прав и обязанностей.

Образование консорциума в качестве юридического лица сегодня предполагает выбор объединяющимися лицами одной из организационно-правовых форм, допускаемых ГК РФ для коммерческих или некоммерческих юридических лиц. Для консорциумов, направленных на извлечение прибыли, наиболее приемлемыми являются формы хозяйственных обществ и партнерств. Однако, исходя из сущности исследовательского консорциума, извлечение прибыли может при его создании быть лишь условной перспективой, зависящей от успеха предстоящих интеллектуальных разработок. Кроме того, оформление в виде коммерческого юридического лица будет означать лишение исследовательского консорциума экономической поддержки, которая оказывается некоммерческим организациям (ст. 31 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»[23]).

Поскольку исследовательским консорциумом признается прежде всего научно-образовательная структура, реализующая технологические проекты, наиболее вероятен вывод о его некоммерческом характере. В отличие от коммерческих юридических лиц основная цель некоммерческих организаций не связана с извлечением прибыли. Прибыль, получаемая ими при осуществлении в допустимых рамках приносящей доход деятельности, не распределяется между участниками и направляется на достижение основных некоммерческих целей (п. 1 ст. 50 ГК РФ). Однако данное императивное правило применительно к консорциумам, предполагающим интеграцию научной-технической и производственной составляющих, также способно создать проблемы при распределении между участниками позитивных результатов осуществляемой деятельности, в частности при выводе инновационных продуктов и технологий на рынок.

Исчерпывающий перечень организационно-правовых форм некоммерческих юридических лиц предусмотрен п. 3 ст. 50 ГК РФ, из числа которых единственной внешне подходящей консорциальному объединению является ассоциация (союз) (п. 1 ст. 123.8 ГК РФ). Однако основной направленностью ассоциации (союза) признаются представление и защита общих интересов участников для достижения общественно полезных целей, что оказывает влияние на регламентацию статуса, системы управления, прав и обязанностей членов (ст. 123.10, 123.11 ГК РФ).

Кроме того, корпоративный характер ассоциации (союза) предопределяет применение общих норм о правах и обязанностях участников юридических лиц, основанных на членстве (ст. 65.2 ГК РФ), о структуре и компетенции органов управления корпорациями (ст. 65.3 ГК РФ). Эти общие нормы не учитывают специфику поставленных перед исследовательскими консорциумами государственно значимых задач и возможные способы их реализации, а потому могут быть неэффективны. Очевидно, что требуются особые подходы к регламентации внутреннего устройства консорциума, системы органов управления и контроля, прав и обязанностей объединяющихся лиц, их ответственности, к формированию и правовому режиму имущества и др.

[23] СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145.

В связи с этим заслуживает внимания мнение о возможности нормативного признания исследовательским консорциумом временного юридического лица, создаваемого научно-исследовательскими организациями, объединяющими свои усилия для реализации крупномасштабного инвестиционного проекта[24]. Это потребует законодательного закрепления исследовательского консорциума в качестве самостоятельной организационно-правовой формы некоммерческого корпоративного юридического лица, а также установления особенностей его устройства и гражданско-правового статуса с учетом присущих ему черт и принципов функционирования.

При этом следует учитывать, что, хотя магистральная направленность деятельности всех исследовательских консорциумов состоит в достижении целостности инновационного цикла по основным направлениям технологических приоритетов, для каждого их них характерно наличие собственной конкретной цели и, как следствие, вероятной специфики внутреннего построения и финансирования, содержания взаимоотношений между участниками, порядка взаимодействия с третьими лицами.

Очевидно, что все эти обстоятельства должны учитываться законодателем при выработке оптимальной и эффективной правовой модели исследовательского консорциума как новой самостоятельной организационно-правовой формы юридического лица, призванной обеспечить интеграцию науки, образования и производства в целях научно-технологического развития.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Андреев В. К.* Организационно-правовые формы включения высоких технологий в промышленное производство // Юрист. — 2023. — № 9. — С. 35—40.
2. *Ашраф Б.* Систематизация инноваций и организационные формы инновационной деятельности предприятий на современном этапе // Вестник экономики и менеджмента. — 2021. — № 2. — С. 46—48.
3. *Бирюков Д.* Правовое регулирование деятельности консорциумов // Хозяйство и право. — 2010. — № 1. — С. 118—123.
4. *Витоль Э. Ю., Тюляев Г. С.* Актуальность конструкции консорциумов для российского права // Вестник гражданского права. — 2018. — № 1. — Т. 18. — С. 52—84.
5. *Евстафьева Ю. В.* К становлению научно-технологических консорциумов в российской экономике // Российский экономический журнал. — 2019. — № 6. — С. 34—51.
6. *Елкина Л., Кузьминых Н., Машкина Д.* Механизм выбора научно-производственной кооперации на региональном уровне // Экономика и управление: научно-практический журнал. — 2018. — № 4 (142). — С. 54—59.

[24] См.: *Андреев В. К.* Организационно-правовые формы включения высоких технологий в промышленное производство // Юрист. 2023. № 9. С. 35—40.

7. *Ерин В. В.* Объединения без образования юридического лица // Вестник Московского университета МВД России. — 2015. — № 7. — С. 81—84.
8. *Ильина Н. А., Серова О. А.* Сетевые образовательные программы: эволюция формирования регуляторного подхода и вопросы практической реализации сетевой формы сотрудничества // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — № 5. — С. 72—83.
9. *Крылов А. А.* Правовые аспекты феномена стратегического партнерства как особой формы экономических отношений между Российской Федерацией и другими государствами // Юридические исследования. — 2020. — № 4. — С. 62—68.
10. *Малашкина О. Ф.* Консорциум как модель управления развитием высокотехнологичных компаний // Экономика и социум: современные модели развития. — 2020. — № 1. — С. 69—82.
11. *Савельев А. В.* Квазикорпоративные лица в предпринимательском законодательстве РФ // Российский юридический журнал. — 2007. — № 5. — С. 71—81.
12. *Четвериков А. О.* Европейские консорциумы исследовательской инфраструктуры: международные организации по европейскому праву или юридические лица sui generis? // Lex russica. — 2019. — № 7. — С. 141—150.

Петр Петрович БАТТАХОВ,
кандидат юридических наук, доцент кафедры «Гражданское право и процесс», Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова
battakhov@mail.ru
677000, Россия, г. Якутск, ул. Белинского, д. 58

Инновационная стратегия развития Арктической зоны России через призму инвестиций: правовые аспекты

Аннотация. *В статье рассматривается правовое регулирование размещения капитала для развития экономики страны. Определено понятие инвестиции с разных правовых позиций. Исследовано правовое регулирование инвестиционной деятельности на территории России. Уделено внимание вопросам гарантии и защиты прав иностранных инвесторов наряду с российскими инвесторами на территории Арктики. Выделены особенные предпринимательские направления инвестиционной деятельности на территории Арктической зоны России. Рассмотрен краудфандинг как быстрый способ привлечения международных капиталов для реализации разных проектов. Предложены ряд смягчений внешних, внутренних инвестиций на территории Арктики, а также установление в нормативном правовом акте страны определенного срока инвестиций, что имеет значение для привлечения инвесторов на территории Арктики. Сделан вывод о необходимости принятия в дальнейшем комплексного федерального закона.*
Ключевые слова: *инвестиция, территория, Арктика, бизнес, закон, экономика, государство, акт*

DOI: 10.17803/2311-5998.2024.123.11.046-053

Petr P. BATTAKHOV,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University
battakhov@mail.ru

Innovative Strategy for the Development of the Arctic Zone of Russia through the Prism of Investment: Legal Aspects

Abstact. The article discusses the legal regulation of capital placements for the development of the country's economy. The concept of investment from different legal positions has been defined. Investigated the legal regulation of investment activities in Russia. Attention was paid to the issues of guaranteeing and protecting the rights of foreign investors along with Russian investors in the Arctic. Special entrepreneurial areas of investment activity in the Arctic zone of Russia have been highlighted. Crowdfunding is considered as a quick way to attract international capital for the implementation of various projects. A number of mitigations of external, internal investors in the

© Баттахов П. П., 2024

Arctic have been proposed, as well as the establishment of a certain investment period in the country's regulatory legal act — this is an important point for attracting investors in the Arctic. It was concluded that it is necessary to adopt a comprehensive federal law in the future.
Keywords: *investment, territory, Arctic, business, law, economy, state, act*

Арктика является стратегически важным регионом для развития экономики страны. По разным оценкам, приблизительно в ближайшие сто лет эта территория будет флагманом прогресса человеческого потенциала и капитала. Поэтому государство уделяет особое внимание развитию территории Арктики. В последние годы иностранные и российские хозяйственные субъекты при большой конкуренции размещают капитал для освоения арктических территорий. Для сохранения особой территории Российская Федерация как суверенное государство должна сохранить стратегически значимые территориальные просторы. Согласно Основному закону страны многонациональный народ России как источник власти вправе требовать сохранения целостности территории страны.

В последнее время многие ученые акцентируют внимание на вопросах технологического освоения Арктики и подчеркивают, что этот регион всегда был и остается одним из передовых направлений развития страны, организованного в политических и экономических интересах России. Арктическая зона является кладезем полезных ископаемых, ресурсов страны для будущих поколений россиян. Следовательно, к освоению природных ресурсов надо подходить максимально продуманно, тщательно выбирая экономическую модель[1].

Следует принимать во внимание суровые условия ведения хозяйственной деятельности в арктических регионах страны по сравнению с регионами центральной и южной части России. Особенно важно изучить вопрос иностранных инвестиций. В регионах Арктики поднять средний и малый бизнес достаточно сложно без помощи государства. Помимо вышеназванных проблем, имеется ряд других трудностей, связанных с привлечением внешних и внутренних инвесторов в российскую Арктику, их стимулированием. Например, получение доходов возможно не сразу, а по прошествии длительного времени. Соответственно, на местах будет работать трудно и достаточно финансово затратно, поэтому следует предоставить инвесторам разные государственные льготы и преференции.

Необходимо признать, что одним из ключевых направлений развития экономики любой страны является предпринимательская деятельность[2]. Для того чтобы быстрее получить прибыль, следует привлекать инвесторов. Таким образом, ключевым драйвером любой экономики стран мира и России является инвестиционная деятельность. Положительный результат от инвестиционной деятельности в Арктике имеет большой потенциал для стабильной экономики

[1] См.: Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» // СЗ РФ. 1999. № 9. Ст. 1096.

[2] *Лаптев В. А.* Предмет современного предпринимательского права // Государство и право. 2015. № 3. С. 17—28.

России. Необходимо понимать, что в России государственная поддержка в виде инвестиций играет двойную функцию: решаются стратегические задачи развития и экономических и социальных направлений развития территорий Арктики.

Чтобы лучше понимать, что значит «инвестиционная деятельность», следует рассмотреть понятие «инвестиции» с разных позиций. В настоящее время для комплексного исследования инвестиционной деятельности России следует принимать во внимание точку зрения Н. Г. Семилютиной, которая трактует это понятие следующим образом: одна сторона имеет в наличии капитал, при определенных условиях отчуждает третьему лицу денежные средства как имущество, чтобы сохранить и умножить их, т.е. получить доход[3]. С точки зрения В. Н. Лисицы, юридические и физические лица для получения определенной выгоды вступают в различного рода правоотношения, принимая на себя определенные обязательства. Непосредственно капиталовложения осуществляются по следующим объектам: недвижимое и движимое имущество. Следовательно, имущественные права и иное имущество относятся к сфере действия гражданского права[4].

Итак, согласно законодательству России, инвестиция — это денежные средства, ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права, иные права, имеющие денежную оценку, вкладываемые в объекты предпринимательской и (или) иной деятельности в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта[5].

В последние годы зарубежные и отечественные ученые подтверждают в научных исследованиях, что одним из направлений инвестиций является краудфандинг. Этот вид инвестиционной деятельности как инструмент финансирования развивается быстрыми темпами по всему миру. Краудфандинг — это быстрый способ привлечения международных капиталов для реализации разных проектов[6]. Основные критерии краудфандинга — вероятность участия в одном проекте большого количества инвесторов, открытость, доступность; каждый инвестор независимо определяет суммы инвестиций в проект, все взаимоотношения участников происходят на определенных площадках (платформах).

Существует несколько точек зрения на инвестиционный климат. Если рассматривать Арктику как объект инвестиций, то данный регион сегодня востребован в инвестиционной деятельности. Это обусловлено тем, что на территории Арктической зоны России находится огромный массив богатств полезных ископаемых, живой природы, Северный морской путь. Многие государства мира заинтересованы в развитии территорий Арктики, готовы к сотрудничеству.

---

[3] *Доронина Н. Г., Семилютина Н. Г.* Государство и регулирование инвестиций. М., 2003. С. 13.

[4] *Лисица В. Н.* Инвестиционные отношения как предмет правового регулирования // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 8 (75). С. 76—78.

[5] *Данилова Н. В.* Правовой режим территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2009. № 4 (10). С. 35—42.

[6] *Саяпин С. П.* Гражданско-правовое регулирование инвестиционных отношений с использованием цифровых платформ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. С. 16.

Сегодня мир стремительно меняется, и мировая экономика стран глобально развивается. Поэтому резко обостряется конкуренция между передовыми странами мира для освоения энергетического рынка, каждый инвестор хочет найти свое место на рынке на территории Арктики. К сожалению, борьба за контроль оборота углеводородного сырья происходит не только на экономическом пространстве, но и выходит за определенные рамки. В связи с этим заинтересованные субъекты права обязаны инвестировать в рынок сырьевого бизнеса. Для этого страны ОПЕК должны выработать механизмы инвестиционной деятельности в упрощенном порядке.

Несомненно, на территории Арктики находится весь мировой сырьевой запас природных ресурсов: запасы газа, нефти, алмазов, урана и др. На территории Арктической зоны России сосредоточен самый большой запас нефтегазовых ресурсов. Примерно 60 % от мировых запасов хранится в арктических регионах, соответственно, на долю российской Арктики приходится 375 млрд баррелей нефти[7].

Арктическая зона включает разные виды территорий традиционного природопользования. Эти земли следует охранять и защищать в правовом поле, ведь в этой местности проживают и ведут традиционный образ жизни коренные малочисленные народы Севера. По российскому законодательству имеются ограничения по промышленному освоению особых территорий, на которых проживают коренные малочисленные народы. При существующих ограничениях по добыче полезных ископаемых некоторые инвесторы могут внести свой вклад в развитие малого и среднего бизнеса на особых территориях Арктической зоны России, например, в области сельского хозяйства, мелкого производства товаров народного потребления и туризма.

Перспективным направлением реализации инвестиционных проектов в Арктической зоне России является туризм. В Арктическую зону входят девять регионов, практически третья часть территории России. В последние годы на территории Арктики туризм развивается быстрыми темпами. Например, в Архангельской области и Республике Саха (Якутия) предоставляют земли, примерно 1 гектар, для всех желающих российских граждан для реализации разных проектов. Многие инвесторы используют данные земли для развития туризма. Кроме того, российскую Арктику посещают любители экстремального отдыха, когда наступает понижение температуры. Соответственно, приток туристов привлекает новых инвесторов для освоения неизвестных мест на территории Арктики. При этом развиваются новые услуги, открываются вакансии, создается на местах соответствующая инфраструктура, приходят новые технологии, укрепляются логистические связи и повышается качество жизни местного населения.

С 2022 г. на территории Арктики активизировался приток денежных капиталов для реализации разных государственных проектов и частных инвестиций. На сегодняшний день приток инвестиций связан с санкциями в сфере туризма от недружественных стран, поэтому вложения капитала инвесторов перенаправляются с международных проектов на отечественный рынок туризма. Данный

[7] *Яровой Г., Хайнинен Л., Сергунин А.* Энергетическая стратегия России в Арктике // URL: https://valdaiclub.com/a/highlights/ russia_s_energy_strategies_in_the_arctic/ (дата обращения: 08.07.2024).

подход реализуется в связи с развитием арктического туризма. Арктика привлекает своими просторами и нетронутой природой. Инвесторы стремятся первыми реализовать свои проекты в этом регионе. Для этого страна должна поддержать яркие идеи арктического туризма и разработать соответствующие нормативные правовые акты, направленные на регулирование новой сферы туризма. На территории Карелии в 2022 г. был побит рекорд по посещению ее туристами: более миллиона человек за короткий отрезок времени. Высокие годовые показатели по посещаемости туристами имеют и некоторые другие регионы Арктики, например Архангельская и Мурманская области.

Федеральные органы государственной власти уделяют пристальное внимание социальному и экономическому развитию Арктической зоны России. Если сравнивать инвестиционную часть развития с другими экономическими направлениями, то можно отметить, что в последние годы в этой области принимаются новые нормативные правовые акты и стратегические документы. Одним из таких актов является Указ Президента России «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечении национальной безопасности до 2035 года»[8].

Другим значимым нормативным правовым актом является Федеральный закон «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации». Закон определяет правовой режим Арктической зоны России, меры государственной поддержки и порядок осуществления предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации[9].

Необходимо подчеркнуть обозначенные особые цели данного Закона:

— экономическое развитие субъектов Арктики (его главная цель). Это ключевое направление разделяется на освоение полезных ископаемых, построение инфраструктуры, улучшение транспортных комплексов (автомобильных, железнодорожных, авиационных и морских) и т.д.;
— стимулирование потока денежного капитала при активном участии субъектов предпринимательской деятельности на территории российской Арктики, особая финансовая поддержка малого и среднего бизнеса и традиционных видов хозяйственной деятельности;
— прорывное социальное развитие, которое даст большой толчок улучшения жизни местного населения на территории арктических регионов России, например, за счет строительства социальных объектов и поддержки коренных малочисленных народов Арктики.

Принятый еще в РСФСР Закон «Об инвестиционной деятельности в РСФСР»[10] имеет большое значение для инвестиционного климата в стране.

---

[8] Указ Президента РФ от 26.10.2020 № 645 (ред. от 27.02.2023) «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» // СЗ РФ. 2020. № 44. Ст. 6970.

[9] Федеральный закон от 13.07.2020 № 193-ФЗ (ред. от 23.03.2024) «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 29. Ст. 4503.

[10] Закон РСФСР от 26.06.1991 № 1488-1 (ред. от 26.07.2017) «Об инвестиционной деятельности в РСФСР» // Бюллетень нормативных актов. 1992. № 2—3.

Согласно иерархии законодательства, Гражданский кодекс РФ как кодификационный акт является основополагающим ядром, регулирующим имущественные и неимущественные права и определяющий вектор развития инвестиционной деятельности на территории России.

Не вызывает сомнения тот факт, что нормативные правовые акты играют важную роль и имеют решающее значение для регулирования общественных отношений. Федеральные законы, направленные на регулирование развития Арктического региона, были приняты после 1991 г. Они дали толчок для развития инвестиционной деятельности на территории России. Речь, в частности идет о следующих федеральных законах:

— «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации»[11];
— «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг»[12];
— «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений»[13]. Согласно данному Закону субъекты предпринимательства, размещая капитал на реальном рынке и рискуя в экономическом плане, чтобы получить прибыль, действуют как самостоятельные игроки в хозяйственной деятельности.

Следует отметить, что юридические и физические лица при осуществлении инвестиционной деятельности на территории России вступают в разные правоотношения. Одним из основных видов этих правоотношений является гражданское обязательство. Основанием наступления гражданского обязательства выступает договор. Таким образом, заключаемый государственный контракт и гражданский договор между субъектами хозяйственной деятельности должны действовать в соответствии с нормативными правовыми актами России.

Правовое регулирование инвестиционных отношений с иностранным элементом осуществляется нормами, содержащимися в таких источниках, как международные договоры, правовые обычаи, нормативные правовые акты и т.д.[14]

Помимо главного источника защиты иностранных инвестиций (международного договора), имеется базовый правовой акт — Федеральный закон «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации»[15]. Необходимо подчеркнуть, что иностранная инвестиционная деятельность на территории Арктики осуществляется субъектами крупного и среднего бизнеса.

В Законе раскрывается понятие иностранного инвестора как самостоятельного хозяйствующего субъекта, обладающего правоспособностью по месту

---

[11] Федеральный закон от 01.04.2020 № 69-ФЗ (ред. от 21.11.2022) «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 14 (ч. I). Ст. 1999.

[12] Федеральный закон от 05.03.1999 № 46-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг» // СЗ РФ. 1999. № 10. Ст. 1163.

[13] Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» // СЗ РФ. 1999. № 9. Ст. 1096.

[14] *Лисица В. Н.* О регулировании международной инвестиционной и иной внешнеэкономической деятельности в рамках национальной правовой системы // Юридическая наука и практика. 2017. Т. 13. № 2. С. 41—46.

[15] Федеральный закон от 09.07.1999 № 160-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 28. Ст. 3493.

регистрации, согласно законодательству указанного государства, который вкладывает и реализует капитал на территории России.

Согласно Федеральному закону «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» иностранный инвестор вкладывает в объекты хозяйственной деятельности в России иностранный капитал для получения прибыли.

Целесообразно выделить специальные федеральные законы, регулирующие инвестиции:

— «О рынке ценных бумаг»[16];
— «О промышленной политике в Российской Федерации»[17];
— «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[18] (регулирует инвестиционную деятельность на цифровых платформах).

Следует отметить, что инвестиционные обязательства имеют определенный срок и могут быть краткосрочными, среднесрочными и долгосрочными. В настоящее время законодатель не закрепил в установленном порядке в нормативных правовых актах страны это понятие. Поэтому оно используется в соответствии с традициями делового оборота. В таких ситуациях срок могут устанавливать стороны в силу окупаемости проектов. На территории Арктики такой вариант установления сроков не применим, поэтому целесообразно в будущем на федеральном уровне установить срок инвестиций в законе.

В России механизм вкладывания капитала происходит под контролем органов государственной власти — федеральных и субъектов Федерации и местных органов самоуправления. Процедура инвестиционного процесса на территории Арктики для хозяйствующих субъектов, осуществляющих бизнес при ограниченных и средних ресурсах, происходит в ускоренном порядке. Это связано с территориальными и климатическими условиями. Срок имеет большое значение для реализации проектов на территории Арктики.

Крупные иностранные инвесторы вкладывают в арктический рынок немалые финансы и тем не менее, изучая инвестиционные риски, приходят на длительный срок на территорию Арктики. Необходимо иметь в виду, что риски инвестиционной деятельности на территории Арктики являются особо крупными, но, с другой стороны, подобные риски позволяют инвесторам получить наивысшую доходность от инвестиций в регион.

Итак, сравнивая финансовые и правовые риски, можно прийти к выводу, что последние не порождают доходность инвесторов и являются пробелом в законодательстве об инвестиционной деятельности. В Арктике инвестиционная деятельность должна быть систематической для вложения капиталов. Инвестор предоставляет поэтапно (неоднократно) свои денежные средства на основе

---

[16] Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 24.06.2023) «О рынке ценных бумаг» // СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.

[17] Федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О промышленной политике в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 1 (ч. I). Ст. 41.

[18] Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ (ред. от 14 июля 2022 г.) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 31. Ст. 4418.

соглашения с другой стороной, иногда действует по обстоятельствам для реализации поставленных задач и получения прибыли[19].

В настоящее время невозможно поднять на новый уровень экономику Арктики без привлечения внутреннего и внешнего капитала в бизнес. Кроме того, в настоящее время недружественные страны ограничивают хозяйственный сектор, что влияет на развитие экономики страны. В целях привлечения инвесторов государство обязано защитить и гарантировать хозяйственную деятельность субъектов предпринимательства и в последующем изменить законодательную базу для повышения прозрачности инвестиционной деятельности.

Таким образом, инвестиционная деятельность на территории Арктики, несмотря на разные экономические и политические трудности, не прекращается. Россия как суверенное государство в экономическом, геостратегическом отношении обязана поддержать хозяйственную деятельность крупных, средних коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей, а также привлекать из внешнего и внутреннего рынка на территорию Арктики стратегических инвесторов для реализации глобальных проектов на территории Арктической зоны России.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Белицкая А. В., Лаутс Е. Б.* Разграничение инвестиционных и заемных обязательств для целей налогообложения: правовой аспект // Банковское право. — 2022. — № 1. — С. 30—38.
2. *Данилова Н. В.* Правовой режим территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2009. — № 4 (10). — С. 35—42.
3. *Доронина Н. Г., Семилютина Н. Г.* Государство и регулирование инвестиций. — М., 2003. — 270 с.
4. *Лаптев В. А.* Предмет современного предпринимательского права // Государство и право. — 2015. — № 3. — С. 17—28.
5. *Лисица В. Н.* Инвестиционные отношения как предмет правового регулирования // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2016. — № 8 (75). — С. 76—78.
6. *Лисица В. Н.* О регулировании международной инвестиционной и иной внешнеэкономической деятельности в рамках национальной правовой системы // Юридическая наука и практика. — 2017. — Т. 13. — № 2. — С. 41—46.
7. *Саяпин С. П.* Гражданско-правовое регулирование инвестиционных отношений с использованием цифровых платформ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2024. — 26 с.
8. *Яровой Г., Хайнинен Л., Сергунин А.* Энергетическая стратегия России в Арктике // URL: https://valdaiclub.com/a/highlights/ russia_s_energy_strategies_in_the_arctic/ (дата обращения: 08.07.2024).

[19] *Белицкая А. В., Лаутс Е. Б.* Разграничение инвестиционных и заемных обязательств для целей налогообложения: правовой аспект // Банковское право. 2022. № 1. С. 30—38.

Нейроправо

Гражданско-правовая ответственность за повреждение нейропротеза: актуальные проблемы теории и правоприменения[1]

Дина Александровна БЕЛОВА,
доцент кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент
dabelova@msal.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Аннотация. *Интеграция человека с предметами внешнего мира посредством нейропротезирования порождает ряд концептуальных и правовых проблем. Нормы права дифференцированы на положения, определяющие правовой статус лиц и правовой режим объектов. В общепринятом понимании телесная граница отделяет человека от предметов внешнего мира и тем самым определяет правоприменение. Развитие нейротехнологий размывает некогда четкую грань между физическим лицом и окружающими его предметами, между субъектом и объектом гражданского правоотношения. В результате совершения противоправного вредоносного действия в отношении нейропротеза актуализируется вопрос: причинен вред личности или имуществу потерпевшего? Ответ на него определяет характер и содержание прав, принадлежащих субъекту, а также мер защиты и мер ответственности, которые могут быть применены в случае их нарушения. Повреждение нейропротеза независимо от степени его физической интеграции с пациентом влечет расстройство или утрату функции организма, восстановленной посредством системы протезирования, в связи с чем обосновывается его квалификация в качестве причинения вреда здоровью. Аргументируется функциональный подход к пониманию границ субъекта гражданского права.*

Ключевые слова: *нейропротезирование, нейротехнологии, здоровье, возмещение вреда, функциональный подход, границы субъекта права, инвазивные протезы, неинвазивные (внешние) протезы, вещь, орган (ткань)*

DOI: 10.17803/2311-5998.2024.123.11.054-061

© Белова Д. А., 2024

[1] Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Dina A. BELOVA,
Associate professor of the Department of Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law), Associate professor
dabelova@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Civil Liability for Neuroprosthesis Damage: Current Problems of Theory and Law Enforcement

Abstract. *Conceptual and legal problems arise as a result of the integration of a person with objects of the outside world through neuroprosthetics. Legal norms are differentiated into provisions defining the legal status of persons and the legal regime of objects. In the generally accepted understanding, the bodily boundary separates a person from objects of the outside world, and thus determines law enforcement. The development of neurotechnologies blurs the once clear line between an individual and the objects surrounding him, between the subject and the object of a legal relationship. As a result of the commission of an illegal harmful action against a neuroprosthesis, the question of whether the victim's personality or property has been harmed is being actualized. The answer to it determines the nature and content of the rights belonging to the subject, as well as the measures of protection and liability that can be applied in case of violation. Damage to the neuroprosthesis, regardless of the degree of its physical integration with the patient, entails a disorder or loss of body function restored through the prosthetics system, in connection with which its qualification as harm to health is justified. A functional approach to understanding the boundaries of a subject of civil law is argued.*
Keywords: *neuroprosthetics, neurotechnologies, health, compensation for harm, functional approach, boundaries of the subject of law, invasive prostheses, non-invasive (external) prostheses, thing, organ (tissue)*

В июне 2024 г. Федеральный центр мозга и нейротехнологий ФМБА России и исследовательский центр «Моторика» (резидент технопарка «Сколково») подписали Соглашение о создании Центра кибернетической медицины и нейропротезирования[2]. Основная задача Центра — разработка и внедрение нейропротезов с обратной связью, которые позволяют лицу вернуть свободу движений и ощущений[3].

[2] Центр кибернетической медицины и нейропротезирования создадут ФМБА России и исследовательский центр «Моторика» // URL: https://mintrans.gov.ru/press-center/branch-news/4219 (дата обращения: 29.08.2024).

[3] ФМБА России и исследовательский центр «Моторика» создадут Центр кибернетической медицины и нейропротезирования // URL: https://rfi.mnr.gov.ru/news/news-rfi/fmba-rossii-i-issledovatelskiy-tsentr-motorika-sozdadut-tsentr-kiberneticheskoy-meditsiny-i-neyropro (дата обращения: 29.08.2024).

Нейропротезирование представляет собой междисциплинарную область исследований на стыке неврологии и биомедицинской инженерии, целью которой является восполнение тех функций организма, которые утрачиваются вследствие неврологических расстройств или травм. На современном этапе развития нейротехнологий ведется внедрение систем нейропротезирования, обеспечивающих двунаправленное взаимодействие с нервной системой.

Создан нейропротез, позволяющий передавать тактильную информацию обратно в мозг практически в режиме реального времени посредством внутрикорковой микростимуляции, образуя интерфейс «мозг — машина — мозг»[4]. В Российской Федерации также разработан портативный спинальный нейропротез, способствующий восстановлению пациентов после инсульта, а также применимый в ситуациях травматического поражения спинного мозга у детей с детским церебральным параличом. Нейропротез восстанавливает двигательные функции, активируя врожденные движения рук и ног, а также регулирует кардиоваскулярную, респираторную и мочеполовую функции, что позволяет реабилитировать пациентов, находящихся в крайне тяжелом состоянии[5].

Несмотря на интенсивное развитие нейротехнологий в России, специальное правовое регулирование отношений, связанных с их применением, отсутствует. Как теоретическое, так и практическое значение имеет вопрос определения норм, подлежащих применению, в ситуации повреждения нейропротеза вследствие противоправных действий (бездействия) третьих лиц.

Повреждение нейропротеза влечет повторную утрату (нарушение) функции организма, восстановленной посредством нейротехнологий. В связи с этим возникает вопрос: какое благо, охраняемое законом, было умалено вследствие противоправного повреждения нейропротеза, а именно — имело место посягательство на здоровье или имущество лица. Для ответа на поставленный вопрос следует рассмотреть классификацию нейропротезов.

Нейропротезы могут быть классифицированы на инвазивные и неинвазивные. Первая категория нейропротезов охватывает собой устройства, полностью или частично имплантируемые в тело человека. Речь идет о таких устройствах, как кардиостимуляторы, эндопротезы, зубные импланты и т.п.

Инвазивные протезы составляют неотъемлемую часть личности. В момент имплантации в организм человека они утрачивают свою вещно-правовую природу и самостоятельное правовое значение, поскольку признаками, присущими объекту гражданских прав, они более не обладают. Соответственно, вещные и иные права третьих лиц на них прекращаются ввиду юридической гибели объекта. Следовательно, причинение вреда инвазивному протезу квалифицируется в качестве причинения вреда личности. Так, Кассационный суд Франции постановил, что зубные имплантаты являются неотъемлемой частью человека.

Примерами частично имплантируемых в тело человека нейропротезов могут служить системы ретинального (бионические глаза) и кохлеарного

---

[4] *Lebedev MA, Tate AJ, Hanson TL, Li Z, O'Doherty JE, Winans JA, Schwarz DA*. Future developments in brain machine interface research. Clinics. 2011. С.25—32.

[5] В России изобрели уникальный нейропротез для восстановления после инсульта // URL: https://www.kp.ru/daily/27476.5/4731803/ (дата обращения: 28.08.2024).

нейропротезирования, имеющие сложную структуру и состоящие как из элементов, имплантируемых в тело человека, так и из внешних устройств. При этом все элементы в совокупности функционируют как единое целое и только во взаимосвязи выполняют функцию, для которой предназначены.

Так, система кохлеарной имплантации состоит как из внутренних компонентов (кохлеарный имплант), которые устанавливаются внутрь организма человека хирургическим путем, так и из внешних устройств (речевой процессор). Функция внешних устройств состоит в сборе, обработке и передаче информации к внутренним компонентам системы, которые осуществляют ее прием, обработку и передачу нервной системе пациента. Звуковой процессор носится, как правило, за ухом. Он необходим для записи звуковой информации, трансформации ее в цифровой код и передачи кода на передающую катушку. Последняя через кожу пациента передает код приемнику — стимулятору кохлеарного импланта, который преобразует цифровой код в электрические импульсы и передает их электродам, помещенным во внутреннее ухо пациента. Электроды стимулируют слуховой нерв, который посылает импульсы в мозг, где они уже воспринимаются как звуки.

Если один из указанных элементов системы выходит из строя, система кохлеарной имплантации перестает выполнять свою функцию, а пациент утрачивает возможность слышать. Только в совокупности элементов система восполняет функцию органа слуха. В свою очередь, каждый элемент в отдельности никакой ценности для организма человека не представляет. Если сломать звуковой процессор, имплант, внедренный в организм человека, станет небиологическим элементом, не имеющим никакой функциональной связи с организмом. Более того, он может причинить вред организму человека вследствие воспалительных процессов, а также препятствовать осуществлению в отношении пациента определенных медицинских процедур (например, магнитно-резонансной томографии).

Аналогичным образом работает система ретинальной имплантации (бионические глаза). Она также состоит из импланта, устанавливаемого в организм хирургическим путем, и внешних элементов, таких как специальные очки, оснащенные камерой для съемки и передачи видео на блок его обработки, а также самого блока, крепящегося, как правило, к поясу пациента. Сбой работы любого из элементов погружает пользователя бионических глаз в темноту, поскольку ведет к полной утрате зрительной функции. Напротив, эффективная работа системы позволяет в определенной мере восстановить слепому пациенту зрительную функцию, предоставив ему искусственное зрение.

Исходя из взаимной связи всех элементов системы протезирования и выполнения ими определенной функции только во взаимосвязи всех компонентов, противоречивым и необоснованным будет подход, согласно которому причинение вреда отдельным элементам системы получает различную правовую квалификацию в зависимости от того, находится элемент внутри тела человека или относится к внешним устройствам.

Достаточно странно, что повреждение внешнего блока кохлеарной системы имплантации квалифицируется как причинение вреда имуществу, в то время как повреждение внутреннего импланта трактуется как посягательство на личность, в то время как вывод из строя любого из этих элементов приводит к одному последствию — утрате пользователем возможности слышать. Подобный подход

представляется излишне формальным и не отражающим существо складывающихся отношений. Повреждение любого элемента системы протезирования приводит к утрате системой своей функции, ввиду чего пользователь утрачивает способность слышать, видеть, двигаться и т.п. Перестает функционировать искусственно восстановленная система организма или орган, что приводит к выводу о причинении вреда здоровью.

Согласно пп. 1 п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» здоровье есть состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма. Функция органа или системы организма может быть восстановлена искусственным способом, в том числе путем протезирования. При причинении вреда любому из ее элементов функция системы утрачивается, а значит, имеет место повреждение здоровья человека.

Как теоретический, так и практический интерес представляет вопрос, *может ли причинение вреда неинвазивному нейротехнологическому устройству* (например, бионической конечности*) быть квалифицировано в качестве повреждения здоровья лица*. На данный вопрос следует ответить утвердительно, если такое устройство восстанавливает утраченную (поврежденную) функцию органа или системы организма, обеспечивая жизнедеятельность лица. В связи с этим повреждение такого устройства приведет к утрате искусственно восстановленной функции организма, а значит, нанесет вред здоровью лица.

Здоровье личности как нематериальное благо, подлежащее защите согласно ст. 150 ГК РФ, может быть тесно связано с конкретными материальными объектами, обеспечивающими (поддерживающими) функционирование организма человека (объективировано в определенных предметах материального мира). В подобных случаях повреждение соответствующих материальных предметов, приводящее к утрате (снижению) обеспечиваемой им функции организма, свидетельствует о причинении вреда здоровью человека.

В качестве примера таких предметов можно привести следующие. В США во время пандемии COVID-19 обсуждалась политика доступа к аппаратам искусственной вентиляции легких, в связи с чем среди людей с ограниченными возможностями здоровья в части дыхательной функции организма возникла обеспокоенность, что они могут быть лишены аппарата, поддерживающего (обеспечивающего) функционирование их дыхательной системы, из-за его передачи другому пациенту в ситуации ограниченного доступа. Эта проблема возникла во время подготовки Департаментом здравоохранения Нью-Йорка Руководства по распределению аппаратов искусственной вентиляции легких для использования в случае тяжелой пандемии гриппа. Джозеф Дж. Финс, член целевой группы, которая разработала руководящие принципы, раскрыл вопрос, вызвавший дискуссию[6].

[6] *Fins J. J.* Disabusing the disability critique of the New York state task force report on ventilator allocation. Hastings Center Bioethics Forum. 2020, April 1 // URL: https://www.thehastingscenter.org/disabusing-the-disability-critique-of-the-new-york-state-task-force-report-on-ventilator-allocation/.

Вопрос заключался в том, может ли человек, пользующийся аппаратом искусственной вентиляции легких из-за хронической инвалидности, лишиться этого аппарата в пользу коллектива. Специалист по инвалидности и биоэтике Эдриенн Эш, будучи членом рабочей группы, провела различие между аппаратом искусственной вентиляции легких, который постоянно используется для поддержания здоровья человека с уже существующим заболеванием легких, и аппаратом искусственной вентиляции легких, используемым в ответ на острую пандемию. Эш утверждала, что в первом случае аппарат искусственной вентиляции легких является неотъемлемой частью этого человека. В связи с этим он не подлежит реквизиции в чрезвычайных обстоятельствах, обеспечивая охрану интересов личности, жизни и здоровья последней. Однако, если этот же человек будет госпитализирован и ему потребуется более сложный аппарат искусственной вентиляции легких из-за нового тяжелого заболевания, то у него будут равные с иными нуждающимися лицами условия доступа к необходимому медицинскому устройству.

Пациентка Элис Вонг, применяющая такой аппарат для поддержания жизнедеятельности, отметила, что считает его частью своего тела, поскольку не может обходиться без него больше часа из-за нервно-мышечной неполноценности. По ее словам, изъятие аппарата представляет для нее посягательство на личность, поскольку неизбежно влечет смерть[7].

Большой практический и теоретический интерес представляет дело Коллинза, рассмотренное судом США. У Коллинза утрачена двигательная функция ног, левой руки, а правая рука функционирует крайне ограниченно. Он нуждается в посторонней помощи при одевании, гигиенических процедурах, перемещении. Использовать инвалидную коляску с ручным управлением он не может в силу своего состояния, в связи с чем применяет функциональное устройство с электроприводом для поддержания подвижности. Во время перелета его функциональное устройство было повреждено в процессе транспортировки. Перевозчик принял на себя обязательство по его ремонту, однако починил его только одиннадцать месяцев спустя. В течение этого времени пациент находился дома, будучи прикованным к постели.

Мистер Коллинз предъявил к авиакомпании иск о возмещении вреда, причиненного здоровью пассажира. При этом авиакомпания не согласилась с заявленным требованием, ссылаясь на то, что вред был причинен багажу. Более того, вред имуществу, по заявлению перевозчика, был возмещен в натуре в результате ремонта устройства. Коллинз, в свою очередь, пояснял, что до повреждения устройства жил довольно независимой жизнью. Он был в состоянии самостоятельно передвигаться и выполнять ежедневные дела, такие как походы в аптеку, супермаркет, банк. После повреждения устройства он стал нуждаться в посторонней помощи, нанимая третьих лиц для выполнения поручений и ухода за ним. Расходы Коллинза увеличивались на 300—400 долларов в неделю. Помимо дополнительных расходов, Коллинз страдал от пролежней из-за того, что был прикован к постели в течение одиннадцати месяцев, в связи с чем потребовал компенсации за боль и страдания.

[7] *Neeman A.* I Will Not Apologize for My Needs // New York Times. 2020, March 23. URL: https://www.nytimes.com/2020/03/23/opinion/coronavirus-ventilators-triage-disability.html.

Функциональное устройство выполняло функции протеза, служа продолжением тела Коллинза, восполняя функции его нижних конечностей и мышц нижней части туловища. Сторона защиты настаивала на том, что современные протезы больше не представляют собой отдельные предметы. Интерактивные протезы (кардиостимуляторы, нейронное протезирование) меняют лицо физически. Стивен Хокинг не был бы тем, кем он являлся, без интерактивных протезов. Функциональное устройство, по сути, представляло собой продолжение Коллинза. Следовательно, повреждая такое устройство, правонарушитель причиняет вред личности.

Нейропротезы и иные высокотехнологичные устройства, восстанавливающие функции человеческого организма, размывают четкую грань между субъектом и объектами. Становится сложнее провести четкую границу между «естественным» и «искусственным», «живым» и «неживым», «одушевленным» и «неодушевленным», а применяя правовые категории — между «объектом (вещью)» и «субъектом (личностью)».

Ввиду того, что повреждение нейропротеза влечет расстройство или утрату функции организма, восстановленной посредством системы протезирования, его следует квалифицировать в качестве причинения вреда здоровью. Ссылка на то, что организм потерпевшего не функционировал должным образом без искусственной поддержки еще до вредоносного поведения нарушителя, не должна приниматься во внимание, если вследствие посягательства была утрачена (расстроена) функция органа или системы организма, посредством протезирования восстановленная (действующая).

То есть ссылка лица, повредившего бионический глаз потерпевшего, на факт того, что последний слеп, вследствие чего повреждение зрительной функции не представляется возможным, должна признаваться несостоятельной, если с помощью ретинального нейропротеза удалось хотя бы частично восстановить черно-белое центральное зрение. Иной подход будет противоречить принципу равенства прав и свобод человека и гражданина, закрепленному ст. 19 Конституции РФ, предоставляя защиту в случае повреждения зрительной функции лицам с естественными органами зрения и лишая таковой лиц, воспринимающих окружающий мир с помощью вспомогательных средств (бионических глаз).

Вышеизложенное приводит к выводу, что наиболее полная охрана интересов личности в условиях развития нейротехнологий и иных сквозных технологий может быть обеспечена при функциональном подходе к определению границ субъекта права. Следует двигаться в сторону функционального понимания тела человека как совокупности взаимосвязанных функций. Все, что содействует функционированию организма, выполнению (восполнению) функции тела, составляет его часть. Таким образом, если предмет материального мира содействует обычному нормальному функционированию организма, он может и должен рассматриваться в качестве части тела.

Основу функционального подхода заложило решение Федерального суда Германии. Фактические обстоятельства дела были следующими. У истца в возрасте 31 года была диагностирована карцинома мочевого пузыря, в связи с чем ему было рекомендовано удалить как мочевой пузырь, так и предстательную железу. С целью сохранения фертильности истец заключил договор криоконсервации и хранения спермы. Однако репродуктивный биоматериал истца помимо его воли был

утилизирован. Истец узнал об этом в момент обращения в клинику с целью применения методов искусственной репродукции с женщиной, ставшей его супругой.

В связи с тем, что истец лишился возможности иметь генетически связанных с ним детей, он предъявил к клинике, осуществлявшей хранение криоконсервированной спермы, иск о возмещении вреда на основании пар. 823 Германского гражданского уложения (далее — ГГУ). Согласно данному параграфу каждый, кто умышленно или по неосторожности противоправно посягает на жизнь, тело, здоровье, свободу, имущество или иные права другого лица, обязан возместить другому причиненный вред[8]. Истец полагал, что ему были причинены телесные повреждения. В свою очередь, ответчик признал, что сперма истца была утилизирована в нарушение договора и по неосторожности, т.е. виновно, но отрицал факт причинения телесных повреждений. С ответчиком согласился суд первой инстанции, поддержанный судом апелляционной инстанции, который отказался признать факт противоправного вмешательства ответчика в физическое (телесное) благополучие истца.

Напротив, Федеральный суд Германии установил факт повреждения тела истца. Несмотря на то, что фактически сперма была отделена от тела истца, в юридическом смысле она продолжала принадлежать его организму. Суд постановил, что части тела, предназначенные для возвращения в тело согласно воле пострадавшего лица, юридически вещами не являются, поскольку продолжают выполнять свои естественные функции после воссоединения с организмом человека. Так, криоконсервированная сперма предназначена для выполнения типичной для данной ткани репродуктивной функции, которую она призвана выполнять, находясь в организме пациента.

Таким образом, неприкосновенность личности, подлежащая правовой охране, определяется не пространственной непрерывностью поверхности тела, а функцией. Отделенная часть тела может продолжать выполнять определенную функцию для поддержания жизнедеятельности организма, быть средством самоопределения субъекта, а потому, несмотря на физическую сепарацию, составлять с телом человека единое юридическое целое.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Fins J. J.* Disabusing the disability critique of the New York state task force report on ventilator allocation. Hastings Center Bioethics Forum. 2020, April 1 // URL: https://www.thehastingscenter.org/disabusing-the-disability-critique-of-the-new-york-state-task-force-report-on-ventilator-allocation/.
2. *Lebedev M. A., Tate A. J., Hanson T. L., Li Z., O'Doherty J. E., Winans J. A., Schwarz D. A.* Future developments in brain-machine interface research // Clinics. — 2011. — С. 25—32.
3. *Neeman A.* I Will Not Apologize for My Needs // New York Times. — 2020, March 23. — URL: https://www.nytimes.com/2020/03/23/opinion/coronavirus-ventilators-triage-disability.html.

[8] URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/823.html.

Дмитрий Владимирович НОСОВ,
доцент кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук
dvnosov@msal.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

О терминологических проблемах нейроправа[1]

Аннотация. *В статье предлагается по аналогии с существующей идеей создания генерального законодательного словаря разработать и внедрить нормативно-правовой словарь в области нейроправа. Такой словарь на первых порах мог бы служить в качестве ориентира для дальнейшего исследования нейропава, однако в последующем, при соответствующей проработке и наличии необходимости, он мог бы стать основой для правового закрепления отдельных терминов, которые можно было бы использовать для дальнейшего внедрения нейроправа как самостоятельной правовой отрасли знания. Обосновывается, что первоначально нормативно-правовой словарь из области нейроправа мог бы быть принят на уровне постановления Правительства РФ, подготовленного на основании предложений научного сообщества, а также различных органов государственной власти. В последующем такой словарь мог бы войти в состав нормативного акта более высокого уровня. Кроме того, в статье исследуются основные термины, которые могли бы стать основой для формирования такого законодательного словаря, а в дальнейше — для формирования новой отрасли законодательства — нейроправа. В частности, в статье анализируются понятия нейроправа, нейротехнологии, нейронных сетей, нейропсихологии и др.*

Ключевые слова: *нормативно-правовой словарь, нейроправо, нейротехнологии, нейронные сети, нейропсихология*

DOI: 10.17803/2311-5998.2024.123.11.062-069

Dmitrii V. NOSOV,
Associate professor of the Department of Civil Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Law)
dvnosov@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

About Terminological Problems of Neuroprotection

Abstract. *The article proposes, by analogy with the existing idea of creating a general legislative dictionary, to develop and implement a normative legal dictionary in the field of neuro-law. At first, such a dictionary could serve as a guideline for further research of neuropathology, but later, if necessary, it could become the basis for the legal consolidation of certain terms necessary for the further introduction of neuropathology as an independent legal branch*

[1] Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

© Носов Д. В., 2024

of knowledge. It is proved that initially the general legislative dictionary on the field of neuroprotection could be adopted at the level of a decree of the Government of the Russian Federation, adopted on the basis of proposals from the scientific community, as well as various public authorities. Subsequently, it could become part of a higher-level regulatory act. In addition, the article examines the main terms that could become the basis for the formation of such a legislative dictionary and in the future, for the formation of a new branch of legislation — neuro-law. In particular, the article analyzes the concept of neuro-law, neurotechnology, neural networks, neuropsychology and others.
Keywords: *normative legal dictionary, neuro-law, neurotechnology, neural networks, neuropsychology*

Введение

В свое время профессор М. Н. Марченко отмечал, что «одним из важных условий совершенствования законодательства является овладение системой определенных требований, предъявляемых к процессу создания законов и подзаконных актов»[2]. Эти требования изучаются в рамках юридической техники. При этом изучением юридической техники занималось большое число теоретиков права, однако многие вопросы, связанные с процессом создания нормативных правовых актов, остаются до сих пор открытыми. Так, например, в нашем законодательстве встречается несогласованность многих понятий (терминов, категорий, дефиниций) в рамках как одного нормативного акта, так и всей системы законодательства.

В связи с этим необходимо отметить, что в такой новой отрасли знания, как нейроправо, на сегодняшний день остро стоит вопрос о формировании своей терминологии, которая позволила бы отделить одни термины от других, обеспечить согласованность различных понятий, а также договориться о том, как понимать тот или иной термин.

В целях недопущения несогласованности понятий (категорий, дефиниций) различных отраслей права в свое время была выдвинута идея принятия специального нормативно правового акта под названием «Генеральный законодательный словарь»[3]. Интересно, что в середине 90-х гг. XX в. группой депутатов Государственной Думы Российской Федерации был разработан такой закон. Так, еще 26.05.1999 на заседании Научно-консультативного совета по систематизации, кодификации законодательства и правовой информации при Председателе Государственной Думы обсуждалась Концепция создания словаря законодательной

[2] Общая теория государства и права : академический курс : в 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2007. Т. 2. С. 507.

[3] Генеральный законодательный словарь также может входить как часть в более глобальный акт — в закон «О правотворчестве (юридической технике)», принять который предложил еще в 1967 г. профессор А. А. Ушаков (см.: *Ушаков А. А.* Очерки советской законодательной стилистики. Пермь, 1967. С. 203—204).

лексики, а в 2014 г. вышел в свет Словарь терминов, используемых в законодательстве Российской Федерации[4]. Однако до сих пор Государственная Дума не приняла этот федеральный закон даже в первом чтении.

В зарубежном законодательстве уже давно действуют акты, толкующие термины (понятия, дефиниции). Так, например, в Израиле существует Закон «О толковании терминов» 1981 г. Все основные термины толкуются в этом Законе, однако некоторые из них могут толковаться и в других законодательных актах. В данном Законе описаны основные термины, которые «действительны в отношении любого законодательного акта или административного распоряжения... если только отсутствует иное указание по рассматриваемому вопросу или если в рассматриваемом вопросе или в связи с ним нет чего-либо, что не соответствует настоящему Закону»[5].

На сегодняшний день в практике принятия законов в Российской Федерации встречается несколько способов закрепления дефинитивных норм. Во-первых, дефиниции формулируются в отдельной статье закона. Таким способом пользуется законодатель, например, в Федеральном законе от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции». Во-вторых, дается описание конкретных категорий в статьях нормативного правового акта, в которых они в первый раз встречаются (например, ст. 48 Гражданского кодекса РФ содержит определение юридического лица). Между тем такие способы формулирования основных терминов и категорий часто приводят к несогласованности многих понятий и определений между собой.

По нашему мнению, в российском праве давно назрела потребность в нормативном акте, похожем на Генеральный законодательный словарь. В нем должны содержаться основные понятия (категории, дефиниции), используемые либо во всех отраслях российского права, являющиеся общими для отраслей права, либо же являющиеся общими для определенной отрасли законодательства. Следует согласиться с высказыванием А. Б. Бабаева о том, что «право не может существовать без дефиниций, так как без них любой институт, любая норма, любая юридическая конструкция становятся беспредметными, неопределенными»[6]. В этой связи задачей государства должно являться наиболее полное формулирование основных правовых терминов и понятий. При этом формулирование таких понятий должно осуществляться так, чтобы они могли быть использованы на практике при правоприменении.

Профессор О. А. Кузнецова отмечает, что, по ее мнению, Генеральный законодательный словарь должен носить официальный, обязательный характер, и

---

[4] Словарь терминов, используемых в законодательстве Российской Федерации / под общ. ред. начальника Правового управления Аппарата Государственной Думы М. В. Деменкова. М. : Издание Государственной Думы, 2014. URL: http://duma.gov.ru/media/files/gJi5uidqfujx9apgcrxtcvsfgmisjfff.pdf (дата обращения 01.12.2024).

[5] Гражданское законодательство Израиля (сост., предисл., пер. с иврита — М. С. Хейфец ; науч. ред. — Н. Э. Лившиц. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2003. С. 13.

[6] *Бабаев А. Б.* Система вещных прав : монография. М. : Волтерс Клувер, 2006. С. 269.

законы, изданные с нарушением нормативности этого закона, не должны вступать в силу[7].

Введение в силу Генерального законодательного словаря в представленном виде — перспектива далекого будущего, ведь для этого должна произойти коренная ломка действующей системы законодательства. Поэтому, предвосхищая волну критики, можно предложить постепенное принятие такого акта, а именно — при принятии нового закона основополагающие термины включать как в текст самого закона, так и в текст Генерального законодательного словаря. Далее, при накоплении определенного массива дефинитивных норм, возможно принятие Генерального законодательного словаря отдельным законом в отношении как всей совокупности норм российского права, так и отдельной отрасли законодательства. Причем формирование такого словаря можно начать с формирования терминов из различных отраслей законодательства, в том числе и из новых, которые еще не изучены в должной мере[8].

При этом, если говорить о первоначальном виде Генерального законодательного словаря, то можно было бы предложить следующую его структуру, состоящую из пяти разделов:

1. Общие положения, где будут сформулированы общеправовые категории, а также принципы, на основе которых должны формулироваться понятия в праве.

2. Основные дефиниции в сфере частного права. Здесь должны быть описаны категории отраслей права, основанных на диспозитивном методе.

3. Основные дефиниции в сфере публичного права, в котором описываются дефиниции терминов отраслей права, основанных на императивном методе.

4. Основные дефиниций «новых» отраслей законодательства, в которые можно было бы включить термины и их дефиниции, в том числе и термины и дефиниции нейроправа.

5. Заключительные и переходные положения. Эта часть закона будет регулировать порядок вступления в силу Генерального законодательного словаря.

О терминах в нейроправе и их закреплении в рамках нормативно-правового словаря в области нейроправа

Нейроправо — новая отрасль российского законодательства, которая на сегодняшний день только формируется. Думается, что нейроправо должно находиться на стыке публичного и частого права. Часть норм отрасли законодательства нейроправа, несомненно, является публично-правовой, между тем, другая часть — частноправовой. При этом в связи с новизной отношений, регулируемых при помощи нейроправа, можно констатировать скудность существующих терминов и их дефиниций.

---

[7] *Кузнецова О. А.* Нормы-дефиниции в праве (на примере гражданского права) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2003. Вып. 3. С. 71.

[8] Например, можно начать с первоначальных формулировок терминов, создаваемых в рамках нейроправа.

В целях формирования необходимого терминологического инструментария нейроправа в 2024 г. нами был подготовлен и опубликован Терминологический словарь в сфере нейроправа[9]. Такой глоссарий был разработан в качестве сборника основных терминов и понятий, предложенных к использованию в науке и практике применения нейротехнологий. Основное предназначение словаря проявлялось в уяснении смысла стремительно развивающихся в современном мире отношений, связанных с применением нейротехнологических устройств, а также особенностей их правового режима. В словаре приведено всего 80 терминов, которые так или иначе, по мнению авторов, связаны с нейроправом. Часть терминов — абсолютно авторские, сформулированные специально для словаря, однако вторая часть — это термины, которые уже сегодня можно найти в российских и зарубежных нормативных актах различной юридической силы.

При формировании терминов в области нейроправа, несомненно, должен быть учтен опыт регулирования подобных отношений в зарубежных правопорядках. Не будем углубляться в термины, уже разработанные и внедренные за рубежом, а постараемся рассмотреть основные термины, которые при соответствующей доработке первоначально могли бы войти в состав нормативно-правового словаря в области нейроправа.

Основополагающим термином отрасли законодательства нейроправа, по нашему мнению, является термин «нейроправо», под которым предлагается понимать комплексный правовой институт (комплексную правовую общность), включающий в себя нормы различной отраслевой принадлежности, направленные на регулирование общественных отношений, связанных с применением нейротехнологий[10]. Подобное определение позволяет установить, что в понятие нейроправа как отрасли формируемого законодательства включаются нормы права различных отраслей законодательства, используемые для развития нейротехнологии. Думается, что применение нейротехнологий в будущем позволит лучше понять, как работает мозг, а это потребует также дальнейшего законодательного регулирования вопросов, связанных с вторжением в мозговую деятельность человека.

Еще одним термином, непосредственно связанным с нейроправом, является термин «нейроправá», под которыми предлагается понимать совокупность прав, включающих в себя право на неприкосновенность частной жизни, право на психическую неприкосновенность, право на психологическую непрерывность и право на когнитивную свободу[11]. Указанные права, включаемые в понятие «нейроправá», выделены не случайно, так как каждое из представленных прав должно самостоятельно регулироваться и вторжение в них должно быть строго законодательно ограничено под страхом наказания.

Каждому из прав, включаемых в понятие «нейроправá», также необходимо было дать дефиницию, поэтому в Терминологический словарь были включены определения следующих прав:

— право на когнитивную свободу; под ним понимается «субъективное право, которое включает в себя два фундаментальных и тесно взаимосвязанных

[9] См.: *Белова Д. А., Носов Д. В.* Нейроправо : терминологический словарь. М. : Проспект, 2024.

[10] *Белова Д. А., Носов Д. В.* Указ. соч. С. 26.

[11] *Белова Д. А., Носов Д. В.* Указ. соч. С. 26.

между собой положения: возможность лица использовать преимущества нейротехнологий по своему усмотрению и в своих интересах и недопустимость применения нейротехнологий по отношению к лицу без прямо выраженного информированного и добровольного согласия»[12];

— право на неприкосновенность нейронных данных, под которым понимается «субъективное право, направленное на охрану пользователя нейротехнологий от несанкционированного сбора информации о функционировании его нервной системы, ее использования, анализа, обработки, передачи третьим лицам»[13];

— право на психологическую непрерывность; это субъективное право, направленное на охрану идентичности личности от неосознанного и недобровольного изменения ее субстрата (анатомо-физиологической основы психологических процессов и состояний человека) третьими лицами посредством использования инвазивных или неинвазивных нейротехнологий. Право направлено на обеспечение психологической непрерывности человека[14];

— право на психическую неприкосновенность (целостность), дефиниция которого— «субъективное право, направленное на охрану от несанкционированных посягательств на психическое благополучие человека посредством использования нейротехнологий, когда их применение приводит к ухудшению психического здоровья»[15].

Изучение выделенных субъективных прав позволит наполнить их более четким содержанием, а также выведет их правовое регулирование на более высокий уровень развития.

Дефиниция термина «нейротехнологии» уже закреплена в Дорожной карте развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект», текст которой приведен на сайте https://digital.gov.ru по состоянию на 14.10.2019. В соответствии с указанной Дорожной картой под нейротехнологиями понимаются технологии, которые используют или помогают понять работу мозга, мыслительные процессы, высшую нервную деятельность, в том числе технологии по усилению, улучшению работы мозга и психической деятельности.

В авторском определении Д. А. Беловой нейротехнологии определяются как «собирательный термин, который в широком значении охватывает собой любой метод, посредством которого можно измерить и/или изменить активность нервной системы; в узком значении — устройства и методы, позволяющие обеспечить доступ, контроль, исследование, оценку, управление и/или имитацию структур и функций нервной системы физических лиц. Они предназначены либо для записи сигналов от мозга и трансформации их в команды технического управления, либо для управления мозговой активностью с помощью электрических или оптических стимулов.

Нейротехнологии носят сквозной характер, поскольку пронизывают все сферы жизнедеятельности человека (медицинскую, военную, производственную, образовательную, трудовую, рекреационную и иные), в связи с чем переход общества

[12] *Белова Д. А., Носов Д. В.* Указ. соч. С. 30.
[13] *Белова Д. А., Носов Д. В.* Указ. соч. С. 30.
[14] *Белова Д. А., Носов Д. В.* Указ. соч. С. 30.
[15] *Белова Д. А., Носов Д. В.* Указ. соч. С. 31.

на новую ступень развития невозможен без благоприятствующего инновациям правового регулирования применения нейротехнологий»[16].

К термину «нейротехнологии» очень близок термин «нейростимуляция (нейромодуляция)», под которым понимается тип нейротехнологий, способных изменять мозговую активность[17]. Думается, что в будущем нейротехнологии способны стать самостоятельным объектами гражданских прав, правовое регулирование которых должно осуществляться в соответствии с ограничениями, установленными содержанием нейроправ, уже рассмотренных нами.

Термин «нейронные сети» уже закреплен в Европейской этической хартии об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях CEPEJ (2018)14, в рамках которой выделено, что нейронные сети — это информационные системы, созданные по модели биологических нейронных сетей, которые образуют мозг животных[18]. В настоящем исследовании не ставится задача дать новое определение этого термина, однако думается, что представленная дефиниция термина неточна, так как нейронные сети не должны быть связаны только с биологической моделью мозга животных. В связи с этим дефиниция термина «нейронные сети» подлежит дальнейшей доработке с учетом знаний кибернетики, математики, юриспруденции и других заинтересованных наук.

Под нейропсихологией предлагается понимать «междисциплинарное научное направление, лежащее на стыке психологии и нейронауки, которое нацелено на понимание связи структуры и функционирования головного мозга с психическими процессами и поведением живых существ»[19]. Такое определение позволяет показать, что на сегодняшний день на стыке психологии и нейронауки формируется новое научное знание — нейропсихология. Думается, что дальнейшее изучение этой науки может привести к необходимости формирования норм права, ограничивающих вторжение в мозг человека или же применение каких-либо методов нейропсихологии.

Итак, рассмотрев, различные возможные термины нейроправа, можно предположить, что первоначально вопрос о разработке словаря в области нейроправа должен быть решен на уровне доктрины, формированием которой должны заниматься ученые-юристы. Думается, что в последующем разработанный словарь в области нейроправа, несомненно, необходимо дополнять новыми терминами, появляющимися в процессе развития нейротехнологий. При этом в будущем, на основе разработанного учеными-юристами словаря, можно было бы разработать и внедрить нормативно-правовой словарь в области нейроправа, принятый и утвержденный Правительством РФ на основе предложений научного сообщества, Министерства здравоохранения РФ, Министерства экономического развития РФ, Министерства науки и высшего образования РФ и других органов государственной власти.

Такой словарь на первых порах мог бы служить в качестве ориентира для дальнейшего правового регулирования отношений, возникающих в связи с использованием нейротехнологий, а также для продолжения дальнейшего исследования нейроправа. В последующем, однако, при необходимости словарь мог

---

[16] *Белова Д. А., Носов Д. В.* Указ. соч. С. 25.

[17] *Белова Д. А., Носов Д. В.* Указ. соч. С. 27.

[18] *Белова Д. А., Носов Д. В.* Указ. соч. С. 26.

[19] *Белова Д. А., Носов Д. В.* Указ. соч. С. 27.

бы стать основой для правового закрепления отдельных терминов, необходимых для дальнейшего внедрения нейроправа как самостоятельной правовой отрасли знания. После апробации использования словаря на уровне постановления Правительства РФ можно было бы с учетом сложившейся практики рассмотреть вопрос о вхождении терминов словаря в состав нормативного акта более высокого уровня, например федерального закона, что, несомненно, повысит значимость нормативно-правового словаря в области нейроправа.

Заключение

В заключение можно сделать вывод о практической целесообразности создания Генерального законодательного словаря, однако на первых порах можно создавать отдельные правовые словари для использования соответствующих терминов в отдельных отраслях законодательства. Одним из первых таких нормативно-правовых словарей можно было бы выпустить в области нейроправа. Правовые словари станут полезными для использования как специалистами, занимающимися законотворческой и законодательной деятельностью, так и специалистами, осуществляющими правоприменение. Кроме того, такой словарь должен стать действующим рабочим инструментом для экспертов-аналитиков в нормотворческом процессе.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бабаев А. Б.* Система вещных прав : монография. — М. : Волтерс Клувер, 2006.
2. *Белова Д. А., Носов Д. В.* Нейроправо: терминологический словарь. — М. : Проспект, 2024.
3. Гражданское законодательство Израиля (сост., предисл., пер. с иврита — М. С. Хейфец ; науч. ред. — Н. Э. Лившиц. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2003.
4. *Кузнецова О. А.* Нормы-дефиниции в праве (на примере гражданского права) // Вестник Пермского университета. — Юридические науки. — 2003. — Вып. 3.
5. Общая теория государства и права : академический курс : в 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. — 3-е изд. перераб. и доп. — М. : Норма, 2007.
6. *Ушаков А. А.* Очерки советской законодательной стилистики. — Пермь, 1967.

Транспортное право

Использование блокчейн-технологий в транспортных сделках

Алексей Владимирович АНИСИМОВ,
доцент кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук
avanisimov@msal.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Аннотация. *Статья посвящена внедрению технологии блокчейн в транспортные сделки и влиянию данной технологии на особенности заключения и исполнения сделок в транспортной области. Технология блокчейн является ключевым элементов смарт-контрактов, как разновидности электронных сделок в транспортной области. Технология блокчейн обеспечивает новые возможности безопасности заключения сделок, однако ключевыми в регулировании таких сделок становятся вопрос идентификации субъектов сделок, а также защита данных от неправомерных посягательств. Смарт-контракт позволяет в транспортной области в полной мере использовать технологии искусственного интеллекта как для заключения, так и для контроля за исполнением сделки.*
Проблематика нормативного регулирования заключается в том, что большинство стран не имеют специального регулирования, но допускают использование инструментов на основе технологии блокчейн (например, смарт-контракты и электронные коносаменты). Однако последние изменения, внесенные в законодательство о цифровых активах, позволяющие проводить расчеты в криптовалюте, свидетельствуют о том, что вектор в данной сфере направлен на разрешительное регулирование технологии блокчейн, что приведет к большему внедрению данной технологии в транспортной области.
Ключевые слова: *транспорт, блокчейн, смарт-контракт*

DOI: 10.17803/2311-5998.2024.123.11.070-077

Alexey V. ANISIMOV,
Associate professor of the Department of Civil Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Law)
avanisimov@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

The Use of Blockchain Technologies in Transport Transactions

Abstract. *The article is devoted to the implementation of blockchain technology in transport transactions and the impact of this technology on the features of concluding and executing transactions in the transport sector. Blockchain technology is a key element of smart contracts, as a type of electronic*

© Анисимов А. В., 2024

transactions in the transport sector. Blockchain technology provides new opportunities for the security of concluding transactions, but the key issue in regulating such transactions is the identification of transaction subjects, as well as data protection from unlawful encroachment. A smart contract allows the full use of artificial intelligence technologies in the transport sector both for concluding and monitoring the execution of a transaction.

The problem with regulatory frameworks is that most countries do not have specific regulations, but allow the use of blockchain-based tools, such as smart contracts and electronic bills of lading. However, recent changes to digital asset legislation, allowing for settlements in cryptocurrency, indicate a trend towards permissive regulation of blockchain technology, which will lead to greater adoption of this technology in the transport sector.

Keywords: *transport, blockchain, smart contract*

Введение

Технология блокчейн представляет собой распределенный реестр, который обеспечивает сохранность и защиту данных[1]. Его основная особенность — децентрализация, благодаря которой информация хранится на множестве узлов сети, а не на одном центральном сервере. Каждый блок в цепочке содержит зашифрованные данные о транзакциях и связан с предыдущим блоком, что обеспечивает высокую степень защиты от подделки и изменений.

Основные принципы работы блокчейна следующие:

— децентрализация (отсутствие центрального управляющего органа позволяет уменьшить риск манипуляций и повысить надежность данных);
— безопасность (использование криптографических методов защиты данных делает блокчейн практически неуязвимым для атак, хотя данная технология все равно не абсолютно неуязвима, что показывает недавняя практика)[2];
— прозрачность (все участники сети могут видеть историю транзакций, что способствует повышению доверия между сторонами).

Внедрение технологии блокчейн в широкий оборот, по мнению многих ученых[3], преждевременно, однако в транспортной отрасли представляется возможным использование очевидных преимуществ данной технологии. Л. Ю. Василевская отмечает[4], что способом обеспечения надежности транзакций выступает технология

---

1 *Lorne Lantz, Daniel Carwey.* Mastering Blockchain. O'Reilly Media, Inc., 2020.

2 См., например: Can quantum computing break blockchain? Ulrich Scholten // URL: https://utimaco.com/news/blog-posts/blockchain-risk-can-quantum-computing-break-blockchain (дата обращения: 01.09.2024).

3 См., например: *Брой У. Ш.* Блокчейн и кибервалюты: нужна ли новая законодательная база // Право и цифровая экономика. 2018. № 1. С. 13—20 ; *Василевская Л. Ю.* Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической классификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5. С. 111—119.

4 *Василевская Л. Ю.* Указ. соч.

майнинга, которая должна приобрести определенные легальные формы в связи с изменениями, внесенными в Федеральный закон «О цифровых активах»[5].

Преимущества внедрения технологии блокчейн в транспортной отрасли

В транспортных сделках технология блокчейн дает участникам оборота целый рад преимуществ:

а) *упрощение документооборота.* Одним из значительных преимуществ блокчейна является возможность упрощения документооборота. С использованием блокчейна все необходимые документы могут храниться и передаваться в цифровом виде, что существенно ускоряет процессы;

б) *устранение посредников.* Блокчейн позволяет значительно сократить или полностью устранить необходимость в таких посредниках, как брокеры или нотариусы. Это не только ускоряет сделки, но и снижает издержки, связанные с их выполнением. Устранение посредников также уменьшает риск ошибок, связанных с человеческим фактором;

в) *повышение прозрачности сделок.* Блокчейн обеспечивает полную прозрачность сделок. Каждая транзакция фиксируется в реестре, доступном для всех участников. Это позволяет снизить риски мошенничества и повысить доверие между сторонами. Участники могут легко отслеживать статус своих грузов и уверенно планировать логистику;

г) *улучшение отслеживаемости грузов.* Отслеживаемость грузов является важной частью логистических процессов. С помощью блокчейн-технологий каждая единица груза может быть связана с уникальным идентификатором, который хранится в реестре. Это позволяет в режиме реального времени получать информацию о местоположении и статусе груза, что значительно упрощает управление поставками.

Технологии блокчейн уже активно внедряются в транспортной отрасли. Примером использования технологии блокчейн являются смарт-контракты. В контексте автоперевозок они могут использоваться для автоматического выполнения таких условий сделки, как оплата при доставке груза. Это минимизирует риск конфликтов и задержек, связанных с традиционными процессами. О смарт-контрактах подробнее речь пойдет дальше.

Блокчейн также активно используется для отслеживания цепочки поставок. Каждая транзакция фиксируется на каждом этапе логистического процесса, начиная от производителя и заканчивая конечным потребителем. Это позволяет участникам получать актуальную информацию о статусе груза и подтверждать его подлинность[6].

---

[5] Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.

[6] О применении технологии блокчейн в морских, воздушных и смешанных перевозках см.: *Аль Али Н. А. Р.* Международно-правовое регулирование применения технологии

В международной торговле блокчейн может значительно упростить процедуры растаможивания и снизить бюрократические барьеры. Использование блокчейна позволяет хранить все необходимые документы в одном месте и облегчает их проверку, что ускоряет процесс пересечения границ[7].

Проблемы нормативного регулирования

Однако, несмотря на все преимущества, внедрение технологии блокчейн порождает целый ряд проблем. Одной из основных проблем, с которыми сталкиваются блокчейн-технологии, является отсутствие четкого регулирования. На сегодняшний день многие страны не имеют специальных законов, касающихся блокчейна и криптовалют. К таким странам относится и Россия. Это создает неопределенность для участников рынка и может препятствовать развитию технологий. Технология блокчейн упоминается в Стратегии развития электронной промышленности Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 17.01.2020 № 20-р[8].

Существенные сдвиги в регулировании криптовалют произошли в связи с принятием Федеральных законов от 08.08.2024 № 221-ФЗ, 222-ФЗ и 223-ФЗ[9],. Этими законами внесены изменения в отдельные нормативные акты (прежде всего в Федеральные законы «О цифровых финансовых активах»[10] и «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»[11]). В частности, разрешается майнинг криптовалют при определенных условиях, дано определение майнинга, майнинговой инфраструктуры и майнингового пула, а также установлен перечень лиц, которые могут осуществлять майнинг, и перечень лиц, которым майнинг запрещен.

С 01.09.2024, согласно этим изменениям, российским импортерам и экспортерам возможно использовать криптовалюту для расчетов с нерезидентами, что, безусловно, существенно повлияет на сферу международных перевозок.

блокчейн и смарт-контрактов на морском транспорте // Материалы Четвертого международного транспортно-правового форума / под ред. А. А. Чеботаревой, В. Е. Чеботарева. М., 2022. С. 181—194 ; *Полешкина И. О.*, *Васильева Н. В.* Технология Blockchain как инструмент управления цепями поставок с участием воздушного транспорта // Научный вестник МГТУ ГА. М., 2020. С. 72—86 ; *Назаров М. Ю.* Правовое регулирование смешанной перевозки груза посредством смарт-контракта // International Law Journal. 2023. № 8. С. 94—99.

7 См. подробнее: *Сомов Ю. И.*, *Курихин С. В.* Применение технологии блокчейн в таможенном деле // Вестник Российской таможенной академии. 2018. № 4. С. 18—23.

8 СЗ РФ. 2020. № 4. Ст. 410.

9 СЗ РФ. 2024. № 33 (ч. I). Ст. 4917—4919.

10 Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.

11 СЗ РФ. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3418.

Использование блокчейна поднимает вопросы конфиденциальности и защиты данных. Вся информация, хранящаяся в блокчейне, доступна для всех участников сети, что может быть проблематично для компаний, которые хотят сохранить конфиденциальность определенных данных. В связи с этим может нарушаться режим конфиденциальной информации и коммерческой тайны. Поэтому представляется необходимым разработать механизмы защиты такой информации и механизмы селекции информации для передачи в реестр блокчейна, чтобы обеспечить безопасность данных участников сделок. Соответствующие механизмы должны быть предусмотрены в законодательстве об информации и защите персональных данных.

Применение смарт-контрактов, функционирующих на основе технологии блокчейн, также представляется проблематичным, и в первую очередь из-за неоднозначного понимания самого термина «смарт-контракт», поэтому данная проблематика требует отдельного законодательного регулирования. Статья 309 ГК РФ устанавливает, что обязательство может исполняться и без отдельно выраженного дополнительного волеизъявления его сторон путем применения цифровых технологий, что как раз и подразумевает использование смарт-контракта. Однако на этом законодатель ограничился в регулировании смарт-контрактов.

Смарт-контракты в транспортной отрасли

Как мы уже отмечали, законодательного определения смарт-контракта не существует. Поэтому приходится использовать определение, которое формулируют в доктрине. Изначально смарт-контракт определялся как «набор обещаний, указанных в цифровом формате, включая протоколы, в рамках которых стороны выполняют данные обещания»[12]. Однако данное определение носит больше технический характер.

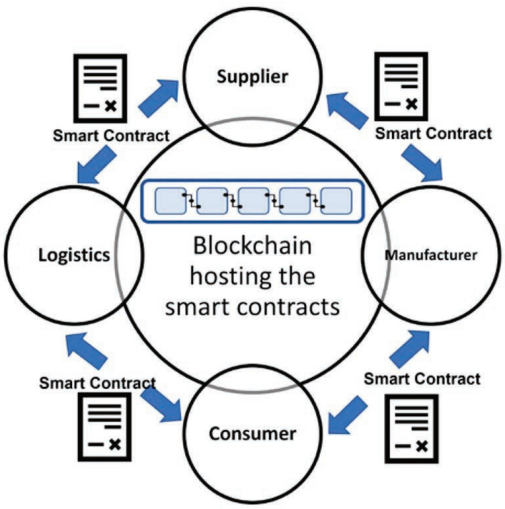
Если определять смарт-контракт с точки зрения права, то это программа, которая автоматически исполняет условия соглашения между сторонами в цифровом формате. Однако даже такое определение не всегда принимается юристами. Так, например, М. А. Бажина указывает, что смарт-контракт «является лишь электронной формой выражения вовне договорных отношений его участников»[13]. Такое упрощение представляется не совсем обоснованным, так как смарт-контракт включает не только и даже не столько договор сторон, сколько является инструментом его исполнения. Поэтому сводить смарт-контракт исключительно к электронной форме договора не совсем правильно. Смарт-контракты работают

[12] *Szabo N.* Smart Contracts: Building Blocks for Digital Markets // URL: https://www.fon.hum.uva.nl/rob/courses/informationinspeech/cdrom/literature/lotwinterschool2006/szabo.best.vwh.net/smartcontracts2.htm (дата обращения: 01.10.2024).

[13] *Бажина М. А.* Применение смарт-контрактов в транспортно-логистической деятельности: особенности правового регулирования // Проблемы частноправового и публично-правового регулирования транспортной деятельности : материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Уфа, 2023. С. 47.

на основе блокчейн-технологии, которая и позволяет обеспечить надежность как его заключения, так и исполнения.

На рисунке схематично отражена система смарт-контрактов в логистике и на транспорте.



Использование смарт-контрактов в логистике[14]

К особенностям и преимуществам использования смарт-контрактов в первую очередь относятся:

— *автоматизация*. Смарт-контракты устраняют необходимость в посредниках для выполнения соглашений. Как только наступают предусмотренные условия, контракт автоматически исполняется;
— *прозрачность и безопасность*. Блокчейн обеспечивает неизменяемость и прозрачность данных, что исключает возможность подделки или изменения условий договора;
— *снижение затрат*. Исключение посредников, таких как банки или нотариусы, снижает транзакционные издержки;
— *минимизация рисков*. Смарт-контракты снижают вероятность человеческой ошибки или мошенничества, так как правила выполнения закреплены программно.

Смарт-контракты уже активно используются в транспортной логистике для оптимизации процессов. Например, при доставке товаров смарт-контракт может предусмотреть автоматическую оплату только при успешном завершении перевозки, подтвержденной соответствующими датчиками или системой GPS. Это ускоряет процессы и минимизирует споры между участниками.

[14] *Alqarni M. A., Alkatheiri M. S., Chauhdary S. H., Saleem S.* Use of Blockchain-Based Smart Contracts in Logistics and Supply Chains // Electronics. 2023. 12. 1340. URL: https://doi.org/10.3390/electronics12061340 (дата обращения: 01.09.2024).

Необходимо отметить, что смарт-контракты при всех их преимуществах могут произвести далеко не все действия, которые предполагаются в рамках договора (например, выборка товара, проверка его качества и др.)[15].

Правовое регулирование смарт-контрактов находится в стадии становления. В ряде стран ведется работа по включению смарт-контрактов в правовую систему (например, в Беларуси уже есть законодательное описание смарт-контракта). В некоторых штатах США смарт-контракты признаются юридически значимыми договорами, если они соответствуют стандартным правовым требованиям, таким как наличие намерений и согласие сторон.

Основной правовой вызов — юрисдикция и исполнение смарт-контрактов, поскольку блокчейн-сети децентрализованы и не привязаны к какой-либо конкретной стране. Это порождает сложности в случае возникновения споров, особенно если они происходят между сторонами из разных юрисдикций.

Кроме того, необходимы правовые механизмы для решения проблем, связанных с форс-мажорными обстоятельствами, которые могут быть не учтены в условиях смарт-контракта. Также проблематичным представляется самоисполнимость смарт-контракта и норм ст. 416 ГК РФ, потому что ставит под вопрос вообще допустимость применения такого основания прекращения обязательства, как невозможность исполнения, к смарт-контрактам. Данная проблематика в настоящее время не урегулирована ни судебной практикой, ни законодательством.

Одним из ярких примеров использования смарт-контрактов в транспортной отрасли является автоматизация расчетов и доставки грузов. Смарт-контракт может предусматривать, что оплата доставки товара будет автоматически произведена, как только транспортное средство прибудет в пункт назначения, а система GPS зафиксирует этот факт. Также можно использовать смарт-контракт для контроля условий перевозки товаров. Если товар требует определенных условий хранения (например, ограничений температуры или влажности), смарт-контракт может быть запрограммирован таким образом, что оплата будет произведена только в случае, если датчики подтверждают соблюдение всех условий на протяжении перевозки. Это возможность с помощью смарт-контракта проверить если не качество товара, то хотя бы соблюдение условий его транспортировки.

Технология блокчейн в первую очередь будет оказывать воздействие на правовую систему, которой придется адаптироваться к особенностям работы с децентрализованными реестрами и смарт-контрактами, разрабатывать новые подходы к регулированию и обеспечению правовой защиты участников сделок. Однако для этого прежде всего необходимо выработать понятийный аппарат, а также предусмотреть механизмы защиты от правовых рисков.

[15] См.: *Вашкевич А.* Коротко о смарт-контрактах // Адвокатская газета. 03.09.2018.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аль Али Н. А. Р.* Материалы Четвертого международного транспортно-правового форума / под ред. А. А. Чеботаревой, В. Е. Чеботарева. — М., 2022. — С. 181—194.
2. *Бажина М. А.* Применрение смарт-контрактов в транспортно-логистической деятельности: особенности правового регулирования // Проблемы частно-правового и публично-правового регулирования транспортной деятельности : материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. — Уфа, 2023.
3. *Брой У. Ш.* Блокчейн и кибервалюты: нужна ли новая законодательная база // Право и цифровая экономика. — 2018. — № 1. — С. 13—20.
4. *Василевская Л. Ю.* Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической классификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 5. — С. 111—119.
5. *Вашкевич А.* Коротко о смарт-контрактах // Адвокатская газета. — 03.09.2018.
6. *Назаров М. Ю.* В смешанной перевозке: правовое регулирование смешанной перевозки груза посредством смарт-контракта // International Law Journal. — 2023. — № 8. — С. 94—99.
7. *Полешкина И. О., Васильева Н. В.* Технология Blockchain как инструмент управления цепями поставок с участием воздушного транспорта // Научный вестник МГТУ ГА. — М., 2020. — С. 72—86.
8. *Сомов Ю. И., Курихин С. В.* Применение технологии блокчейн в таможенном деле // Вестник Российской таможенной академии. — 2018. — № 4. — С. 18—23.
9. *Alqarni M. A., Alkatheiri M. S., Chauhdary S. H., Saleem S.* Use of Blockchain-Based Smart Contracts in Logistics and Supply Chains // Electronics. — 2023. — 12. — 1340. — URL: https://doi.org/10.3390/electronics12061340 (дата обращения: 01.09.2024).
10. Can quantum computing break blockchain? Ulrich Scholten // URL: https://utimaco.com/news/blog-posts/blockchain-risk-can-quantum-computing-break-blockchain (дата обращения: 01.09.2024).
11. *Lorne Lantz, Daniel Carwey.* Mastering Blockchain. — O'Reilly Media, Inc., 2020.
12. *Szabo N.* Smart Contracts: Building Blocks for Digital Markets // URL: https://www.fon.hum.uva.nl/rob/courses/informationinspeech/cdrom/literature/lotwinterschool2006/szabo.best.vwh.net/smart_contracts_2.htm.

Ирина Зориктуевна АЮШЕЕВА,
доцент кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент
izayusheeva@msal.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Интеллектуальные транспортные системы: проблемы определения гражданско-правового режима[1]

Аннотация. *Интеллектуальные транспортные системы (ИТС) объединяют современные информационные, коммуникационные и телематические технологии, предназначены для автоматизированного поиска и принятия к реализации эффективных сценариев управления транспортным комплексом, конкретными транспортными средствами или их группой. Интеллектуальная транспортная система имеет сложный состав, разноуровневую структуру, при этом работа ИТС основывается на обработке больших объемов информации в режиме реального времени. Интеллектуальная транспортная система по своим характеристикам в большой степени подпадает под определение сложного результата интеллектуальной деятельности. Однако, если рассматривать ИТС как информационную систему, то надо учитывать, что в состав последней входят также технические средства, к которым относятся в том числе и оборудование, устройства, приборы и т.п., необходимые для хранения и обработки информации. Сегодня правовой режим ИТС не определен однозначно, хотя уже проводится работа по внедрению и дальнейшему развитию ИТС. Актуальным является решение указанного вопроса, в том числе в связи с необходимостью определения структуры договорных связей, а также ответственности участников возникающих по поводу ИТС или в связи с ее использованием правоотношений.*

Ключевые слова: *интеллектуальная транспортная система, цифровая платформа, информационная система, результат интеллектуальной деятельности, база данных, искусственный интеллект, большие данные*

DOI: 10.17803/2311-5998.2024.123.11.078-087

© Аюшеева И. З., 2024

[1] Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Irina Z. AYUSHEEVA,
Associate professor of the Department of Civil Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Law), Associate professor
izayusheeva@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Intelligent Transport Systems: Problems of Defining the Civil Law Regime

Abstract. *Intelligent transport systems (ITS) combine modern information, communication and telematics technologies, are designed for automated search and adoption of effective scenarios for managing a transport complex, a specific vehicle or a group of them. The intelligent transport system has a complex composition, a multi-level structure, while ITS work is based on processing large amounts of information in real time. In this regard, the intelligent transport system, according to its characteristics, falls more under the definition of a complex result of intellectual activity. However, if we consider ITS as an information system, then the latter also includes technical means, which include equipment, devices, devices, etc., necessary for storing and processing information. Today, the legal regime of ITS is not clearly defined, although work is already underway on their implementation and further development, in connection with which the solution of this issue is relevant, including in connection with the need to determine the structure of contractual relations, as well as the responsibility of participants arising from ITS or in connection with its use of legal relations.*
Keywords: *intelligent transport system, digital platform, information system, result of intellectual activity, database, artificial intelligence, big data*

В сфере транспортной инфраструктуры наметились основные пути цифровизации отрасли. Существенным образом цифровизация повлияла и на способ организации экономических отношений, что обусловлено повсеместным внедрением и применением платформенных решений.

Между тем в действующем отечественном законодательстве не сформирован единый правовой режим платформы, цифровой платформы. Нет однозначного понимания юридической природы интеллектуальной транспортной системы (ИТС) как объекта гражданских прав, а также ее гражданско-правового режима.

Возникает вопрос о том, можно ли рассматривать интеллектуальные транспортные системы в качестве разновидности платформ, цифровых или технологических платформ? Могут ли они быть отнесены к объектам гражданских правоотношений?

Правительственная комиссия по высоким технологиям и инновациям дает определение технологической платформы[2]. При этом используемое понятие отра-

[2] Порядок формирования перечня технологических платформ (утв. решением Правительственной комиссии по высоким технологиям и инновациям от 03.08.2010, протокол № 4) // СПС «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

жает экономическую сущность технологической платформы, однако не позволяет определить ее правовой режим и особенности как объекта правоотношений.

Интеллектуальные транспортные системы по своей сути также являются платформой, предназначенной для обеспечения коммуникации и взаимосвязи всех пользователей транспортных средств, владельцев транспортной инфраструктуры, а также органов и организаций, наделенных полномочиями в сфере управления транспортной отраслью. При этом ИТС нельзя отнести к технологической платформе в том смысле, который придается этому понятию на современном этапе: ИТС необходимы для обеспечения функционирования транспортного комплекса в условиях цифровизации. Интеллектуальную транспортную систему можно считать цифровой платформой, которая функционирует в условиях развития цифровой среды и призвана обеспечить взаимодействие участников правоотношений с использованием современных технологий.

Попытки определить понятие коммуникационных площадок и платформ предпринимаются в доктрине[3]. Цифровую платформу рассматривают в качестве гибридной структуры, создающей ценность через обеспечение прямого взаимодействия между разными лицами[4].

Пока не выработаны единые подходы к определению правового режима цифровых платформ, однако предусмотрены особенности правового регулирования отдельных сфер цифровой платформенной экономики, в связи с чем возникает вопрос о возможности выработки общих принципов. При развитии платформенной экономики важно также достижение социально-значимых целей. Не является исключением в этом смысле и транспортная отрасль.

К настоящему моменту законодателем предпринят ряд мер, направленных на регулирование отношений с использованием цифровых платформ (например, в транспортной отрасли отдельно были урегулированы отношения с участием так называемых служб заказа легкового такси)[5]. В законодательстве о защите прав потребителей определен правовой статус владельцев агрегаторов информации о товарах (работах, услугах)[6].

Безусловно, транспортная отрасль неоднородна, что также влияет на особенности правового регулирования рассматриваемых отношений различными транспортными уставами и кодексами. Использование платформенных решений также не ограничивается только сферой поиска заказов для заключения

---

[3] *Масланов Е. В.* Коммуникационные площадки в сети Интернет как зоны обмена: возможности и ограничения // Философия и культура. 2020. № 2. С. 1—11.

[4] *Гелисханов И. З., Юдина Т. Н.*, *Бабкин А. В.* Цифровые платформы в экономике: сущность, модели, тенденции развития // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2018. Т. 11. № 6. С. 22—25.

[5] Федеральный закон от 29.12.2022 № 580-ФЗ «Об организации перевозок пассажиров и багажа легковым такси в Российской Федерации, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 1 (ч. I). Ст. 27.

[6] Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 04.08.2023) «О защите прав потребителей» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

договоров перевозки. Цифровизация существенным образом трансформирует сам подход к управлению транспортным комплексом.

В условиях цифровой трансформации транспортной отрасли создается цифровая транспортная инфраструктура, неотъемлемой частью которой являются в том числе интеллектуальные транспортные системы. К ним отнесены системы городских агломераций, цифровые двойники объектов транспортной инфраструктуры[7]. Сегодня интеллектуальные транспортные системы формируются в различных сферах, к ним относятся системы управления на транспорте, в том числе обеспечивающие безопасность[8], системы диспетчерского управления наземным городским пассажирским транспортом[9], системы формирования исходных данных о транспортных потоках с использованием данных от зондовых транспортных средств[10], автоматизированные системы парковки[11], ИТС в сфере коммерческих перевозок[12] и т.п.

---

[7] Постановление Правительства РФ от 20.12.2017 № 1596 (ред. от 01.04.2024) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Развитие транспортной системы”» // СЗ РФ. 2018. № 1 (ч. II). Ст. 340.

[8] См., например: ГОСТ Р ИСО 15623-2017 «Национальный стандарт Российской Федерации. Интеллектуальные транспортные системы. Системы предупреждения столкновений с движущимся впереди транспортным средством. Требования к эксплуатационным характеристикам и методы испытания» (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 07.11.2017 № 1673-ст). М. : Стандартинформ, 2018.

[9] ПНСТ 895-2023 «Предварительный национальный стандарт Российской Федерации. Интеллектуальные транспортные системы. Системы диспетчерского управления городским наземным пассажирским транспортом. Требования к составу и содержанию отчетных данных транспортных предприятий, работающих в условиях брутто-контракта» (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 21.12.2023 № 101-пнст). М. : Институт стандартизации, 2024.

[10] ПНСТ 881-2023 (ИСО 19414:2020) «Предварительный национальный стандарт Российской Федерации. Интеллектуальные транспортные системы. Сервисная архитектура систем формирования исходных данных о транспортных потоках с использованием данных от зондовых транспортных средств» (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 05.12.2023 № 78-пнст). М. : Институт стандартизации, 2023.

[11] ПНСТ 637-2022 «Предварительный национальный стандарт Российской Федерации. Интеллектуальные транспортные системы. Частично автоматизированные системы парковки. Требования к эксплуатационным характеристикам и методы испытания» (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 01.02.2022 № 11-пнст). М. : РСТ, 2022.

[12] ПНСТ 636-2022 «Предварительный национальный стандарт Российской Федерации. Интеллектуальные транспортные системы. Коммерческие перевозки. Контроль автомобильных перевозок в цепочке поставок. Часть 1. Архитектура и определения данных» (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 01.02.2022 № 10-пнст). М. : РСТ, 2022 ; ПНСТ 638-2022 «Предварительный национальный стандарт Российской Федерации. Интеллектуальные транспортные системы. Идентификация и передача информации о содержимом грузов наземных перевозок. Часть 3. Мониторинг информации о состоянии груза во время перевозки» (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 18.02.2022 № 14-пнст). М. : РСТ, 2022 ; ПНСТ 635-2022 «Предварительный нацио-

В целом основной задачей современных интеллектуальных транспортных систем является навигация при движении по заданному маршруту, осуществляемая передачей информационных сообщений от устройств придорожной связи на бортовые устройства транспортных средств для информирования водителей[13]. Эти системы внедряются в транспортную среду для улучшения качества вождения, безопасности водителей, пассажиров и пешеходов, повышения эффективности транспортных процессов, снижения затрат энергии, затрат на транспорт и уменьшения загрязнения окружающей среды[14].

Развитие интеллектуальных транспортных систем занимает важное место в перечне мероприятий, направленных на реализацию скоординированной транспортной политики государств — членов ЕАЭС в сфере автомобильного транспорта[15].

Сферой, в которой внедрение интеллектуальных транспортных систем имеет главенствующее значение, является использование беспилотного транспорта. В Концепции обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования приведено понятие интеллектуальной транспортной системы[16]. Указанное определение также было включено Минтрансом РФ в законопроект о высокоавтоматизированных и полностью автоматизированных транспортных средствах[17].

нальный стандарт Российской Федерации. Интеллектуальные транспортные системы. Идентификация и передача информации о содержимом грузов наземных перевозок. Часть 1. Контекст, архитектура и ссылочные стандарты» (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 01.02.2022 № 9-пнст). М. : РСТ, 2022.

[13] ПНСТ 882-2023 (ИСО 15075:2003) «Предварительный национальный стандарт Российской Федерации. Интеллектуальные транспортные системы. Системы информирования и управления на транспорте. Требования к набору сообщений бортовых навигационных систем транспортных средств» (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 05.12.2023 № 79-пнст). М. : Институт стандартизации, 2023.

[14] ПНСТ 878-2023 (ИСО 14813-5:2020). Предварительный национальный стандарт Российской Федерации. Интеллектуальные транспортные системы. Архитектура эталонной модели для интеллектуальных транспортных систем. Часть 5. Требования к описанию архитектуры в стандартах на интеллектуальные транспортные системы» (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 29.11.2023 № 74-пнст). М. : Институт стандартизации, 2023.

[15] Распоряжение Евразийского межправительственного совета от 20.08.2021 № 15 «О плане мероприятий (“дорожной карте”) по реализации Основных направлений и этапов реализации скоординированной (согласованной) транспортной политики государств — членов Евразийского экономического союза на 2021—2023 годы» // Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: http://www.eaeunion.org/, 23.08.2021.

[16] Распоряжение Правительства РФ от 25.03.2020 № 724-р «Об утверждении Концепции обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования» // СЗ РФ. 2020. № 13. Ст. 1995 ; ГОСТ Р 56829-2015 «Национальный стандарт Российской Федерации. Интеллектуальные транспортные системы. Термины и определения» (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 10.12.2015 № 2150-ст). М. : Стандартинформ, 2018.

[17] Проект Федерального закона (доработанный текст) «О высокоавтоматизированных и полностью автоматизированных транспортных средствах и о внесении изменений в

В указанной Концепции приведено понятие кооперативной интеллектуальной транспортной системы. Основным их свойством является обмен данными между разными приложениями, предоставляющими пользователям разные услуги[18]. К кооперативным ИТС относится также система кооперативного адаптивного круиз-контроля[19].

В соответствии с утвержденными стандартными требованиями ИТС определяются в качестве систем, интегрирующих современные информационные, коммуникационные и телематические технологии, технологии управления, предназначенные для решения целого ряда задач[20].

В нормативных актах содержится незначительное количество определений интеллектуальных транспортных систем, они отличаются друг от друга и при этом не дают ответа на вопрос о юридической природе ИТС в качестве объекта правоотношений, прежде всего в качестве объекта гражданских правоотношений. В связи с указанным не вполне ясными остаются особенности гражданско-правового режима ИТС: нет ясности в вопросах о субъектном составе, содержании возникающих в связи с ее использованием правоотношений, о содержании прав на соответствующие объекты, об особенностях, юридической характеристике, содержании договоров, которые могут опосредовать соответствующие отношения, а также об условиях и объеме ответственности лиц, которые являются ее владельцами, эксплуатантами или производителями оборудования.

Следует отметить, что в научной литературе в связи с относительной новизной рассматриваемого явления также не выработаны подходы к определению особенностей правового режима ИТС. Интеллектуальные транспортные системы как объекты права являются малоизученными. В целом сегодня указанная сфера регламентирована на уровне подзаконных нормативных правовых актов, которые носят либо программный характер, либо содержат стандартные, в основном технические, требования к различным ИТС.

Между тем ИТС постепенно внедряются для использования, в частности в сфере беспилотного транспорта, поэтому для правильного формирования практики применения действующих норм, а также для дальнейшего их совершенствования

отдельные законодательные акты Российской Федерации» (подготовлен Минтрансом России, ID проекта 02/04/06-21/00116763) (не внесен в Государственную Думу, текст по состоянию на 31.12.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

[18] ПНСТ 634-2022 «Предварительный национальный стандарт Российской Федерации. Интеллектуальные транспортные системы. Кооперативные интеллектуальные транспортные системы. Локальная динамическая карта» (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 01.02.2022 № 8-пнст). М. : РСТ, 2022.

[19] ПНСТ 633-2022 «Предварительный национальный стандарт Российской Федерации. Интеллектуальные транспортные системы. Кооперативные адаптивные системы круиз-контроля. Требования к эксплуатационным характеристикам и методы испытания» (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 01.02.2022 № 7-пнст). М. : РСТ, 2022.

[20] ГОСТ Р 56294-2014 «Национальный стандарт Российской Федерации. Интеллектуальные транспортные системы. Требования к функциональной и физической архитектурам интеллектуальных транспортных систем» (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 11.12.2014 № 1966-ст). М. : Стандартинформ, 2018.

требуется определение основополагающих теоретических основ правового регулирования изучаемой сферы общественных отношений, возникающих в связи с использованием интеллектуальных транспортных систем.

В юридической литературе исследований, посвященных изучению правового регулирования рассматриваемых отношений, совсем немного. Например, М. А. Бажина и В. Д. Туктамышев[21] на основе анализа иностранного опыта правового регулирования выделяют четыре основных подхода, применяемых при разработке правового регулирования ИТС за рубежом:

— во-первых, закрепление в программных документах основных требований к ИТС, ее понятия[22];
— во-вторых, разработка специального закона, регулирующего соответствующие отношения;
— в-третьих, упоминание в законодательстве (в том числе в программных документах) без раскрытия его содержания;
— в-четвертых, использование термина ИТС в программных и иных нормативных правовых актах.

Росавтодор называет основой для формирования архитектуры ИТС перечень пользовательских услуг ИТС, в ней выделяются три уровня: нижний — организационный; основной — транспортный уровень; коммуникационный уровень[23]. В некоторых источниках выделяют четыре уровня: помимо организационного и коммуникационного называют также функциональный уровень, а также физический уровень (физические объекты, которые обеспечивают функциональность ИТС)[24].

Итак, ИТС в действующих программных документах и в соответствии со стандартными требованиями представляет собой сложную систему, состоящую из множества уровней и элементов. В ее состав входят различные технологии, в том числе технологии, позволяющие обработать большой объем данных, технологии искусственного интеллекта, технологии, позволяющие обеспечить коммуникацию между различными эксплуатантами ИТС, связь с техническими средствами сбора и фиксации информации, а также непосредственно с транспортным средством, которое присоединено к системе. Кроме того, неотъемлемой частью самой системы являются физические объекты, обеспечивающие функциональность ИТС.

---

[21] *Бажина М. А., Туктамышев В. Д.* Правовое регулирование применения интеллектуальной транспортной системы как основы осуществления транспортной деятельности: сравнительно-правовое исследование // Транспортное право. 2022. № 1. С. 3—7.

[22] См., например: Директива 2010/40/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза «Об общих рамках для размещения ITS (Intelligent Transport Systems) в сфере дорожного транспорта и взаимодействия с другими видами транспорта» [рус., англ.] (вместе с Приоритетными направлениями и первоочередными мерами, Принципами принятия технических правил...) (принята в г. Страсбурге 07.07.2010) // СПС «КонсультантПлюс».

[23] Федеральное казенное учреждение «Дороги России». URL: https://dr.rosavtodor.gov.ru/department/deyatelnost-dr/intellektualnye-transportnye-sistemy/mirovoj-opyt-vnedreniya-i-razvitiya-its (дата обращения: 04.07.2024).

[24] Интеллектуальные транспортные системы // URL: https://www.itu.int/en/itu-d/regionalpresence/cis/documents/publications/tr%20intelligent%20transport%20systems%20%28its%29.pdf (дата обращения: 05.07.2024).

Таким образом, интеллектуальные транспортные системы неоднородны, они могут включать в себя различные объекты: компьютерные программы, способы хранения, обработки, передачи информации, базы данных и т.п. — все это представляет собой различные результаты интеллектуальной деятельности, уже поименованные в гражданском законодательстве объекты гражданских прав. Причем возможности современных интеллектуальных транспортных систем, безусловно, связываются с внедрением технологий искусственного интеллекта, а также больших данных, гражданско-правовой режим которых до настоящего времени однозначно не решен в науке гражданского права. Кроме того, функционирование ИТС невозможно без использования физических объектов — транспортных средств и иных материальных объектов транспортной инфраструктуры, а также объектов, позволяющих обеспечить хранение информации.

Возможности использования ИТС могут зависеть от индивидуальных потребностей пользователей. Сами ИТС прежде всего используются для осуществления публичных функций управления транспортным комплексом. В то же время использование ИТС и подключение к ней может осуществляться частными лицами как в личных целях, так и для ведения предпринимательской деятельности, в связи с чем было бы неверным полностью исключать возможность признания ее объектом гражданских правоотношений.

Очевидно, интеллектуальная транспортная система как цифровая платформа, по сути, может представлять собой информационную систему[25]. Информационная система сама по себе не является самостоятельным объектом гражданских прав, она не поименована в действующем гражданском законодательстве, как, собственно, и информация. Согласно легальному определению информационной системы, она состоит из базы данных, технологий, обеспечивающих обработку информации, и технических средств.

В нормах гражданского права, регулирующих отношения по поводу интеллектуальной собственности, имеется упоминание объектов — результатов интеллектуальной деятельности, не являющихся однородными и состоящих из целого ряда иных объектов. Речь идет о сложных объектах (ст. 1240 ГК РФ) и о составных произведениях (ст. 1260 ГК РФ).

Следует отметить, что в научной литературе встречаются различные подходы к отнесению тех или иных объектов творческой деятельности к сложным или к составным объектам[26]. При этом критикуется позиция, изложенная в литературе, о том, что ст. 1240 ГК РФ можно толковать расширительно, включив в состав сложных объектов интернет-сайт[27], поскольку интернет-сайты

---

[25] См.: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 12.12.2023) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

[26] *Братусь Д. В.* Организационные авторские права / под общ. ред. Б. М. Гонгало. М. : Статут, 2022.

[27] Право интеллектуальной собственности : учебник / Е. В. Бадулина, Д. А. Гаврилов, Е. С. Гринь [и др.] ; под общ. ред. Л. А. Новоселовой. М. : Статут, 2017. Т. 1 : Общие положения (автор главы — Н. А. Новикова) ; Заключение Исследовательского центра частного права по вопросам толкования и возможного применения отдельных положений

отнесены к составным произведениям[28]. В законе понятие сложного объекта не раскрывается.

Очевидно, наиболее близким по правовому режиму к ИТС можно было бы считать мультимедийный продукт[29]. Следует отметить, что прежде всего мультимедийный продукт определяется в качестве объекта авторского права, не охватывая возможность использования в его составе иных результатов интеллектуальной деятельности. Специалисты отмечают, что сложным объектом может быть только такой мультимедийный продукт, который, с одной стороны, представляет собой единое целое (единый объект), а с другой — имеет сложный состав (структуру)[30].

Интеллектуальная транспортная система имеет сложный состав, разноуровневую структуру, она объединяет базы данных, компьютерные программы, лежащие в основе технологий сбора и обработки информации, при этом работа ИТС основывается на обработке больших объемов информации в режиме реального времени, т.е. такая система должна быть интерактивной и взаимодействовать с пользователями. В связи с указанным интеллектуальная транспортная система по своим характеристикам в большей степени подпадает под определение сложного результата интеллектуальной деятельности.

Однако если рассматривать ИТС как информационную систему, то в состав последней надо включить также технические средства, к которым относятся оборудование, устройства, приборы и т.п., необходимые для хранения и обработки информации. В данном случае информационная система может рассматриваться как имущественный комплекс, который включает в себя различные по своей юридической природе объекты гражданских прав.

В соответствии с действующим законодательством по общему правилу оператором информационной системы признается именно собственник используемых для обработки содержащейся в базах данных информации технических средств, который правомерно пользуется такими базами данных, или лицо, с которым этот собственник заключил договор об эксплуатации информационной системы (ст. 13 Закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

Следует разграничивать правовой статус авторов, организаторов создания результата интеллектуальной деятельности как сложного объекта, обладателей исключительного права использования таких результатов, а также собственника тех вещей, в которых воплощены соответствующие технические средства обработки информации, причем, как правило, именно последний приобретает статус оператора информационной системы в целом.

Информационные системы в соответствии со ст. 13 указанного Закона подразделяются на государственные, муниципальные и иные. Поскольку основная цель

части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник гражданского права. 2007. № 3.

[28] Право интеллектуальной собственности : учебник / Е. С. Гринь, В. О. Калятин, С. В. Михайлов [и др.] ; под общ. ред. Л. А. Новоселовой. М. : Статут, 2017. Т. 2 : Авторское право.

[29] *Котенко Е. С.* Мультимедийный продукт как объект авторских прав : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 9.

[30] Заключение Исследовательского центра частного права по вопросам толкования...

создания ИТС сегодня — управление транспортным комплексом, постольку организация создания ИТС, как правило, осуществляется на уровне уполномоченных органов государственной власти или органов местного самоуправления. Тем не менее актуальной является проблема определения гражданско-правовых основ взаимодействия между соответствующим оператором информационной системы и иными участниками правоотношений, в том числе при использовании технических средств, принадлежащих частным лицам, для сбора и передачи информации, при подключении указанных субъектов к системе, при объединении различных ИТС в единую кооперативную интеллектуальную транспортную систему.

Таким образом, общественные отношения по поводу интеллектуальных транспортных систем, внедрение которых в эксплуатацию проводится на современном этапе, требуют выработки адекватного механизма правового регулирования, в том числе гражданско-правового. Важно определить особенности ИТС в качестве объектов права. Указанная проблема неразрывно связана с проблемами определения правового режима искусственного интеллекта, больших данных, информационных систем и цифровых платформ.

Кроме того, большое значение имеет определение структуры договорных связей между всеми участниками отношений в транспортной отрасли в связи с использованием в их деятельности ИТС, обеспечением к ним доступа. Также особого внимания требуют условия привлечения к ответственности в случае сбоев в работе интеллектуальных транспортных систем, которые могут привести к негативным последствиям, в том числе к причинению вреда жизни, здоровью граждан, имуществу участников гражданского оборота.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бажина М. А., Туктамышев В. Д.* Правовое регулирование применения интеллектуальной транспортной системы как основы осуществления транспортной деятельности: сравнительно-правовое исследование // Транспортное право. — 2022. — № 1. — С. 3—7.
2. *Братусь Д. В.* Организационные авторские права / под общ. ред. Б. М. Гонгало. — М. : Статут, 2022. — 236 с.
3. *Гелисханов И. З., Юдина Т. Н., Бабкин А. В.* Цифровые платформы в экономике: сущность, модели, тенденции развития // Научно-технические ведомости СПбГПУ. — Экономические науки. — 2018. — Т. 11. — № 6. — С. 22—25.
4. *Котенко Е. С.* Мультимедийный продукт как объект авторских прав : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2012.
5. *Масланов Е. В.* Коммуникационные площадки в сети интернет как зоны обмена: возможности и ограничения // Философия и культура. — 2020. — № 2. — С. 1—11.
6. Право интеллектуальной собственности : учебник / Е. В. Бадулина, Д. А. Гаврилов, Е. С. Гринь [и др.] ; под общ. ред. Л. А. Новоселовой. — М. : Статут, 2017. — Т. 1 : Общие положения. — 512 с.
7. Право интеллектуальной собственности : учебник / Е. С. Гринь, В. О. Калятин, С. В. Михайлов [и др.] ; под общ. ред. Л. А. Новоселовой. — М. : Статут, 2017. — Т. 2 : Авторское право. — 367 с.

Концептуальные аспекты гражданского права

Владимира Владимировна ДОЛИНСКАЯ,
профессор кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ доктор юридических наук, профессор
civil-vvd@yandex.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Развитие норм об объектах права в кодификациях гражданского законодательства

Аннотация. *Проведен сравнительно-правовой анализ норм трех кодификаций гражданского законодательства по вопросам объектов. Выявлено влияние различных доктринальных концепций на гражданские кодексы. Показаны последствия смешения понятий «вещи» и «имущество». Освещены достоинства и недостатки цифровых объектов в системе имущественных прав. Выявлены дефекты в современном закреплении классификации объектов по оборотоспособности. Рассмотрена классификация объектов по их целевому назначению и правовому режиму. Определены недостатки легального деления объектов на движимые и недвижимые, «размывание» последней категории. Уделено внимании влиянию развития видов экономической деятельности на объекты гражданских прав. Показана связь нематериальных благ в системе объектов прав с тенденцией социализации частного права. Положительно оценено разграничение РИД и прав на них, критикуется вытеснение категорией «интеллектуальная деятельность» классического термина «творческая деятельность». Предложена классификация гражданских правоотношений по роли такого объекта, как информация.*

Сделаны выводы о поступательном развитии гражданского права и законодательства, расширении круга объектов права в кодификациях гражданского законодательства, совершенствовании норм об их правовом режиме. Выявлены отдельные недостатки правового регулирования. Предложены целевые доктринальные исследования, предварительная апробация новых норм права на пилотных проектах.

Ключевые слова: *вещи, дефекты права, имущественные комплексы, имущественные права, имущество, информация, недвижимость, нематериальные блага, объекты прав, результаты интеллектуальной деятельности, цифровые права*

DOI: 10.17803/2311-5998.2024.123.11.088-098

© Долинская В. В., 2024

Vladimira V. DOLINSKAYA,
Professor of the Department of Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Dr. Sci. (Law), Professor,
Member of the Scientific Advisory Board
of the Supreme Court of the Russian Federation
civil-vvd@yandex.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Development of Norms on the Objects of Law in the Codifications of Civil Legislation

Abstract. *A comparative legal analysis of the norms of the three codifications of civil legislation on the issues of objects has been carried out.*
The influence of various doctrinal concepts on civil codes is revealed. The consequences of mixing the concepts of "things" and "property" are shown. The advantages and disadvantages of digital objects in the system of property rights are highlighted. Defects have been identified in the modern consolidation of the classification of objects by turnover. The classification of objects according to their intended purpose and legal regime is considered. The disadvantages of the legal division of objects into movable and immovable, the "blurring" of the latter category are identified. Attention is paid to the impact of the development of economic activities on the objects of civil rights. The connection of intangible benefits in the system of objects of rights with the tendency of socialization of private law is shown. The differentiation of Results of intellectual activity and rights to them is positively assessed, and the displacement of the classical term "creative activity" by the category of "intellectual activity" is criticized. The classification of civil legal relations according to the role of such an object as information is proposed.
Conclusions are drawn about the progressive development of civil law and legislation, the expansion of the range of objects of law in the codifications of civil legislation, and the improvement of norms on their legal regime. Some shortcomings of legal regulation have been identified. Targeted doctrinal studies and preliminary testing of new legal norms on pilot projects are proposed.
Keywords: *things, defects of law, property complexes, property rights, property, information, real estate, intangible assets, objects of rights, results of intellectual activity, digital rights*

В год 30-летия со дня принятия части первой Гражданского кодекса РФ естественно проявление внимания к пройденному законодателем пути, выявление тенденций развития правового регулирования и прогнозирование его направлений в будущем.

Одним из актуальных вопросов для отраслевого законодательства, тем более в рамках частного права, является вопрос понятия и видов объектов, так как «каждое юридическое отношение возникает по поводу известного интереса,

преследуемого членами общества. Объектом юридического отношения является средство осуществления интереса»[1].

За прошедшее в XX—XXI вв. время менялись круг объектов частноправовых отношений, определяющие их нормы.

В ГК РСФСР 1922 г.[2] раздел III «Объекты прав (имущества)» содержал всего 8 статей, причем данные объекты рассматривались с позиций оборотоспособности и сделок, а не сами по себе. В ГК РСФСР 1964 г.[3] такого раздела не было вовсе, нормы об объектах были рассредоточены по тексту Кодекса, относительно четко просматриваясь в разделе II «Право собственности» и встречаясь в положениях об обязательствах и защите прав. ГК РФ посвятил им подраздел 3 «Объекты гражданских прав» раздела I, включающий 4 главы (в том числе гл. 6 «Общие положения») общим объемом почти 40 статей, причем их количество с внесением изменений возрастает. Кроме того, эта категория неоднократно упоминается в трех других частях Кодекса. То есть законодатель признал ее самостоятельное, а не прикладное значение.

Первое, на что обращаем внимание, — законодатель устранился от доктринальной дискуссии о соотношении понятий «объекты прав» и «объекты правоотношений»[4], отдав в названиях пальму первенства первому. Напомним, что до Д. И. Мейера[5] отечественная цивилистика вместо них оперировала терминами «вещи» и «имущество». И с этим связан второй значимый момент: законодатель длительное время ставил знак равенства между объектами и имуществом, а подчас и собственностью, делая акцент на вещах. На этот традиционный для России недостаток обращал внимание еще Г. Ф. Шершеневич[6]. Примечательны отголоски этого дефекта права и в настоящее время.

В действующем гражданском законодательстве понятие «имущество» используется в трех смыслах[7]. Нормы раздела II ГК РФ о праве собственности и иных,

---

1 *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права. М. : издание Бр. Башмаковых, 1911. Общая часть. §8.

2 Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904 (с изм., утрат. силу).

3 Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407 (с изм., утрат. силу).

4 См.: *Долинская В. В.*, *Моргунова Е. А.*, *Шевченко О. М.* Гражданское право : Объекты прав : учебное пособие для бакалавров / отв.ред. В. В. Долинская, В. Л. Слесарев. М. : Проспект, 2017. С. 8—9, 16—17 ; *Дудин А. П.* Объект правоотношения (вопросы теории). Саратов, 1980. С. 42, 55 ; *Зинченко С. А.*, *Лапач В. А.*, *Шапсугов Д. Ю.* Проблемы объектов гражданских прав. Ростов н/Д, 2001. С. 18, 42, 82.

5 Речь идет о появившихся после смерти Д. И. Мейера его лекциях, обработанных А. И. Вицыным, под заглавием: «Русское гражданское право с Очерком русского вексельного права» (6-е изд., под ред. А. Х. Гольмстена. СПб., 1894. Переиздано: *Мейер Д. И.* Русское гражданское право : в 2 ч. М., 1997 (по изд. 1902 г.)).

6 См.: *Шершеневич Г. Ф.* Указ. соч. § 14. Вещи как объекты права. I. Понятие об имуществе.

7 См. подробнее, например: Развитие частного права на современном этапе: памяти В. П. Грибанова : монография / отв. ред. В. В. Долинская. М. : Проспект, 2021 (автор гл. 1 «Развитие предмета гражданско-правового регулирования» — В. В. Долинская).

ограниченных, вещных правах на материальные ценности сконструированы таким образом, что создается первичное ошибочное впечатление об их распространении только на вещи. Здесь явно превалирует вещно-правовая концепция объекта[8].

Отнесение к объектам имущественных прав (ст. 2, 128, 454 ГК РФ и др.)[9], традиционно выступающих элементом правоотношения, вызвало сомнения. Конституционный Суд РФ неоднократно напоминал о включении в категорию «имущество» имущественных прав[10]. В поддержку легальной позиции приведем мнение классика отечественной цивилистики Д. И. Мейера, который указывал, что «право на чужое действие имеет характер имущества»[11].

До сих пор нормы об имущественных обязанностях оторваны от основного массива норм об объектах гражданских прав (например, § 8 гл. 30, особенно ст. 561—563 ГК РФ). Но сам факт закрепления в нормах ГК РФ теории, учитывающей объекты-действия[12], и даже замена в его ст. 128 термина «услуги» на «оказание услуг», что подчеркивает значение экономической деятельности[13], на наш взгляд, прогрессивен.

При этом надо учитывать, что каждый из элементов понятия «имущество» может и не подпадать под действие гражданского законодательства (например, имущественная обязанность по уплате налогов). В то же время в это понятие не входят, например, нематериальные блага как вид объектов гражданских прав. Таким образом, понятия «объекты гражданских прав» и «имущество» являются пересекающимися.

Ни один из отечественных кодексов не содержал определения объектов гражданских прав. Действующий, к сожалению, сохранил использованный его

---

[8] См.: *Агарков М. М.* Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940. С. 23, 28, 93.

[9] См. также: *Туктаров Ю. Е.* Имущественные права как объекты гражданско-правового оборота // Актуальные проблемы гражданского права. Вып. 6. М., 2003.

[10] Постановления Конституционного Суда РФ от 06.06.2000 № 9-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца третьего пункта 2 статьи 77 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” в связи с жалобой открытого акционерного общества “Тверская прядильная фабрика”» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2000. № 4 ; от 10.04.2003 № 5-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 84 Федерального закона “Об акционерных обществах” в связи с жалобой открытого акционерного общества “Приаргунское”» // СЗ РФ. 2003. № 17. Ст. 1656 ; от 24.02.2004 № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона “Об акционерных обществах”, регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании “Кадет Истеблишмент” и запросом Октябрьского районного суда г. Пензы» // СЗ РФ. 2004. № 9. Ст. 830.

[11] *Мейер Д. И.* Указ. соч. Ч. 2. С. 18.

[12] См.: *Иоффе О. С.* Избранные труды по гражданскому праву : Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». М., 2000. С. 586 ; *Магазинер Я. М.* Советское хозяйственное право. Л., 1928. С. 174.

[13] См.: *Долинская В. В.* Экономическая деятельность и ее виды // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 3. С. 3—15.

предшественниками прием простого перечисления. К его сущностностному дефекту добавляются открытый характер перечня и мобильность объектов внутри него. Так, с 1994 г. неоднократно менялась видовая и родовая характеристика безналичных денежных средств.

Классификации, которые могли бы способствовать раскрытию понятия, также представлены довольно смутно.

Косвенным образом из содержания кодексов можно вывести классификацию объектов по оборотоспособности — возможности их присваивать и отчуждать посредством гражданско-правовых сделок[14]. Статья 20 ГК РСФСР 1922 г. говорила об имуществе, изъятом из гражданского оборота, и указывала, что оно «может быть объектом гражданского права лишь в тех пределах, в каких это положительно указано законом». Статья 21 ГК РСФСР 1922 г. исключала землю, которая была провозглашена достоянием государства, из предмета частного оборота и указывала, что «владение землею допускается только на правах пользования». Создается впечатление, что законодатель использовал как однопорядковые понятия «имущество, изъятое из гражданского оборота» и не подлежащие отчуждению в собственность частных лиц и их объединений «государственные имущества», перечень которых приведен в ст. 22 ГК РСФСР 1922 г.

Эта тенденция была продолжена в ГК РСФСР 196 4 г., в частности, в его ст. 95 указано, что «земля, ее недра, воды и леса состоят в исключительной собственности государства и предоставляются только в пользование». Из действующего Кодекса термин «объекты, изъятые из гражданского оборота» исключен с 01.10.2013. Но, согласно п. 4 ст. 3 Федерального закона от 02.07.2013 № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»[15], правовой режим объектов гражданских прав, которые до дня вступления в силу этого Закона признавались изъятыми из оборота и в соответствии с п. 2 ст. 129 ГК РФ признаются ограниченными в обороте, сохраняется.

Кроме того, согласно п. 4 ст. 129 ГК РФ, результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (ст. 1225 ГК РФ) не могут отчуждаться или иными способами переходить от одного лица к другому. Неотчуждаемы также нематериальные блага и личные неимущественные

---

[14] О понятии и видах оборота см: *Астахова М. А.* Оборот в гражданском праве: понятие, структура, разновидности // Бюллетень нотариальной практики. 2006. № 4 ; *Братусь С. Н.* О понятии гражданского оборота в советском гражданском праве (доклад на заседании сектора гражданского права Всесоюзного института юридических наук) // Советское государство и право. 1949. № 11 ; *Виниченко Ю. В.* Гражданский оборот: методологические основания цивилистического исследования / Байкальский государственный университет экономики и права. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2014 ; *Гальперин С. И.* Учебник русского торгового и вексельного права. Вып. 1 : Часть общая и учение о субъектах и объектах торговых действий. Екатеринослав, 1907 ; *Долинская В. В.* Проблемы гражданского оборота // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 6. С. 3—8 ; *Красавчиков О. А.* Советский гражданский оборот (понятие и основные звенья) // Ученые записки СЮИ. Т. 5. Вопросы гражданского, трудового права и гражданского процесса. М., 1957.

[15] СЗ РФ. 2013. № 27. Ст. 3434.

права. Сохранение классификации в ст. 129 ГК РФ, но терминологическое (не фактическое) исключение из нее одной классификационной группы представляется дефектом права.

В рамках самой распространенной классификации объектов — по их целевому назначению и правовому режиму — на первом месте традиционно стоят вещи[16].

В советском кодифицированном законодательстве была нормативная основа для классификаций вещей, сопряженных с экономической характеристикой, в первую очередь для деления вещей по месту в системе общественного производства на средства производства и предметы потребления. ГК РСФСР 1964 г., с одной стороны, запрещал использовать социалистическую собственность — государственную (общенародную), колхозно-кооперативную, собственность профсоюзных и иных общественных организаций — в целях личной наживы (ст. 93), а с другой — допускал включение в личную собственность граждан предметы подсобного домашнего хозяйства (ст. 105), скота (ст. 112) и даже выделял собственность (объекты) граждан, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью (ст. 115). Теперь эта классификация касается не только вопросов форм собственности. Например, ч. 1 ст. 1178 ГК РФ устанавливает особенности наследования такого средства производства, как предприятие, ст. 1179 ГК РФ — наследование имущества члена крестьянского (фермерского) хозяйства.

К условно юридическим классификациям вещей[17] автор относит их деление на движимые и недвижимые.

Согласно примечанию к ст. 21 ГК РСФСР 1922 г., с отменой частной собственности на землю деление имуществ на движимые и недвижимые упразднено. Одновременно отметим, что законодатель не различал тогда землю и земельные участки. Эта классификация была восстановлена в Основах гражданского законодательства СССР и республик 1991 г.[18], п. 2 ст. 4 которых давал характеристику недвижимого имущества в основном через физический критерий — прочная связь с земельными участками. Такой подход воспринят ГК РФ в ст. 130. Недостатками современной классификации являются, на взгляд автора:

— отсутствие легального определения;
— смешение понятий «недвижимые вещи», «недвижимое имущество», «недвижимость»;
— деление на физически и юридически недвижимые вещи;
— «размывание» классификационных групп в отсутствие новых оснований классификации;
— смешение государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним[19].

---

[16] См., например: *Агарков М. М.* Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 206.

[17] См.: *Долинская В. В.*, *Моргунова Е. А.*, *Шевченко О. М.* Указ. соч. Гл. 3 (автор главы — В. В. Долинская).

[18] Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 26. Ст. 733 (с изм.; утрат. силу).

[19] См.: ГК РФ. Ст. 130 ; Федеральный закон от 14.03.2009 № 31-ФЗ «О государственной регистрации прав на воздушные суда и сделок с ними» // СЗ РФ. 2009. № 11. Ст. 1260 (с изм.) ;

Эта классификация применяется к вещам и имущественным комплексам[20]. Последние, среди признаков которых наличие нескольких элементов (объектов гражданских прав) и их разнородность по правовой природе, подтверждают необходимость различения понятий «недвижимые вещи», «недвижимое имущество» и «недвижимость».

В целях унификации правовой терминологии и адекватного отражения сущности явлений в правовых актах и доктрине можно рекомендовать использовать в отношении недвижимых объектов термины «недвижимые вещи» и «недвижимое имущество» (последний — в отношении имущественных комплексов), а термин «недвижимость» использовать как режим имущества, а не его естественную характеристику[21].

Из иного имущества обратим внимание на включенные в число имущественных прав как объектов:

— с 2019 г. цифровые права (ст. 128, 141.1 ГК РФ) и
— с 2023 г. цифровые рубли (ст. 128, 861 ГК РФ).

К достоинствам новеллы о цифровых правах отнесем попытки дать их определение (ст. 141.1 ГК РФ) и обозначить их правовой режим (в главах об объектах и сделках). Явными недостатками выступают:

— неопределенная правовая природа прав («обязательственные и иные права»);
— отсылочная норма («названные в таком качестве в законе... права»);
— обусловленность «содержания и условий осуществления» соответствием правилам информационной системы (т.е. содержания — способу фиксации);

Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (с изм.) // СЗ РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4344 ; Федеральный закон от 30.12.2021 № 492-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об искусственных земельных участках, созданных на водных объектах, находящихся в федеральной собственности, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: www.pravo.gov.ru, 30.12.2021 ; *Долинская В. В.* Новеллы законодательства о недвижимом имуществе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 10. С. 3—10 ; *Ульянов А. В.* О правовых режимах искусственных земельных участков и связанных с ними объектов // Lex russica. 2022. Т. 75. № 4 (185). С. 37—49.

[20] ГК РФ. Ст. 132 ; Федеральный закон от 29.11.2001 № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» (с изм.). Ч. 2 ст. 1 ; абз. 1 п. 1 ст. 10 // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4562 ; *Белов В. А.* Имущественные комплексы : Очерк теории и опыт догматической конструкции по российскому гражданскому праву. М., 2004 ; *Долинская Л. М.* Аренда и национальные парки // Закон. 2005. № 3 ; *Лаптева А. М.* Имущественные комплексы в коммерческом обороте : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2010 ; *Миронов И. Б.* Имущественные комплексы в жилищной сфере : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009 ; *Нарушкевич С. В.* Имущественный комплекс в гражданском праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006 ; *Романов О. Е.* Предприятие и иные имущественные комплексы как объекты гражданских прав. СПб., 2004 ; *Степанов С. А.* Имущественные комплексы в российском гражданском праве. М., 2002.

[21] См.: *Кудухов А. В.* Совершенствование гражданско-правового регулирования государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.

— соответствие информационной системы установленным законом признакам (но закон[22] содержит незначительный перечень обязательных требований к государственным и муниципальным информационным системам, в отношении иных информационных систем порядок создания и эксплуатации определяется операторами таких систем).

Выпуск, учет и обращение видов цифровых прав связаны исключительно с базами данных и алгоритмами. Еще дальше отстоят от реальных объектов прав цифровая валюта[23], а также утилитарные цифровые права и цифровые свидетельства — неэмиссионные бездокументарные ценные бумаги, не имеющие номинальной стоимости, удостоверяющие принадлежность их владельцу утилитарного цифрового права, причем последний может только требовать оказания определенных услуг, а распоряжаться ими имеет возможность обязанное лицо — депозитарий, осуществляющий учет этого права[24].

Констатируем развитие юридической техники. Но имитация свойств реальных объектов и миров вызывает опасения как минимум отсутствием реального имущественного содержания «цифровых» объектов, «расщеплением» правомочий в отношении таких объектов, зависимостью их существования, учета и обращения от технических факторов.

Результаты интеллектуальной (творческой) деятельности могут рассматриваться в качестве объекта гражданских прав лишь в тех случаях, когда имеют определенную форму объективированного выражения.

В ГК РФ в части четвертой (ст. 1225) законодатель просто перечислил все объекты в одном ряду; некоторое подобие классификации представляет разграничение их на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации (ст. 1225, 1226 и др.).

Такая характеристика деятельности, как «творческая» вытесняется понятием «интеллектуальная». Апробированная на международном уровне концепция интеллектуальной собственности вытесняется конструкцией интеллектуальных прав, имеющей не менее двух внутренних дефектов (некорректное использование термина «исключительные права» и включение в содержание «иных прав»).

К достоинствам правового оформления этой группы объектов отнесем их включение в общегражданское законодательство (в ГК РСФСР 1922 г. они не упоминались), расширение их круга как адекватное отражение развития экономики и техники, разграничение РИД и прав на них[25].

---

[22] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм.) // СЗ РФ. 2006. № 31. Ст. 3448.

[23] Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: http://www.pravo.gov.ru, 31.07.2020.

[24] Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм.). Ст. 8, 9 // URL: http://www.pravo.gov.ru.

[25] См. также: ГК РФ. Ст. 1232,1353, 1354 ; постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26.03.2009 № 5/29 «О некоторых вопросах,

ГК РФ впервые в истории отечественной цивилистики легально включил нематериальные блага в число объектов гражданских прав (ст. 128, гл. 8), что свидетельствует о социализации частного права в русле конституционных норм. В 2013 г. из ст. 150 ГК РФ исключено смешение нематериальных благ и личных неимущественных прав.

В качестве дефекта права квалифицируем определение круга объектов прав специальным, а не общегражданским законодательством, как это произошло с «информацией»[26]. А ведь значение этого объекта связано с выделением в гражданском законодательстве информационных отношений:

1) объектом которых является информация (раздел VII ГК РФ «Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации»);
2) где действия с информацией выступают как служебные по сравнению с основными. Это:

— отношения по определению статуса субъекта (его идентификация) и реализации его прав (например, Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния»[27]);
— отношения по квалификации объекта прав и учету этих прав на него (например, Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости»);
— информационное обеспечение деятельности — сделок, решений и т.п. (в частности, служебные информационные отношения в сфере договорного права и служебные информационные отношения в сфере ответственности; например ст. 495, 726, 732, 774, 804, 840, 1031 ГК РФ)[28].

Авторские исследования на протяжении длительного времени позволили нам выделить наиболее яркие в конце XX — первой четверти XXI в. тенденции развития частного права, и в их числе — реструктуризацию системы объектов гражданских прав.

Даже этот краткий обзор свидетельствует о том, что, наряду с признанием формирования нового понятийного аппарата, мы наблюдаем несогласованность между отдельными нормами ГК РФ, правовыми актами, недостаточную проработку правовых и технических требований к гражданскому обороту, что требует целевых доктринальных исследований, может быть, предварительную апробацию новых норм права на пилотных проектах.

возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». Ч. 2 п. 48 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 6.

[26] Ср. ст. 139 (утрат. силу) ГК РФ и ст. 5 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». См. также: *Тавокин Е. П.* Информация как научная категория // Социологические исследования. 2006. № 11.

[27] СЗ РФ. 1997. № 47. Ст. 5340 (с изм.).

[28] См. подробнее: *Долинская В. В.* Информационные отношения в гражданском обороте // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 4.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Агарков М. М.* Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. — М., 2002. — Т. 1.
2. *Агарков М. М.* Обязательство по советскому гражданскому праву. — М., 1940.
3. *Астахова М. А.* Оборот в гражданском праве: понятие, структура, разновидности // Бюллетень нотариальной практики. — 2006. — № 4.
4. *Белов В. А.* Имущественные комплексы : Очерк теории и опыт догматической конструкции по российскому гражданскому праву. — М., 2004.
5. *Братусь С. Н.* О понятии гражданского оборота в советском гражданском праве (доклад на заседании сектора гражданского права Всесоюзного института юридических наук) // Советское государство и право. — 1949. — № 11.
6. *Виниченко Ю. В.* Гражданский оборот: методологические основания цивилистического исследования // Байкальский государственный университет экономики и права. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2014.
7. *Гальперин С. И.* Учебник русского торгового и вексельного права. — Екатеринослав, 1907. — Вып. 1 : Часть общая и учение о субъектах и объектах торговых действий.
8. *Долинская Л. М.* Аренда и национальные парки // Закон. — 2005. — № 3.
9. *Долинская В. В.* Информационные отношения в гражданском обороте // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2010. — № 4.
10. *Долинская В. В.* Новеллы законодательства о недвижимом имуществе // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2022. — № 10. — С. 3—10.
11. *Долинская В. В.* Проблемы гражданского оборота // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2019. — № 6. — С. 3—8.
12. *Долинская В. В.* Экономическая деятельность и ее виды // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2018. — № 3. — С. 3—15.
13. *Долинская В. В., Моргунова Е. А., Шевченко О. М.* Гражданское право : Объекты прав : учебное пособие для бакалавров / отв. ред. В. В. Долинская, В. Л. Слесарев. — М. : Проспект, 2017.
14. *Дудин А. П.* Объект правоотношения (вопросы теории). — Саратов, 1980.
15. *Зинченко С. А., Лапач В. А., Шапсугов Д. Ю.* Проблемы объектов гражданских прав. — Ростов н/Д, 2001.
16. *Иоффе О. С.* Избранные труды по гражданскому праву : Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». — М., 2000.
17. *Красавчиков О. А.* Советский гражданский оборот (понятие и основные звенья) // Ученые записки СЮИ. — М., 1957. — Т. 5 : Вопросы гражданского, трудового права и гражданского процесса.
18. *Кудухов А. В.* Совершенствование гражданско-правового регулирования государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2011.
19. *Лаптева А. М.* Имущественные комплексы в коммерческом обороте : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2010.
20. *Магазинер Я. М.* Советское хозяйственное право. — Л., 1928.

21. *Мейер Д. И.* Русское гражданское право : в 2 ч. — М., 1997 (по изд. 1902 г.). — Ч. 2.
22. *Миронов И. Б.* Имущественные комплексы в жилищной сфере : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2009.
23. *Нарушкевич С. В.* Имущественный комплекс в гражданском праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Волгоград, 2006.
24. Развитие частного права на современном этапе: памяти В. П. Грибанова : монография / отв. ред. В. В. Долинская. — М. : Проспект, 2021.
25. *Романов О. Е.* Предприятие и иные имущественные комплексы как объекты гражданских прав. — СПб., 2004.
26. *Степанов С. А.* Имущественные комплексы в российском гражданском праве. — М., 2002.
27. *Тавокин Е. П.* Информация как научная категория // Социологические исследования. — 2006. — № 11.
28. *Туктаров Ю. Е.* Имущественные права как объекты гражданско-правового оборота // Актуальные проблемы гражданского права. — Вып. 6. — М., 2003.
29. *Ульянов А. В.* О правовых режимах искусственных земельных участков и связанных с ними объектов // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 4 (185). — С. 37—49.
30. *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права. — М. : издание Бр. Башмаковых, 1911.

Правовая охрана образа, имиджа, репутации государства

Марина Николаевна МАЛЕИНА,
профессор кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ
mnmaleina@msal.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Аннотация. *Образ, имидж, репутация государства рассматриваются как неотъемлемая часть духовного суверенитета государства. Образ воплощен в статичном символе, напротив, имидж и репутация связаны с деятельностью субъекта. Имидж смоделирован сознательно, а репутация образуется в результате внешней оценки поведения субъекта, но может изменяться, в том числе за счет специально разработанной концепции. Выделены уголовно-правовые, административно-правовые и гражданско-правовые меры защиты образа, имиджа, репутации государства. Гражданско-правовые способы защиты сгруппированы в зависимости от вида нарушителя (российские или иностранные граждане, юридические лица, представители органов государственной власти и местного самоуправления). Среди способов защиты особое внимание обращено на самозащиту в форме ответа публичного образования, в отношении которого распространены порочащие сведения, не соответствующие действительности. Предлагается дополнить ст. 152 ГК РФ специальным пунктом, в котором будут сформулированы способы защиты государственных и муниципальных образований.*

Ключевые слова: *духовный суверенитет государства, образ, имидж, репутация государства, имиджмейкер, дискредитация государства, право на ответ, публикация решения суда*

DOI: 10.17803/2311-5998.2024.123.11.099-107

Marina N. MALEINA,
Professor of the Department of Civil Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation
mnmaleina@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Legal Protection of Image, Reputation of the State

Abstract. *The image and reputation of the state are considered an integral part of the spiritual sovereignty of the state. The image is embodied in a static symbol; on the contrary, image and reputation are associated with the activities of the subject. The image is deliberately modeled, and the reputation is formed as a result of an external assessment of the subject's behavior, but can be changed, including due to a specially developed concept. Выделены уголовно-правовые, административно-правовые*

© Малеина М. Н., 2024

и гражданско-правовые меры защиты образа, имиджа, репутации государства. Civil legal methods of protection are grouped depending on the type of offender (Russian or foreign citizens, organizations, representatives of state authorities and local government). Among the methods of protection, special attention is paid to self-defense in the form of a response from a public entity, in relation to which defamatory information that does not correspond to reality is widespread. It is proposed to supplement Article 152 of the Civil Code of the Russian Federation with a special clause, which will formulate methods for protecting state and municipal entities.

Keywords: *spiritual sovereignty of the state, image, reputation of the state, image maker, discrediting the state, right of reply, publication of the court decision*

Наряду с понятием государственного суверенитета, получившего закрепление в ст. 3 Конституции РФ, юристы выделяют экономический, налоговый, природоресурсный, культурный, информационный, цифровой суверенитеты.

Менее изученным остается духовный суверенитет государства, под которым предлагается понимать национальное своеобразие в форме идей, учений, верований, воззрений на историю, обычаи, традиции, правила поведения, языки народов, а также образ, имидж, репутацию государства.

Определим такую составляющую духовной сущности государства, как образ, имидж, репутация государства с позиции юриста.

Понятие образа, имиджа, репутации государства

Образ государства ассоциируется с государственными символами, определенными историческими и иными событиями, людьми, предметами, памятниками, растениями, изображениями и повадками животных. Так, по данным опроса граждан Российской Федерации в 2023 г. из 100 населенных пунктов (1 500 человек), на вопрос «Что для вас олицетворяет Россию, является ее символом?», 22 % назвали флаг России, 19 % — герб России, 9 % — гимн России, 4 % — природу, леса, реки, просторы, 3 % — березки, 2 % — медведя и т.д.[1] Образ государства означает некий статичный символ. Советский поэт М. Д. Львов начинает свое стихотворение «Россия» 1961 г. словами: «Века считали: Россия — дали, Россия — синь, Россия — сани, поля с лесами...»[2]. Но изменение образа государства все-таки происходит в связи с проводимой геополитикой, внутренними реформами, социальными преобразованиям, международной обстановкой.

Применительно к государству понятие «имидж» относительно новое. Чаще понятие «имидж» (или HR-бренд) используется для характеристики государственных и муниципальных органов, государственных и муниципальных организаций. Можно согласиться с тем, что «бренд — целенаправленно формируемый

[1] О символах России. Фонд «Общественное мнение» // URL: http://fom.ru/ obshchestvo/10952 (дата обращения: 05.09.2023).

[2] *Львов М. Д.* Стихотворения. М., 1973. С. 142.

в общественном сознании образ компании»[3], поэтому зачастую отражает только наиболее привлекательные, положительные стороны деятельности субъекта.

Отдельные авторы выделяют государственный имидж страны и раскрывают его как «рентабельный нематериальный ресурс внутренней и внешней политической деятельности страны»[4]. Полагаю, что имидж государства отражает поступки, заявления и иные формы участия в международных мероприятиях и внутренних отношениях с гражданами, организациями, государственными и муниципальными органами.

Для правового анализа статуса публичного образования больше подходит категория «репутация». Репутацию государства можно представить как «нематериальное благо в совокупности качеств, свойств, характеристик, которые сформированы гражданами, юридическими лицами, международными организациями, иностранными государствами в результате оценки деятельности публичного образования во внутренних и внешних отношениях»[5].

Многие международные и национальные организации составляют рейтинги и таблицы, в которых проводится сравнение государств. Так, организация Reputation Institute опросила в 2019 г. более 58 000 человек в восьми странах (Великобритании, Германии, Италии, Канаде, России, США, Франции, Японии), чтобы выяснить, как они воспринимают ту или иную страну. Были рассмотрены 55 стран, которые располагали наибольшим валовым внутренним продуктом, учитывались также эффективность правительства, состояние экологии, культура, образ жизни и др. В составленном рейтинге стран на первом месте с лучшей репутацией оказалась Швеция, Россия заняла 51-ю строчку, на последнем месте — Ирак[6].

Существует соображение о том, что «государственные и муниципальные образования являются субъектами права на деловую репутацию при осуществлении ими предпринимательской деятельности, в иных случаях их репутация приравнивается к деловой, поскольку является однородным явлением»[7]. Более верно отметить, что репутация и деловая репутация — не однородные явления, а категории, которые относятся к одной группе нематериальных благ, индивидуализирующих их носителя. Но объем категории «репутация» значительно шире, поскольку отражает оценку не только деятельности государства в акционерных обществах или казенных предприятиях, но и участие в общезначимых мероприятиях.

Вышеназванные понятия (образ, имидж, репутация) частично совпадают, а иногда некоторыми авторами отождествляются. Как уже отмечалось, образ

---

[3] *Цветков Ю. А.* HR-бренд следственного органа // Российский следователь. 2020. № 4. С. 61—64.

[4] *Шепель В. М.* Духовные истоки величия имиджа России. М., 2020. С. 65.

[5] *Малеина М. Н.* Право государства (публичного образования) на репутацию // Государство и право. 2013. № 5. С. 100.

[6] *Вэлит В.* Названы страны мира с лучшей репутацией. Россия оказалась между Нигерией и Пакистаном // URL: https://www.forbes.ru/biznes-photogallery/385531-stali-izvestny-strany-mira-s-luchshey-reputaciey-rossiya-okazalas-mezhdu (дата обращения: 05.09.2024).

[7] *Кирпичев А. Е.* Право на деловую репутацию государственных и муниципальных образований, органов государственной власти и местного самоуправления // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 2. С. 120—126.

воплощен в статичном символе, напротив, имидж и репутация связаны с деятельностью субъекта. Имидж смоделирован сознательно, а репутация образуется в результате внешней оценки поведения субъекта, но может изменяться, в том числе и за счет специально разработанной концепции.

Нарушение права государства на репутацию

Нарушение права государства на репутацию происходит в форме распространения порочащих, не соответствующих действительности сведений; в подмене истинной информации иными данными; распространении не порочащей, но и не соответствующей действительности информации. Например, гражданка Китая несколько лет писала статьи (всего — более 200 статей) в китайскую «Википедию» об истории России (о вымышленных сражениях, исторических личностях). После обнаружения фальсификации онлайн-энциклопедия удалила все правки лже-историка; аккаунты автора, с которых редактировались статьи, были заблокированы[8]. Какие правовые контрмеры могут быть применены в подобных ситуациях?

Уголовно-правовые и административно-правовые меры защиты образа, имиджа, репутации государства

В 2023 г. в Уголовный кодекс РФ введена ст. 280.3, которая предусматривает уголовную ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, либо на дискредитацию исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий за пределами территории Российской Федерации в указанных целях. Вооруженные Силы Российской Федерации и государственные органы Российской Федерации реализуют политику Российской Федерации.

Статья входит в раздел X «Преступления против государственной власти». В качестве родового объекта преступлений, предусмотренных этим разделом Кодекса, считаются «общественные отношения, обеспечивающие стабильность государственной власти Российской Федерации, отдельных ее институтов и органов»[9]. Публичный характер противоправных действий характеризуется: а) направленностью на неограниченный круг лиц; б) совершением в общественном месте либо средствах массовой информации, сетях общего пользования.

Для применения ст. 280.3 УК РФ действия должны быть совершены лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года. В целом можно сделать вывод, что применение указанной статьи защищает репутацию государства.

В 2022 г. в КоАП РФ (в гл. 20 «Административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность») включена ст. 20.3.3 («Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской

---

[8] *Штейнбах К.* Китаянка 10 лет писала фейковые статьи про историю России в «Википедию» // URL: https://snob.ru/news/kitayanka-10-let-pisala-fejkovye-stati-pro-istoriyu-rossii-v-vikipediyu/ (дата обращения: 05.09.2023).

[9] *Нудель С. Л.* Конституционный строй как объект уголовно-правовой охраны // Журнал российского права. 2022. № 12. С. 121—132.

Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в указанных целях, оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации»), которая устанавливает административную ответственность, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния.

Появилась практика применения соответствующих норм. Например, гражданин Г. 03.08.2022 на входной двери подъезда многоквартирного дома в г. Волгограде осуществил расклейку объявления с надписью, дискредитирующей использование Вооруженных Сил Российской Федерации, «тем самым в публичной форме подрывал доверие к проведению с согласия Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации специальной военной операции по защите граждан Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики». Соответственно, постановлением судьи Ворошиловского районного суда Волгограда гражданин Г. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.3.3 КоАП РФ, с назначением административного наказания в виде административного штрафа в размере 30 000 рублей[10].

Несомненно, что и некоторые другие деяния (составы административных правонарушений), и прежде всего из гл. 17 КоАП РФ («Административные правонарушения, посягающие на институты государственной власти»), дискредитируют институты государственной власти и тем самым умаляют репутацию государства.

Заслуживают внимания нормы ст. 13.48. КоАП РФ («Нарушение установленного федеральным законом запрета публичного отождествления целей, решений и действий руководства СССР, командования и военнослужащих СССР с целями, решениями и действиями руководства нацистской Германии, командования и военнослужащих нацистской Германии и европейских стран оси в ходе Второй мировой войны, а также отрицания решающей роли советского народа в разгроме нацистской Германии и гуманитарной миссии СССР при освобождении стран Европы»).

Образ, имидж, репутация государства учитывают не только современный, но и исторический аспект. Россия является правопреемником СССР. Поэтому искажение наиболее важных исторических событий, в том числе действий и роли СССР в ходе Второй мировой войны, умаляет репутацию России.

Гражданско-правовые способы защиты образа, имиджа, репутации государства

Статья 152 ГК РФ («Защита чести, достоинства и деловой репутации») называет в качестве потерпевшего, чьи права нарушены, гражданина и юридическое лицо. Поэтому если нарушение (умаление) репутации государства произошло со стороны российских граждан, юридических лиц, публичных органов, то в силу принципа гражданского права (обеспечение восстановления нарушенных прав, их судебной защиты), а также норм п. 2 ст. 124, п. 7 ст. 152, ч. 2 ст. 150 ГК РФ для защиты права государства на репутацию можно использовать предусмотренные

[10] Постановление Верховного Суда РФ от 26.09.2023 № 16-АД23-18-К4 // СПС «КонсультантПлюс».

в ст. 152 ГК РФ способы защиты в порядке аналогии закона. Но, полагаем, во избежание споров следовало бы дополнить ст. 152 ГК РФ специальным пунктом, где были бы оговорены способы защиты репутации публичных образований.

Думается, что опровержение порочащих, не соответствующих действительности сведений в форме текста может применяться публичным образованием. При этом порочащими для публичного образования являются сведения, содержащие не соответствующие действительности утверждения о неисполнении международных конвенций, нарушении прав человека и гражданина, антигуманном поведении военнослужащих в зоне вооруженного конфликта, нецелевом расходовании денежных средств бюджета, коррупции служащих государственного аппарата, уничтожении памятников истории, загрязнении окружающей среды и т.п.

Иногда порочащие, не соответствующие действительности сведения следуют из рисунка, коллажа фотографий, иного изображения. Например, в историческом музее г. Ватерлоо представлены первые страницы бельгийских газет XIX в., где образ России показан в виде злобного и оборванного медведя, что производит неприятное впечатление на гражданина России. Согласно п. 1 ст. 152 ГК РФ «опровержение должно быть сделано тем же способом, которым были распространены сведения о гражданине, или другим аналогичным способом». Но при графическом порочащем, не соответствующем действительности образе государства было бы неверно обязать нарушителя подготовить новое соответствующее действительности изображение, а целесообразно составить опровержение в письменной форме или воспользоваться другим способом защиты.

При распространении сведений в сети Интернет возможно предъявление иска об удалении из баз данных поисковой системы не соответствующей действительности информации (сохраненные копии и ссылки, видеоматериал), порочащей репутацию истца, т.е. использовать такой способ, как пресечение ненадлежащего поведения в форме распространения сведений.

Следующий гражданско-правовой способ защиты — компенсация морального вреда. В судебной практике имеются примеры предъявления исков о взыскании компенсации главой местного самоуправления[11]. Безусловно, судья не может оценивать, в чем выражены «физические или нравственные страдания» публичного образования. Приемлемо использовать такое название способа защиты, как «компенсация неимущественного вреда». Соответственно, такой вред состоит в умалении репутации публичного образования.

Общими критериями определения компенсации в ч. 2 ст. 151 и п. 2 ст. 1101 ГК РФ применительно к гражданину названы «характер причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, степень вины причинителя вреда в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда». Если компенсация неимущественного вреда в пользу публичного образования будет закреплена в гражданском законодательстве, то можно предложить следующие критерии, позволяющие суду определить ее размер в денежной форме.

Во-первых, нужно учитывать характер и содержание самих порочащих сведений. Размер компенсации должен быть выше, если порочащие сведения были о

[11] См., например: определение Нижегородского областного суда от 07.06.2011 г. по делу № 33-5789 // СПС «КонсультантПлюс».

деяниях, которые осуждаются международным правом или законодательством определенной страны; касаются главы государства (а не отдельного государственного служащего); содержат оскорбительные выражения или изображения.

Во-вторых, имеет значение сфера (ареал) распространения порочащих сведений. Видимо, размер компенсации при распространении порочащих сведений на территории других государств, на сессиях и подобных мероприятиях международных организаций, в социальных сетях, не зарегистрированных Роскомнадзором, должен быть выше, чем на территории и виртуальном пространстве только потерпевшего государства. Это объясняется количеством осведомленных лиц или лиц, которые могут в будущем ознакомиться с порочащей информацией.

В-третьих, еще одним критерием определения размера компенсации должны выступать форма и степень вины нарушителя. Размер компенсации при умышленной форме вины нарушителя должен быть выше, чем при неосторожной.

Для защиты репутации публичных образований допустимо использование универсального способа защиты — возмещения убытков. В одной из публикаций авторы пишут о том, что сумма взыскиваемой через суд компенсации неимущественного вреда «должна составлять стоимость мер, необходимых для восстановления поврежденной репутации России». Указанными мерами в цитируемой статье называются «проведение в СМИ кампании, направленной на улучшение репутации, опубликование в СМИ сообщений о правонарушении»[12]. Между тем, на наш взгляд, оценка обозначенных выше мероприятий выражает сумму убытков в виде реального ущерба, а не сумму компенсации неимущественного вреда. При этом упущенная выгода также образуется, но доказать ее сложно.

Публикация решения суда о допущенном нарушении как способ защиты упомянут в п. 2 ст. 150 ГК РФ применительно к потерпевшему гражданину и непосредственно привязан законодателем в п. 1 ст. 1251 ГК РФ к потерпевшему от нарушения личных неимущественных прав автору. Применение этой меры возможно по аналогии закона в силу отнесения права на репутацию государства к числу неимущественных прав.

В соответствии с нормами п. 1, 9, 11 ст. 152 ГК РФ, ст. 46, 43—45 Закона РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации»[13] к публичному образованию применим способ самозащиты — опубликование своего ответа в тех же средствах массовой информации, в которых опубликованы сведения, ущемляющие права и охраняемые интересы потерпевшего по аналогии закона.

К способам защиты можно отнести и принудительное приостановление деятельности средства массовой информации на основании требования Генерального прокурора РФ или его заместителей. В статье 56.2 Закона «О средствах массовой информации» называется несколько оснований, среди них:

— распространение «информации, выражающей в неприличной форме, которая оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность, явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным

[12] *Кузнецов М. Н., Тельнов А. В.* Гражданско-правовая защита репутации Российской Федерации от диффамации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 55. С. 64.

[13] Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1992. № 7. Ст. 300.

символам Российской Федерации, Конституции Российской Федерации или органам, осуществляющим государственную власть в Российской Федерации»;

— распространение «под видом достоверных сообщений недостоверной информации, содержащей данные об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, а равно содержащей данные об исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий за пределами территории Российской Федерации в указанных целях»;

— распространение «информации, направленной на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности».

Если нарушение (умаление) репутации государства произошло со стороны иностранных граждан, юридических лиц, публичных органов, то в условиях военной операции и изоляции России недружественными странами обращение в международные организации, в том числе суды, не дает результатов. Соответственно, меры к нарушителям-нерезидентам в настоящее время применяются прежде всего во внесудебном порядке.

Наиболее эффективной при таких нарушениях будет реализация права на опубликование своего ответа. Однако:

а) буквальное применение правил п. 2 ст. 152 ГК РФ и ст. 46 Закона РФ «О средствах массовой информации» об опубликовании своего ответа в тех же средствах массовой информации, в которых опубликованы сведения, ущемляющие права и охраняемые интересы потерпевшего, не всегда осуществимо;

б) кроме того, порочащие сведения могли быть распространены и устно в форме заявлений, докладов во время выступлений публичных лиц;

в) не все сайты в сети Интернет зарегистрированы как СМИ в установленном законом порядке. Поэтому применительно к государству обозначенный способ защиты можно сформулировать как «ответ публичного образования, в отношении которого распространены порочащие сведения, не соответствующие действительности».

Соответственно, в законе можно закрепить, что такой ответ мог бы быть дан в том же или ином средстве массовой информации; в публичном выступлении главы государства и других уполномоченных государственных служащих; в письменном документе (дипломатической ноте посольства), отправленном в адрес органа (другого лица), распространившего порочащие, не соответствующие действительности сведения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Кирпичев А. Е.* Право на деловую репутацию государственных и муниципальных образований, органов государственной власти и местного самоуправления // Вестник Пермского университета. — Юридические науки. — 2013. — № 2. — С. 120—126.
2. *Кузнецов М. Н., Тельнов А. В.* Гражданско-правовая защита репутации Российской Федерации от диффамации // Вестник Пермского университета. — Юридические науки. — 2022. — Вып. 55. — С. 48—69.
3. *Малеина М. Н.* Право государства (публичного образования) на репутацию // Государство и право. — 2013. — № 5. — С. 100—104.
4. *Нудель С. Л.* Конституционный строй как объект уголовно-правовой охраны // Журнал российского права. — 2022. — № 12. — С. 121—132.
5. *Цветков Ю. А.* HR-бренд следственного органа // Российский следователь. — 2020. — № 4. — С. 61—64.
6. *Шепель В. М.* Духовные истоки величия имиджа России. — М. : Издательство ИТРК, 2020. — 352 с.

Диана Османова ОСМАНОВА,
доцент кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук
doosmanova@msal.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Применение отдельных правовых механизмов для целей предотвращения банкротства застройщиков

Аннотация. *Исходя из обнаруженной автором статистики, застройщики являются «лидерами» среди должников, обращающихся к процедуре банкротства. Настоящая статья направлена на поиск и анализ информации о причинах подобного состояния, предпринятых мерах для преодоления кризисных явлений и предложения авторских идей по разрешению выявленных проблем. С учетом изучения зарубежного законодательства, а также последних нормативных изменений по данному вопросу сделан вывод о необходимости использования отдельных правовых механизмов для предотвращения банкротства застройщика. К таким мерам допустимо отнести: заключение договора страхования, недопустимость одностороннего отказа от договора, кредитование на льготных условиях, допустимость исполнения обязательств третьим лицом и др. Подчеркнута взаимосвязь строительных отношений с иными сферами общественной жизни, в результате которой применяемое регулирование должно распространяться не только на самих застройщиков, но и на связанных с ними лиц — участников строительства, банковские и кредитные организации, страховые организации и др. Иными словами, поддержка должна быть оказана каждому звену подобной системы. Также в статье обозначено, что все правовые инструменты помощи должны применяться до введения судебной процедуры банкротства, поскольку в рамках конкурсного процесса ее эффективность существенно снижается. Застройщик должен иметь гарантированные законом возможности преодолеть кризисные явления при наличии объективного шанса на завершение строительства.*

Ключевые слова: *несостоятельность (банкротство), банкротство застройщика, строительство, участие в долевом строительстве, участник строительства, недвижимая вещь, машино-место, объект незавершенного строительства, реабилитация, ипотека, страхование, кредит, обеспечение*

DOI: 10.17803/2311-5998.2024.123.11.108-118

© Османова Д. О., 2024

Diana O. OSMANOVA,
Associate professor of the Department of Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law)
doosmanova@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Application of Certain Legal Mechanisms for the Purposes of Preventing Bankruptcy of Property Developers

Abstract. *Taking into account the discovered statistics, property developers are 'leaders' among debtors turning to bankruptcy proceedings. This article is aimed at finding and analysing information on the reasons for such a state, measures taken to overcome the crisis phenomena and proposing the author's ideas on the topic of resolving the identified problems. Taking into account the study of foreign legislation, as well as the latest regulatory changes on this issue, the conclusion is proposed that it is necessary to use certain legal mechanisms to prevent bankruptcy of the developer. Such measures may include: conclusion of an insurance contract, inadmissibility of unilateral cancellation of the contract, crediting on favorable terms, admissibility of performance of obligations by a third party, and so on. In addition, the interconnection of construction relations with other spheres of social life is emphasized, as a result of which the applicable regulation should apply not only to developers themselves, but also to persons related to them — construction participants, banking and credit organizations, insurance organizations, etc. In other words, support should be provided to developers, as well as to the construction industry. In other words, support should be provided to each 'link' of such a system. The article also states that all legal instruments of assistance should be applied before the introduction of judicial bankruptcy proceedings, because in the framework of the bankruptcy process the effectiveness of the latter is significantly reduced.*

Keywords: *insolvency (bankruptcy), developer's bankruptcy, construction, participation in shared construction, construction participant, immovable property, parking space, construction in progress, rehabilitation, mortgage, insurance, loan, security*

Сфера строительства в целом представляет собой глобальную проблему, с какой бы точки зрения она ни рассматривалась. Текущая геополитическая обстановка ухудшает и без того ее непростое положение. В частности, отмечаются нехватка строительных ресурсов, недостаточное обеспечение импортным оборудованием, значительное повышение цен на строительные материалы, нарушение логистики и цепочек поставок. В совокупности перечисленные обстоятельства ведут к удорожанию строительства, стоимости будущих

объектов и, соответственно, к снижению спроса на первичное жилье и новое строительство[1].

Сложность обозначенной проблемы заключается в ее многоаспектном характере: здесь обнаруживается влияние разных факторов, помимо уже обозначенных, в частности — состояния экономики, уровня обеспеченности населения. Например, в 2022—2023 гг. объемы ввода объектов многоквартирного жилого строительства показывали абсолютный исторический максимум. Подобный «успех» был обусловлен введением льготных условий ипотечного кредитования. Доля подобных сделок достигала 70—80 % от общего объема, из которого процент именно «льготных» покупок составил 74 %[2]. Аналогично в 2022—2023 гг. регуляторная деятельность Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ создала условия для того, чтобы существенно снизился срок получения разрешений на строительство, что также положительно повлияло на развитие отрасли в целом[3].

Иными словами, поддержание стабильности застройщиков и предотвращение их банкротства связано с принятием мер во всех смежных сферах — административной, социальной, экономической, банковской, страховой и др. В то же время важно не допустить чрезмерного такого содействия, которое приведет к ухудшению качества возводящихся объектов. Обозначенные особенности предопределяют ключевые правила построения правовой модели превенции банкротства застройщиков.

Автор убежден, что наиболее полная защита интересов всех вовлеченных в процесс строительства лиц может быть обеспечена только за счет предотвращения несостоятельности; все механизмы, которые могут быть применены в рамках судебного банкротства, менее эффективны. Косвенным доказательством подобного предположения является факт непрерывного реформирования специального закона в части регулирования процедуры банкротства застройщиков.

Так, Федеральным законом от 30.12.2004 № 214-ФЗ[4] (далее — Закон о долевом строительстве) были введены три возможных способа обеспечения исполнения застройщиком обязательств: (1) участие в обществе взаимного страхования гражданской ответственности застройщиков, либо (2) заключение договора страхования гражданской ответственности застройщика, либо (3) предоставление договора поручительства, заключенного с банком, соответствующим установленным в законе требованиям. Любой из них должен был быть осуществлен до государственной регистрации договора с первым участником строительства.

---

[1] См.: *Мечикова М. Н.* Влияние санкций и политики импортозамещения на строительную отрасль в России // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2024. № 1. С. 105. См. также: *Мельников В. В.* Воздействие санкций на строительную отрасль России: текущее состояние и перспективы отраслевого развития // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 1. С. 39—51.

[2] См.: *Плешанова О.* Непроданные новостройки: проблема залога готовых квартир // Банковское кредитование. 2024. № 1.

[3] См.: *Мельников В. В.* Указ. соч. С. 49.

[4] См.: Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Федеральным законом от 29.07.2017 № 218-ФЗ указанная норма отменена. Любые из вышеназванных договоров (поручительства или страхования) были признаны прекратившими свое действие 27.06.2019, если только на указанную дату не случилось любое из далее названных событий: наступил страховой случай, предъявлено требование о выплате, вступило соответствующее решение в законную силу, объект строительства введен в эксплуатацию.

В это же время указанным Федеральным законом № 218-ФЗ создана публично-правовая компания «Фонд защиты прав граждан — участников долевого строительства» (в текущий момент — ППК «Фонд развития территории»; далее — Фонд) для целей повышения гарантии защиты прав и законных интересов граждан — участников долевого строительства, средства которых привлекаются для создания многоквартирных и (или) жилых домов блокированной застройки. В силу ч. 3, 4 Федерального закона от 27.06.2019 № 153-ФЗ при досрочном прекращении вышеназванных договоров страхования или поручительства возвращенная застройщику часть страховой премии должна была быть перечислена в пользу Фонда. Позже функции Фонда были расширены за счет обеспечения его силами защиты интересов участников любого строительства, а не только долевого.

Инструментарий такой защиты в Законе о долевом строительстве также был обновлен. В силу ст. 15.6 данного Закона (в текущей редакции) застройщик *вправе* страховать риск своей ответственности (так что указанная опция была возвращена). К иным механизмам защиты допустимо отнести: залог в силу закона (ч. 1 ст. 12.1, 13—15), ужесточение порядка использования застройщиком предоставленных денежных средств (ст. 18, 18.2), создание фондов субъектов РФ для целей урегулирования обязательств застройщиков, признанных банкротами, перед участниками долевого строительства (ст. 21.1), в пользу которых застройщики должны перечислять определенные денежные суммы для целей формирования компенсационного фонда[5], открытие специальных счетов эскроу для размещения на них денежных средств участников долевого строительства (ст. 15.4, 15.5 рассматриваемого Закона) и др.

Однако, несмотря на предпринятые меры, повсеместные банкротства застройщиков не прекратились. Например, результаты аналитики ЕФРСБ (об общем количестве корпоративных банкротств) демонстрируют, что с 2017 г. (даты появления Фонда) ситуация кардинально не изменялась. Некоторая положительная тенденция наметилась только в 2023—2024 гг.[6], но с чем конкретно она связана, установить сложно. По указанным данным невозможно установить показатель банкротств именно застройщиков. На другом информационном ресурсе отмечается,

[5] См.: информационное письмо Банка России от 30.01.2019 № ИН-015-53/7 «Об обеспечении исполнения обязательств застройщика» ; информационное письмо Банка России от 10.12.2019 № ИН-015-53/90 «Об отдельных вопросах исполнения договора страхования гражданской ответственности застройщика» ; Федеральный закон от 29.07.2017 № 218-ФЗ. Ст. 3 // СПС «КонсультантПлюс».

[6] URL: https://download.fedresurs.ru/news/Статистический бюллетень банкротство янв-июн 2024 Федресурс.pdf (дата обращения: 20.09.2024).

что в 2023 г. «лидерами» по количеству банкротств стали две сферы — строительство и торговля[7].

Тем самым предположение о неэффективности существующих механизмов подтверждается. Это, в свою очередь, требует задуматься о необходимости расширения спектра возможностей для *предотвращения банкротства* такого должника, а не только о разрешении проблем в ходе его конкурсного процесса.

С учетом анализа специальных положений § 7 «Банкротство застройщиков» главы IX Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве) предлагается выделить следующие превентивные механизмы, которые могут, по мнению автора, предотвратить банкротство застройщика и помочь пережить кризисный период:

1) заключение договора страхования гражданской ответственности;
2) исполнение обязательств третьим лицом (частное применение общего правила, закрепленного в ст. 313 ГК РФ);
3) недопустимость одностороннего отказа от исполнения обязательств при появлении признаков банкротства либо в ситуации финансового кризиса;
4) заключение кредитного договора на льготных условиях.

Предложенный перечень не является исчерпывающим.

Как было указано ранее, банкротство застройщика наступает по многим причинам: снижение покупательской способности, удорожание строительства, увеличение сроков возведения объектов, что, в свою очередь, означает необходимость применения превентивных мер ко всем участникам, а не только к потенциальному должнику. Иначе результативность предложенных идей будет равна нулю. Тем более, что так или иначе обозначенные механизмы уже встречаются в законодательстве, однако, по мнению автора, начинают применяться слишком поздно.

1. Договор страхования гражданской ответственности застройщика

Как было указано ранее, текущая редакция Закона о долевом строительстве устанавливает право, но не обязанность застройщика застраховать свою ответственность на случай неисполнения принятых обязательств. В Законе о банкротстве также имеется указание на такой непоименованный способ обеспечения: в силу п. 2.3-1 ст. 201.1 при принятии решения о целесообразности финансирования мероприятий по завершении строительства Фонду направляется информация, в том числе о способе обеспечения исполнения обязательств застройщика (о страховщике, заключившем договора страхования гражданской ответственности и др.). Подобный способ защиты интересов участников строительства широко распространен в зарубежных правопорядках — в Италии, Германии, Франции[8].

---

[7] URL: https://www.dp.ru/a/2024/04/16/magazin-magazinu-rozn-stroitelstvo (дата обращения: 20.09.2024).

[8] См.: *Левин А. А.* Страхование ответственности застройщиков и участников долевого устроительства: вопросы теории и судебной практики // Российский судья. 2008. № 3. С. 16—18.

Так, Строительно-жилищный кодекс Франции в ст. L261-10-1 закрепляет обязанность продавца (реализующего будущие объекты) предоставить финансовую гарантию завершения строительства или возмещения произведенных платежей в случае расторжения договора (GFA)[9]. Указанная гарантия выдается именно на тот случай, если застройщик несостоятелен. Такая гарантия является обязательной в случае жилого строительства и вариативной при коммерческой застройке.

Законодательный декрет Италии № 122/05 в ст. 2, 3 закрепляет обязанность застройщика (под страхом недействительности договора, о которой может заявить только покупатель) предоставить обеспечение на всю сумму цены строящегося объекта. Указанная обязанность предусмотрена только для случаев заключения договора, направленного на создание объекта (будущего строительства). Обеспечение может быть выдано в форме либо договора страхования, либо договора поручительства, поручителем по которому выступит банковская организация[10].

Несмотря на кажущуюся привлекательность подобного способа, его применение на практике не всегда гарантирует защиту интересов участников строительства и не позволяет в полной мере предотвратить банкротство застройщика. Проблемы связаны со стоимостью подобных страховок или поручительств, особенностями условий выданных обеспечений и наличием за счет этого дополнительного бремени для застройщика, еще не успевшего приступить к строительству и не всегда имеющего достаточный капитал для соблюдения требований закона в указанной части.

Как усматривается, в целом система гарантий за счет страхования или поручительства, скорее, направлена на упрощение процедуры возврата вложенных денежных средств участников строительства, что, однако, не способствует оказанию помощи застройщику. Таким образом, данный механизм недостаточно эффективен.

2. Ограничение возможностей застройщика в части использования денежных средств участника строительства. Открытие счета эскроу

Как и зарубежные коллеги, национальный законодатель также пытается обеспечить возвратность вложенного финансирования в случае несостоятельности застройщика. Речь идет об использовании эскроу-счетов для расчетов по соответствующим договорам. Денежные средства депонируются на специально открытом счете, к которому у застройщика нет доступа до предоставления в банк акта о вводе объекта в эксплуатацию. Иными словами, до тех пор, пока строительство не завершено, денежные средства застройщику не поступают[11]. Более

[9] URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/legitext000006074096/legiscta000006159128/?anchor=legiarti000037667804#legiarti000037667804 (дата обращения: 03.08.2024).

[10] URL: https://www.normattiva.it/uri-res/n2ls?urn:nir:stato:d.lgs.:2005-06-20;122 (дата обращения: 01.09.2024).

[11] Аналог подобной системы (но в более упрощенном виде) обнаруживается в законодательстве Германии. Раздел 3 «Постановления об обязанностях агентов по недвижи-

того, признание застройщика банкротом и открытие в отношении него конкурсного производства является основанием для одностороннего отказа участника строительства от договора и возврата денежных средств со счета эксроу (пп. 2 п. 7 ст. 15.4 Закона о долевом строительстве).

Как представляется, указанный механизм не совсем корректен и не способствует достижению цели, ради которой создан. Во всяком случае его применение не должно быть формальным.

Так, если причины финансовых проблем застройщика кроются в отсутствии средств для завершения строительства, при этом на счетах эскроу достаточная сумма имеется, предполагается более разумным позволить застройщику использовать эти средства для выполнения принятых обязательств, чем доводить его до конкурсного производства и позволять участникам финансирования возвращать внесенную на счет плату.

Для этих целей допускается использовать администратора или куратора строительного проекта — незаинтересованное лицо, которое может анализировать состояние должника (вне рамок банкротства) и принимать решения о возможности завершения строительства собственными силами с учетом предоставленных законом возможностей, в том числе за счет частичного использования денежных средств, депонированных на эскроу-счетах.

Одновременно необходимо предусмотреть иные варианты поведения застройщика в подобном случае:

— обращение к иному лицу для получения финансирования на льготных условиях — в банк, кредитную организацию, Фонд, фонд субъекта РФ[12], когда последние не имеют права отказаться от заключения кредитного договора; прекращение на указанный период начисления любых финансовых санкций, а также законных процентов[13];
— исключение срока разрешения финансовых сложностей из периода просрочки завершения строительства, если таковая впоследствии наступила.

Данные механизмы должны быть предусмотрены законом и действовать автоматически при наличии обозначенных в законе условий. При наличии реальной

мости, кредитных брокеров, застройщиков, инспекторов строительства и управляющих жилой недвижимостью» (Makler-und-Bauträgerverordnung — MaBV) допускает разделение цены договора на 7 частей; покупатель оплачивает строительство поэтапно, только после передачи очередного результата выполненных работ (URL: https://www.gesetze-im-internet.de/gewo_34cdv/__3.html (дата обращения: 02.09.2024)).

[12] Указанный механизм предусмотрен в рамках процедуры банкротства: в силу п. 1 ст. 201.8-1 Закона о банкротстве мероприятия по заверению строительства объектов незавершенного строительства могут осуществляться за счет средств Фонда либо целевого займа, выданного Фондом либо третьими лицами. Неясным остается только вопрос о целесообразности доведения застройщика именно до процедуры банкротства, когда подобная мера может быть применена заблаговременно и способствует предотвращению конкурсных процессов.

[13] Подобный механизм оказания содействия застройщику уже известен национальному правопорядку. См.: постановление Правительства РФ от 26.03.2022 № 479 // СПС «КонсультантПлюс».

возможности завершения строительства без процедуры банкротства подобные императивные ограничения кажутся оправданными.

Вышеописанный механизм видится более эффективным в применении: если независимый администратор (куратор) проекта придет к выводу о целесообразности завершения строительства застройщиком самостоятельно, последний должен быть защищен от какой-либо ответственности на то время, пока он преодолевал возникшие трудности и завершал строительство[14], и ему должна быть оказана посильная помощь для достижения обозначенной цели.

3. Недопустимость одностороннего отказа от договора

С рассматриваемой проблемой связана идея закрепления недопустимости одностороннего отказа от договора с застройщиком, который находится в финансово сложной ситуации[15]. Подобное поведение контрагентов должника нивелирует всякие возможности последнего преодолеть финансовый кризис.

Так, в одном из дел рассматривался вопрос о допустимости расторжения договора аренды земельного участка, предоставленного для строительства, по причине нарушения застройщиком-банкротом сроков внесения арендной платы. Определением Верховного Суда РФ от 23.12.2019 № 301-ЭС18-10926(4) по делу № А17-4841/2015 требования публичного собственника были удовлетворены; договор аренды расторгнут. Как указывает Р. С. Бевзенко, такое решение является несправедливым и нелогичным, учитывая, что указанный договор аренды — зачастую единственный актив застройщика[16]. Последний будет не в состоянии не только завершить строительство, но и что-либо принести в имущественную массу для удовлетворения требований кредиторов.

Несмотря на то, что анализируемый кейс описывает ситуацию отказа, заявленного лицу, находящемуся в процедуре банкротства, ничто не мешает арендодателю в подобных случаях отказываться гораздо раньше, при наличии неоднократной просрочки внесения арендной платы, как это позволяет ГК РФ (п. 3 ст. 619). Аналогичные примеры можно обнаружить и в иных договорных конструкциях: например, п. 2 ст. 811 ГК РФ дает право заимодавцу потребовать досрочного возврата кредита в случае нарушения заемщиком срока, установленного для возврата очередной части (такое требование банка к застройщику может стать

[14] Отчасти прообраз данной идеи заложен в механизме защиты контролирующего должника лица на время, когда последний старается разработать и воплотить экономически обоснованный план выхода из кризисной ситуации. См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве». Абз. 2 п. 9 // СПС «КонсультантПлюс».

[15] Такое право также предусмотрено, например, в п. 2, 4 ст. 201.4 и п. 1 ст. 201.5 Закона о банкротстве.

[16] URL: https://t.me/loaderfromSVO/1901 ; URL: https://zakon.ru/blog/2020/11/15/sudba_stroitelnoj_arendy_pri_bankrotstve_zastrojschika__ob_odnoj_gruboj_oshibke_ek_kollegii_verh_sud (дата обращения: 15.09.2024).

для последнего роковым); право на односторонний отказ подрядчика содержит п. 1 ст. 719 ГК РФ (его могут заявить субподрядчики застройщика и тем самым парализовать строительство) и др.

В ситуации, когда застройщик объективно способен завершить строительство, но переживает финансовый кризис, должно быть ограничено право контрагентов на заявление одностороннего отказа. В противном случае и без того хрупкое положение застройщика еще больше приблизится к судебному банкротству, которое едва ли выгодно участникам соответствующих отношений.

4. Исполнение обязательств застройщика третьим лицом

Другим не менее эффективным механизмом преодоления возможных проблем может стать исполнение требований к застройщику третьим лицом.

В силу п. 1 ст. 201.15-1 Закона о банкротстве при урегулировании обязательств застройщика применяется возмездная передача его имущества, прав и обязательств иному застройщику, который будет являться приобретателем и который обязан исполнить обязательства после такой передачи. Приобретателем может быть Фонд, фонд субъекта РФ, а если они отказались от покупки (ввиду ее нецелесообразности), то иное юридическое лицо, отвечающее установленным законом требованиям.

Альтернативным механизмом является передача Фонду прав застройщика на земельный участок с находящимися на нем объектами (в том числе незавершенного строительства), предусмотренная ст. 201.15-2-2 специального Закона о долевом строительстве. В качестве встречного предоставления за передаваемое имущество Фонд осуществляет выплату возмещения участникам строительства (п. 3 названной статьи)[17], требования которых после уплаты в установленном законом порядке считаются погашенными (п. 28 данной статьи).

---

[17] Важно подчеркнуть, что в последних определениях Верховный Суд РФ отстаивает идею важности защиты участников строительства и императивности обязанности Фонда удовлетворить требования последних. Например, в определении от 09.03.2023 № 305-ЭС19-22493(38) по делу № А40-245757/2015 Суд указал, что Фонд олицетворяет собой добровольную помощь со стороны государства пострадавшим участникам строительства, а потому обязан оказывать ее независимо от того, претендуют ли гражданин на получение объекта недвижимости или расторг договор и желает получить денежные средства. В этом споре была решена проблема содержания обязанностей Фонда по отношению к тем участникам строительства, которые отказались от договора и которым застройщик обязан вернуть сумму уплаченных денежных средств. Аналогичная идея равенства прав участников была подчеркнута в определении Верховного Суда РФ от 16.02.2023 № 308-ЭС18-17191(5) по делу № А32-1070/2017 (СПС «КонсультантПлюс»). Подробнее об этих судебных делах и позиции относительно поведения Фонда см.: URL: https://t.me/Shokobear/1329, URL: https://t.me/Shokobear/1303 ; URL: https://zakon.ru/blog/2023/01/24/o_neobhodimosti_ravnogo_otnosheniya_ko_vsem_uchastnikam_stroitelstva_nezavisimo_ot_rastorzheniya_dog (дата обращения: 03.09.2024).

Также допускается передача объекта незавершенного строительства участникам строительства, если они на это согласны и создали для целей принятия такого имущества жилищно-строительный кооператив (п. 1 ст. 201.10 Закона о банкротстве). Тогда обязательства застройщика исполняются за счет передачи вновь созданному юридическому лицу объекта незавершенного строительства; далее ЖСК самостоятельно решает вопрос о поиске недостающего финансирования и завершения постройки.

Подобные способы разрешения проблемы видятся рациональными, в связи с чем открытым остается вопрос о причинах их использования исключительно в рамках судебной процедуры банкротства. Представляется более правильным допустить их применение на этапе до возбуждения конкурсного процесса, когда застройщик предвидит некоторые сложности и своевременно информирует об этом заинтересованных лиц с целью преодоления проблем за счет обращения к любому из обозначенных механизмов, равно как и не предусмотренному напрямую законом, но согласованному участниками соответствующих правоотношений.

Резюмируя вышеизложенное, следует сделать ряд ключевых выводов, которые хотел обосновать автор в рамках настоящего исследования.

Многие правовые возможности, закрепленные в Законе о банкротстве, следует применять на этапе до возбуждения дела о банкротстве. Застройщик, который испытывает финансовые трудности, должен иметь возможность воспользоваться предусмотренными законом гарантиями для преодоления кризиса и завершения строительства собственными силами.

Для этих целей законом должно быть разрешено применение всех перечисленных в работе способов вне рамок процесса несостоятельности. При наличии определенных условий подобные правила должны стать императивом, понуждающим третьих лиц к выгодному для застройщика поведению (имеется в виду, например, невозможность начисления штрафных санкций и законных процентов; удлинение сроков строительства без негативных последствий для застройщика и др.). Такое регулирование полагаем оправданным при наличии объективной возможности завершения строительства и ввода объекта в эксплуатацию, особенно с учетом того, что отчасти оно уже известно национальному правопорядку.

Не менее важным является осознание, что превентивная реабилитация застройщика будет эффективна только при одновременном воздействии и на иные сферы, связанные с областью строительства:

— предоставление необходимой поддержки кредитным и банковским организациям, которые взаимодействуют с застройщиками и участниками строительства;
— расширение перечня программ льготного кредитования в случае приобретения объектов недвижимости (особенно для целей проживания), установления более благоприятных режимов возврата кредита участниками строительства (так называемые кредитные каникулы, возможности отсрочки или рассрочки отдельных платежей, ограничения размера ответственности за нарушение сроков исполнения заемных обязательств);

— упрощение и ускорение административных процедур получения разрешительной документации без ухудшения качества возводимых построек.

Описанные способы реабилитации будут иметь положительный эффект только при совокупном их применении и работе одновременно во всех направлениях.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Левин А. А.* Страхование ответственности застройщиков и участников долевого устроительства: вопросы теории и судебной практики // Российский судья. — 2008. — № 3. — С. 16—18.
2. *Мельников В. В.* Воздействие санкций на строительную отрасль России: текущее состояние и перспективы отраслевого развития // Экономические и социально-гуманитарные исследования. — 2024. — № 1. — С. 39—51.
3. *Мечикова М. Н.* Влияние санкций и политики импортозамещения на строительную отрасль в России // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. — 2024. — № 1. — С. 104—109.
4. *Плешанова О.* Непроданные новостройки: проблема залога готовых квартир // Банковское кредитование. — 2024. — № 1.

Договорное право

Страхование товарно-материальных ценностей, находящихся в обороте, в плоскости судебной и деловой практики

Наталья Владимировна ВАСИЛЕНКО,
доцент кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент
nvvasilenko@msal.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Аннотация. *Увеличивается востребованность такого вида страхования, как страхование товарно-материальных ценностей (ТМЦ), находящихся в обороте. Это вызвано увеличением концентрации материальных ресурсов на складах и в распределительных центрах в связи с активизацией торговли через маркетплейсы и интернет-магазины и случаями крупных утрат ТМЦ. Значительные убытки, которые могут возникнуть у продавцов и посредников, стимулируют деловую практику заключать договоры страхования с особыми условиями в зависимости от цели страхования. Если целью страхования является защита имущественного интереса кредитора, то такие договоры предусматривают, как правило, условие о неснижаемом остатке заложенного товара. В случае заключения договора страхования с целью максимальной защиты интересов (по верхней или средней границе стоимости товаров в обороте) судебная и деловая практика при пробельности правового регулирования страховых отношений не имеет унифицированных позиций относительно ряда условий таких договоров: какие признаки предмета страхования необходимы и достаточны для его индивидуализации; как определить существенное условие договора, страховую сумму при изменчивости страховой стоимости товаров в обороте; наконец, какие правила необходимо применять при расчете страхового возмещения.*

Ключевые слова: *товарно-материальные ценности (товар) в обороте, залог товара в обороте, предмет страхования товаров в обороте, страховая стоимость, страховая сумма, страховая выплата*

DOI: 10.17803/2311-5998.2024.123.11.119-127

© Василенко Н. В., 2024

Natalia V. VASILENKO,
Associate professor of the Department of Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law), Associate professor
nvvasilenko@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Commodity-Material Values (Goods) in Current Turnover Insurance in the Field of Judicial and Business Practice

Abstract. The demand for this type of insurance, such as commodity-material values (goods) in turnover is increasing. This is caused by an increase in the concentration of material resources in warehouses and distribution centers due to the activation of trade through marketplaces and online stores and large cases of loss of goods. Significant losses that may arise from sellers and intermediaries encourage business practices to enter into insurance agreements with special conditions depending on the purpose of insurance. If the purpose of insurance is to protect the property interest of the creditor then such contracts usually provide for a condition on the non-reduced balance of the pledged goods. In the case of concluding an insurance agreement for the purpose of maximum protection of interests (at the upper or middle limit of the value of goods in turnover) judicial and business practice, given the lack of legal regulation of insurance relations, does not currently have unified positions regarding a number of conditions of such agreements: what features of the insured object are necessary and sufficient for its individualization; how to determine the essential condition of the agreement and the insurance amount if the insured value of goods in turnover is variable; and finally what rules should be applied when calculating the insurance indemnity.
Keywords: *commodity-material values (goods) in turnover, pledge of goods in turnover, subject of insurance of goods in turnover, insurance value, insurance sum, insurance payment*

Развитие электронной коммерции происходит стремительно. Постоянно растет число сделок, совершаемых на электронных площадках различных маркетплейсов и с использованием интернет-магазинов. В 2023 г. оборот электронной торговли в России вырос на 28 % по сравнению с 2022 г. и достиг 6,4 трлн руб. Доля онлайн-покупок от всего объема розничной торговли в Российской Федерации составила в 2023 г. 13,8 % вместо 11,6 % в 2022 г.[1] При этом большинство сделок (71 %) были заключены с использованием крупнейших площадок[2].

[1] Данные предоставлены медиахолдингу «РБК» Ассоциацией компаний интернет-торговли (АКИТ) (URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/12/02/2024/65c64b479a794726261d49f7 (дата обращения: 28.09.2024)).

[2] Вывод аналитического агентства Data dinsight по итогам маркетинговых исследований рынка интернет-торговли (URL: https://datainsight.ru (дата обращения: 28.09.2024)).

Процесс развития электронной торговли неизбежно сопровождается концентрацией товарно-материальных ценностей (ТМЦ), так как маркетплейсы не только «продвигают» магазины, товары, но и предоставляют услуги по складскому хранению товаров и доставке их клиентам. Есть две модели взаимодействия продавца с маркетплейсом:

— по *модели FBO* продавец доставляет товар в сортировочный центр и делегирует маркетплейсу доставку товара клиентам, прием платежей, обработку возвратов, а маркетплейс отвечает за сохранность товара на складе;
— по *модели FBS* продавец хранит товар самостоятельно и отвозит заказ в пункт выдачи. В Wildberries модель FBS предусматривает доставку продавцом товара после его заказа на сортировочный центр, а до пункта выдачи товар доставляет маркетплейс.

В связи с концентрацией товаров в распределительных пунктах и на складах повышается опасность утраты ТМЦ из-за различных обстоятельств: пожара, хищения, повреждения водой и др. За последние несколько лет известны случаи утраты ТМЦ на миллиарды рублей (пожар на складе Ozon в Истринском районе Подмосковья в августе 2022 г., пожар на складе Wildberries под Санкт-Петербургом в январе 2024 г.).

Бизнес-модель маркетплейсов взаимоувязана с интересами продавцов, поэтому маркетплейсы часто добровольно компенсируют стоимость утраченного товара, так как заинтересованы в сотрудничестве с селлерами (продавцами), хотя в офертах, размещенных на официальных сайтах Ozon и Wildberries, ответственность прописана невнятно.

Минимизировать убытки маркетплейсов и создать основу для скорейшего получения продавцами компенсации после каких-либо форс-мажорных обстоятельств позволяет страхование имущества — зданий, сооружений и, конечно, товарно-материальных ценностей. Такое страхование активно развивается. Страхование ТМЦ как «товара в обороте» не имеет четкой правовой регламентации и единообразной судебной практики. Имеются разнообразные подходы к определению предмета страхования, страховой суммы при изменчивости страховой стоимости, к применению пропорциональной системы исчисления страховой выплаты.

До активного развития электронной торговли риски утраты товара в обороте также имели место и защищались страхованием, но в большей степени тогда, когда товар находился в залоге вследствие кредитования продавца. В связи с наличием проблемных аспектов теории и практики такого страхования товар в обороте обычно страхуется на стоимость неисполненного кредитного обязательства. В. И. Серебровский писал: «При имущественном страховании страховая сумма предназначена для возмещения действительно понесенного ущерба. Ущерб этот может состоять как в полном уничтожении, так и в повреждении, уменьшении ценности входящих в состав застрахованного имущества предметов, вещей, прав требования и т.п.»[3].

Договоры страхования заложенного товара в обороте могут предусматривать условие об уменьшении страховой суммы, а также привязку страховой суммы

[3] *Серебровский В. И.* Избранные труды по наследственному и страховому праву. М., 1997. С. 399.

к остатку по кредиту. Изменение страховой суммы в период действия договора страхования суды признают допустимым[4]. Неполное страхование заложенного товара обычно содержит условие о неснижаемом остатке, которое обусловлено обязательством заемщика обеспечить наличие товарных запасов не ниже определенного банком-кредитором уровня. Такое условие дополнительно конкретизирует страховой риск: опасность, причинно-следственную связь и имущественный вред в определенном размере.

Размер ущерба по застрахованному неснижаемому остатку товаров определяется в размере разницы между неснижаемым остатком товаров и стоимостью не поврежденных (не утраченных) товаров, оставшихся после страхового события на территории страхования. Страховщик по таким договорам обязан осуществить страховую выплату, если стоимость фактически сохранившегося товара менее неснижаемого остатка ***в размере разницы.*** По одному из дел страхователь попытался оспорить отказ страховщика выплатить страховое возмещение при утрате ТМЦ. Суд указал, на то, что «установление неснижаемого остатка, соответствующего размеру залога, обеспечивает исполнение залогового обязательства. Так как размер оставшегося товарного запаса имеет превышение над неснижаемым остатком, обеспеченность кредитного обязательства не нарушается, а значит, заявленное событие не является страховым случаем, в связи с чем оснований для выплаты страхового возмещения не имеется»[5].

Сегодня сформировался общественный запрос на страхование товара в обороте *с максимальным покрытием убытков*. И вот здесь имеются проблемные аспекты, требующие теоретического осмысления и, возможно, нормативного изменения в связи с противоречивой судебной практикой.

1. Страхование товаров в обороте направлено на защиту имущественных интересов, связанных с сохранением имущества, которое может не иметь в период действия договора постоянного количества, ассортимента, страховой стоимости. Такое имущество может находиться на товарном складе (на элеваторе, в промышленном холодильнике) и предназначаться для реализации третьим лицам. Выявлены две наиболее значимые проблемы: излишняя детализация товара в договоре (указание артикулов, количества, ассортимента и др.) либо, наоборот, его неопределенность, что противоречит п. 1 ст. 942 ГК РФ.

---

[4] См., например: Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с добровольным страхованием имущества граждан (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.12.2017). П. 7 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 11 ; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2024 № 19 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества». П. 46 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. № 8.
Аналогичную позицию можно встретить для случаев, когда страховая сумма рассчитывается с учетом коэффициента индексации или амортизационного износа. См., например: определение Верховного Суда РФ от 18.12.2018 № 86-КГ18-9 ; определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 21.01.2021 по делу № 88-583/2021 ; постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 10.02.2020 № Ф04-7389/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

[5] Постановление ФАС Центрального округа 26.06.2018 по делу № Ф14-130392017 // СПС «КонсультантПлюс».

Излишняя детализация предмета страхования при наступлении страхового случая может повлечь неполное возмещение убытков из-за несоответствия в перечне товара на момент заключения договора и на момент реализации страхового риска[6].

Что касается степени определенности товара в обороте, то судебная практика придерживается использования родовых признаков товара. В 2003 г. была высказана позиция Высшего Арбитражного Суда РФ: «Отсутствие в договоре страхования точного перечня застрахованного имущества само по себе не может служить основанием для признания договора недействительным или незаключенным». В конкретном деле Суд указал, что «стороны согласовали родовые признаки, общую стоимость и местонахождение имущества. Совокупность этих признаков позволяет четко отграничить застрахованное имущество от незастрахованного и индивидуализировать его в момент наступления страхового случая...»[7].

Следует согласиться с данной позицией как наиболее компетентной. Именно в совокупности указанных признаков усматривается нивелирование риска признания договора страхования незаключенным. К сожалению, такая важная позиция не нашла закрепления в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2024 № 19 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества». В пункте 15 данного постановления указано только, что «исходя из положений пункта 4 статьи 421 ГК РФ условия договора определяются по усмотрению сторон договора страхования имущества, в связи с чем к условиям договора, помимо перечисленных в статье 942 ГК РФ, могут быть отнесены и другие условия (в частности, территория использования или место нахождения застрахованного имущества».

В договорах страхования товара в обороте территория страхования ограничивается местом нахождения имущества. А. Г. Архипова пишет: «...подобные ограничения часто встречаются в договорах страхования, а в некоторых случаях они необходимы (например, при страховании товаров в обороте застрахованными считаются товары, находящиеся на конкретном складе или в ином определенном месте)»[8]. Но встречаются также высказывания, где в понятие территории страхования вкладывается иной смысл: территория действия договора.

В судебной практике неоднократно рассматривались споры, связанные с ограничением действия страхования в ряде субъектов РФ[9]. В определении Верховного Суда РФ от 03.02.2015 № 32-КГ14-17 указывается, что «договор страхования, согласно которому территория страхования не включает ряд субъектов Российской Федерации, содержит условия дискриминационного характера...

---

[6] См., например: определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 22.01.2007 № 16246/06 по делу № А40-15555/06-60-164 // СПС «КонсультантПлюс».

[7] Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 28.11.2003 № 75 «Обзор практики рассмотрения споров, связанных с исполнением договоров страхования». П. 15 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2004. № 1.

[8] *Архипова А. Г.* Судебное вмешательство в договор страхования // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 9. С. 152.

[9] См., например: постановление АС Северо-Западного округа от 11.08.2014 по делу № А56-44820/2013. СПС «КонсультантПлюс».

Обязательства исполнителя [страховой] услуги по договору подлежат исполнению на всей территории Российской Федерации без каких-либо исключений»[10].

В редких случаях суды расширительно толкуют условия договора страхования имущества в обороте о предмете страхования. Так, в постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 30.01.2018 года № Ф04-5836/2017 по делу № А75-3283/2017 суд встал на сторону истца и включил в предмет страхования не только медикаменты и медицинские изделия, указанные в качестве родового признака в договоре страхования, но и иные товары, находящиеся на территории страхования.

2. Одной из наиболее значимых проблем в сфере страхования товаров в обороте с максимальным покрытием убытков является соотношение страховой суммы и страховой стоимости.

Один из родовых признаков — стоимость застрахованных товарно-материальных ценностей. Определение стоимости может осуществляться по максимальному или среднему объему ТМЦ, а также по неснижаемому остатку. Если предмет страхования определен родовыми признаками, страховщик, как правило, лишается возможности воспользоваться правом предстрахового осмотра и, соответственно, оценки страхового риска в порядке ст. 945 ГК РФ, а следовательно, возможности ее оспаривания. Суд отметил, что «по своей сути, такое условие следует считать потестативным (ст. 327.1 ГК РФ), т.е. полностью зависящим от воли страхователя и его контрагента (в вопросе определения цены за единицу товара)»[11].

Так как имущество, имеющееся у страхователя на момент заключения договора страхования ТМЦ, может не совпадать с тем, которое у него будет на момент наступления страхового случая, то может не совпадать и страховая стоимость, т.е. возможные убытки. Это величина переменная, однако она должна устанавливаться на день заключения договора страхования для определения страховой суммы, так как в соответствии с п. 2 ст. 947 ГК РФ страховая сумма не должна превышать страховую стоимость под угрозой недействительности договора в части превышения.

Применение указанного правила ограничивает в случае страхования товаров в обороте возможность максимальной защиты имущественного интереса страхователя и должно быть конкретизировано правом сторон заключать такие договоры с условием определения страховой суммы исходя из страховой стоимости *на момент наступления страхового случая*. При этом расчет страховой премии может осуществляться исходя из максимальной (прогнозируемой страхователем) или средней (определяемой сложившейся бизнес-практикой страхователя) стоимости товаров, загружаемых на склад с обязанностью перерасчета на момент наступления страхового события.

Пока действуют императивные ограничения по определению страховой стоимости и страховой суммы, стороны не могут решать вопрос более гибко и вынуждены постоянно заключать дополнительные соглашения и производить перерасчет страховой премии при увеличении ТМЦ.

---

[10] СПС «КонсультантПлюс».

[11] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 15.09.2020 по делу № А03-9848/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

За рубежом имеется позитивный опыт регулирования отношений по исполнению невалидированных договоров. В частности, в § 88 Закона о договоре страхования Германии предусматривается, что «если договором имущественного страхования не предусмотрено иное, страховой стоимостью считается сумма, которую страхователь должен потратить на момент наступления страхового случая на восстановление или замену застрахованной вещи в новом состоянии за вычетом получившейся разницы между старым и новым»[12].

В проекте концепции реформирования главы 48 ГК РФ выражено мнение о том, что стороны договора страхования «не должны быть лишены возможности согласовать различные варианты определения страховой стоимости... Решением данной проблемы стало бы закрепление в законе возможности устанавливать соглашением сторон порядок определения размера страховой суммы»[13].

3. В судебной практике постоянно рассматриваются споры относительно расчета страховой выплаты при утрате товаров в обороте. Динамика товарооборота может привести к тому, что на момент наступления страхового случая общая стоимость товаров в обороте может быть больше страховой суммы. Возникает вопрос: применяются ли в этом случае последствия неполного имущественного страхования в соответствии со ст. 949 ГК РФ, когда возмещению подлежит только часть убытков, пропорциональная соотношению страховой суммы и страховой стоимости.

По данному вопросу судебная практика противоречива. Согласно первой позиции, если страховая стоимость договором страхования не определена, ст. 949 ГК РФ не применяется, так как, исходя из смысла этой статьи, под неполным страхованием следует понимать соглашение, в котором страховая сумма установлена ниже страховой стоимости[14]. Вторая позиция противоположна и, если договором не установлен иной способ расчета страхового возмещения, считается необходимым применение пропорционального возмещения.

Согласно третьей позиции, отсутствие выраженной воли сторон в договоре страхования относительно какого-либо условия, которое может значительно ущемить страхователя в правах, препятствует применению такого условия, содержащегося в правилах страхования[15]. По мнению Ю. Б. Фогельсона, «страховщик ведет себя недобросовестно, если он использует имеющиеся у него фактические информационные, договорные преимущества и ограниченную рациональность страхователя для получения односторонних выгод за счет страхователя»[16].

---

[12] Gesetz über den Versicherungsvertrag (Versicherungsvertragsgesetz — VVG) от 23.11.2007 // URL: http://www.insure.travel/netcat_files/userfiles/laws/ versicherungsvertragsgesetz_ru.pdf (дата обращения: 03.02.2019).

[13] См. подробнее: проект Концепции реформирования главы 48 Гражданского кодекса Российской Федерации. П. 25 // URL: https://privlaw-journal.com/koncepciya-reformirovaniya-glavy-48-grazhdanskogo-kodeksa (дата обращения: 07.12.2019).

[14] Постановление ФАС Центрального округа от 18.10.2013 № Ф10-2947/13 по делу № Ф14-108352012 // СПС «КонсультантПлюс».

[15] См., например: определение Верховного Суда РФ от 01.09.2009 № 5-В09-83 // СПС «КонсультантПлюс».

[16] *Фогельсон Ю. Б.* Страховое право: теоретические основы и практика применения : монография. М. : Норма ; Инфра-М, 2012. С. 227.

Для преодоления правовой неопределенности стороны договора страхования иногда включают оговорку о пределе превышения страховой стоимости над страховой суммой, согласно которой, если на момент страхового события стоимость товаров будет больше страховой суммы, но не более определенной величины (допустим 33 %), то принцип пропорционального возмещения применяться не будет. Размер допустимого искажения может быть различным и должен определяться соглашением сторон.

При наличии спора о способе расчета страхового возмещения представляется наиболее верным подход судов, оценивающих условия договора страхования в совокупности. В одном из дел в договоре имелись взаимоисключающие условия о порядке расчета: его пункт 2.2 определял, что «если при наступлении страхового случая стоимость товарных запасов, находившихся на территории страхования будет более указанной страховой суммы, сумма страхового возмещения будет рассчитана пропорционально отношению страховой суммы к такой стоимости товарных запасов». В то же время пункт 2.7 прямо указывал на неприменимость положений о пропорциональной выплате: «положения о неполном имущественном страховании (статья 949 ГК РФ) и о пропорциональной выплате возмещения в случае, если страховая сумма погибшего (поврежденного) имущества ниже его действительной стоимости, не применяются».

Когда имеется расхождение условий страхования в Правилах страхования и страховом полисе (договоре), преимущество имеет условие, специально согласованное, перед типовым[17]. В таких случаях суды приходят к выводу, что сторонами не достигнуто соглашение о применении условия, соответствующего Правилам страхования, поэтому такое условие не может быть применимо[18]. Когда в одном договоре имеется условие типовое и явно дополнительно согласованное, представляется, что стороны отдельно согласовывали и обсуждали данный вопрос, в противном случае, п. 2.7 вообще бы не появился в тексте.

Однако этого явно недостаточно для вынесения обоснованного судебного решения. Как показывает практика, в таких спорных ситуациях необходимо учитывать соотношение *объема страховой услуги и ее стоимости*[19]. Смысл заключается в рассуждении о расчете и оплате страховой премии именно за ту страховую защиту, которую стороны согласовали[20]. Лучше всего данный подход сформулирован в постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 04.04.2016 № Ф09-1505/16, в котором суд указал: «Необходимо учитывать наличие у страхователя права выбора способа расчета убытков... волеизъявление

---

[17] Обзор практики по договорам добровольного страхования имущества (утв. 27.12.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 11.

[18] См., например: Апелляционное определение Свердловского областного суда от 20.09.2018 № 33-16025/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

[19] См., например: постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.05.2017 по делу № А40-149602/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

[20] Сходную аргументацию использовал Арбитражный суд Западно-Сибирского округа в постановлении от 16.07.2015 по делу № А45-21061/2014 «Условия страхования, от которых напрямую зависит и размер страховой премии страховщика, определены сторонами на основании волеизъявления самого истца».

страхователя при заключении и исполнении договора страхования, *экономическое соотношение условия о способе расчета убытков с порядком определения размера страховой премии* (курсив мой. — *Н. В.*)».

В рассматриваемом споре с противоречивыми условиями договора страхования п. 4.3 предусматривал обязанность страхователя производить перерасчет страховой премии при увеличении общего объема товарно-материальных ценностей согласно утвержденной формуле, что страхователем добросовестно исполнялось и о чем имелись документальные доказательства. Тем самым подтверждается оплата страховой услуги в размере полного риска утраты ТМЦ.

Представляется, что при этом условие о сроках оплаты дополнительных сумм страховой премии можно рассматривать в качестве применения нормы п. 2 ст. 957 ГК РФ, устанавливающей, что в договоре страхования может быть предусмотрен иной срок начала действия страхования (страховой защиты), чем уплата страховой премии. В связи с этим товарно-материальные ценности должны считаться застрахованными в полном объеме, даже если страховая премия на момент наступления страхового случая еще не поступила страховщику. В этом случае страховщик вправе при определении размера подлежащего выплате страхового возмещения зачесть сумму просроченного страхового взноса (п. 4 ст. 954 ГК РФ).

Таким образом, подводя итог, можно сделать вывод о значительных противоречивых тенденциях, сформировавшихся в судебной практике по спорам, связанным с договорами страхования товаров в обороте. Во многом это обусловлено пробельностью правового регулирования в условиях развития торговли через маркетплейсы или интернет-магазины. Требуется осмысление необходимости дополнения главы 48 ГК РФ нормой о страховании товаров в обороте.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Архипова А. Г.* Судебное вмешательство в договор страхования // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2017. — № 9. — С. 138—162.
2. *Серебровский В. И.* Избранные труды по наследственному и страховому праву. — М., 2003. — 556 с.
3. *Фогельсон Ю. Б.* Страховое право: теоретические основы и практика применения : монография. — М. : Норма ; Инфра-М, 2012. — 576 с.

Право интеллектуальной собственности

Депонирование объектов авторского права и его классификация

Иван Анатольевич БЛИЗНЕЦ,
заведующий кафедрой ИС Московского университета имени А. С. Грибоедова, академик РАЕН, академический директор НОЦ ИСЦЭ, доктор юридических наук, профессор
bliznets@mail.ru
111396, Россия, г. Москва, Зеленый просп., д. 66А

Роман Ринатович АХМЕТОВ,
патентный поверенный, управляющий партнер адвокатского бюро «Ахметов, Хозяйкин и Партнеры», соискатель Московского университета имени А. С. Грибоедова
rr.akhmetov@abakp.ru
111396, Россия, г. Москва, Зеленый просп., д. 66А

Аннотация. *Авторы статьи анализируют ситуацию с депонированием в условиях действующего законодательства, предлагают порядок классификации депонирования в условиях цифровых вызовов. Раскрывают особенность новых цифровых платформ (терминов) для организации работы по депонированию. Рассматривают существующие в науке понятия: цифровое депонирование, электронное депонирование, онлайн-депонирование, депонирование с использованием веб-платформ, веб-сайтов, веб-депозитариев, депонирование с помощью блокчейн-платформ, блокчейн-технологий, систем распределенного реестра, депонирование с использованием NFT-технологий. Предлагают для обсуждения следующие понятия: интернет-депонирование, блокчейн-депонирование, криптодепонирование, NFT-депонирование. Приводят в статье варианты классификации депонирования по таким основаниям, как степень конфиденциальности депонирования (которая предполагает наличие или отсутствие у депозитария определенных обязанностей в рамках правоотношений по депонированию), использование цифровых технологий при депонировании. Также предлагают варианты классификации цифрового депонирования (в зависимости от использования сети Интернет), интернет-депонирования (в зависимости от использования технологии блокчейн) и блокчейн-депонирования (в зависимости от использования технологии NFT и вида используемых блокчейн-платформ).*

Ключевые слова: *авторское право, депонирование, новые технологии, цифровое депонирование, онлайн-депонирование, интернет-депонирование, блокчейн-депонирование, криптодепонирование, NFT-депонирование*

DOI: 10.17803/2311-5998.2024.123.11.128-136

© Близнец И. А., Ахметов Р. Р., 2024

Ivan A. BLIZNETS,
Head of the Department of IP
Griboyedov Moscow University,
Academician of the Russian Academy of Natural Sciences,
Dr. Sci. (Law), Professor
bliznets@mail.ru
66A, Zelenyj-prosp., Moscow, Russia, 111396

Roman R. AKHMETOV,
Patent Attorney, Managing Partner of
«Akhmetov, Khoziadkin and Partners» Law Firm,
Postgraduate student of the Griboyedov Moscow University
rr.akhmetov@abakp.ru
66A, Zelenyj-prosp., Moscow, Russia, 111396

The Deposit of Copyright Objects and its Classification

Abstract. *The authors of the article analyze the situation with depositing in the current legislation, propose a procedure for classifying depositing in the context of digital challenges. They reveal the peculiarity of new digital platforms (terms) for the organization of deposit work. They consider the terms existing in science: digital depositing, electronic depositing, online depositing, depositing using web platforms, websites, web depositories, depositing using blockchain platforms, blockchain technologies, distributed registry systems, depositing using NFT technologies. The following terms are proposed for discussion: internet depositing, blockchain depositing, cryptodepositing, NFT depositing. The article provides options for classifying depositing on such grounds as the degree of confidentiality of the depositing (which assumes that the depositary has or does not have certain obligations within the framework of legal relations on depositing), the use of digital technologies during depositing. They also offer classification options for digital depositing (depending on the use of the Internet), Internet depositing (depending on the use of blockchain technology) and blockchain depositing (depending on the use of NFT technology and the type of blockchain platforms used).*

Keywords: *copyright, depositing, new technologies, digital depositing, online-depositing, internet-depositing, blockchain-depositing, cryptodepositing, NFT-depositing*

На протяжении уже более двух десятков лет на различных площадках активно ведется дискуссия о роли депонирования объектов авторского права и смежных прав. Чаще всего авторы статей, участники конференций по проблемам авторского права задаются вопросами: насколько важна система депонирования объектов авторского права для их защиты, в каком формате депонирование может быть и необходимо ли законодательно закрепить его. Не

отстают и суды, периодически принимая решения о роли депонирования в факте доказывания права авторства.

Позволим себе высказать мысль, что в отсутствие необходимости соблюдения формальностей для возникновения авторских прав на практике и авторы, и правообладатели встречаются со сложностями при доказывании своей причастности к акту творения и его результатам. Особенно остра эта проблема в эпоху развития Интернета и новых технологий. Именно новые технологии, переход на «цифру» значительно расширили возможности для решения задач по депонированию и регистрации созданных объектов в результате творческой деятельности человека.

Можно констатировать, что до недавнего времени в науке вопросы правовой оценки депонирования, анализ его технических аспектов с точки зрения юридического значения, вопросы терминологии носили фрагментарный и несистемный характер. Так, исследователями понятие депонирования использовалось применительно к современным технологиям в следующих словосочетаниях:

— цифровое депонирование[1];
— электронное депонирование[2];
— онлайн-депонирование[3];
— депонирование с использованием веб-платформ, веб-сайтов, веб-депозитариев[4];

---

[1] См.: *Гоц Е. В.*, *Близнец И. А.* Развитие цифровой экосистемы авторского права и смежных прав: вымысел или реальность // Юрист. 2021. № 9. С. 12—18.

[2] См.: *Близнец И. А.* Регистрация и депонирование прав — проект Российского профессорского собрания // Российская юстиция. 2020. № 8. С. 39—42 ; *Торосян Э. С.* Современные проблемы охраны произведений авторского права в цифровую эпоху // Юрист. 2022. № 10. С. 42—47 ; *Рузакова О. А.*, *Гринь Е. С.* Применение технологии blockchain к систематизации результатов интеллектуальной деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 4. С. 508—520 ; Методические рекомендации по отнесению архивных документов к объектам авторского и смежных прав, доступу и порядку использования таких документов (разработаны ВНИИДАД) // URL.: http://archives.gov.ru/documents/methodics/2018-metod-rekomendacii-avtorskoe-pravo.shtml?ysclid=lyyce5b98c720616322 (дата обращения: 23.07.2024).

[3] Приказ Роспотребнадзора от 24.04.2023 № 224 «О реализации постановления Правительства Российской Федерации от 2 декабря 2021 года № 2178 в части передачи в федеральную государственную информационную систему сведений санитарно-эпидемиологического характера данных расшифровки генома возбудителей инфекционных и паразитарных заболеваний» ; *Шичанин А. В.*, *Гривков О. Д.* Некоторые вопросы правовой защиты авторских и личных неимущественных прав в сети Интернет // Право и экономика. 2021. № 8. С. 58—63 ; *Зыричев А. Н.*, *Зворыкин И. Э.*, *Дьяченко О. Г.* Об интеллектуальной собственности и ее охраноспособности // ИС. Авторское право и смежные права. 2018. № 8. С. 5—18.

[4] См.: *Гончаров А. И.*, *Иншакова А. О.*, *Матыцин Д. Е.* Имплементация цифровых технологий в правовое регулирование оборота результатов интеллектуальной деятельности и совершенствование защиты прав их авторов // Юрист. 2022. № 2. С. 15—28 ; *Мирских И. Ю.*, *Мингалева Ж. А.* К вопросу о правовом регулировании информации в усло-

— депонирование с помощью блокчейн-платформ, блокчейн-технологий, систем распределенного реестра[5];
— депонирование с использованием NFT-технологий[6].

Авторами настоящей статьи после анализа понятий в указанной сфере предпринята попытка создания системы терминов, более точно отражающих суть явлений и их соотношение[7]. В дополнение к употребляемым понятиям, а иногда

виях информационной экономики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 4. С. 430—445 ; *Зыричев А. Н.*, *Зворыкин И. Э.*, *Дьяченко О. Г.* Указ. соч. ; *Ловцов Д. А.*, *Галахова А. Е.* Защита интеллектуальной собственности в сети Интернет // Информационное право. 2011. № 4. С. 13—20.

[5] См. *Гоц Е. В.*, *Близнец И. А.* Указ. соч. ; *Близнец И. А.*, *Кадовбенко В. Д.* Создание единого реестра авторских и смежных прав и его влияние на решение вопросов наследования // Наследственное право. 2021. № 1. С. 35—38 ; *Близнец И. А.* Регистрация и депонирование прав — проект Российского профессорского собрания ; *Близнец И. А.* Регистрация авторских прав. Как защитить и доказать авторство? // ИС. Авторское право и смежные права. 2020. № 6. С. 5—10 ; *Семенов А. В.* Удивительные приключения регистрации в интеллектуальном праве // Закон. 2023. № 2. С. 80—95 ; *Торосян Э. С.* Указ. соч. ; *Воробьев Н. С.* Интеллектуальная собственность в цифровую эпоху: проблемы международно-правового и национального регулирования // Журнал российского права. 2022. № 7. С. 137—146 ; *Гончаров А. И.*, *Иншакова А. О.*, *Матыцин Д. Е.* Указ. соч. ; *Фролов П. П.* Депонирование как ключ к решению проблемы авторства музыкальных произведений // Право и бизнес. 2021. № 4. С. 52—55 ; *Москаленко А. И.* Биткоин, технологии блокчейн и развитие интеллектуальной собственности в сети Интернет // Международное публичное и частное право. 2021. № 5. С. 17—20 ; *Сальникова А. В.* Технология блокчейн как инструмент защиты авторских прав // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 4. С. 83—90 ; *Новоселова Л. А.* Об активных системах учета интеллектуальных прав // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. 2018. № 1. С. 268—277 ; *Харитонова Ю. С.* Правовое значение фиксации интеллектуального права с помощью технологии распределенных реестров // Право и экономика. 2018. № 1. С. 15—21 ; *Гринь Е. С.* Реестры сложных объектов интеллектуальных прав (на примере аудиовизуальных произведений) // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 8. С. 99—105.

[6] См.: *Будылин С. Л.* Криптоактивы: роль в гражданском обороте и правовая природа // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 5. С. 74—115 ; *Гринь Е. С.* Разновидности сложных объектов интеллектуальных прав: вопросы судебной практики // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 9. С. 112—118 ; *Шахназаров Б. А.* NFT как способ фиксации имущественных и личных неимущественных прав в условиях цифровизации общества // Право и цифровая экономика. 2022. № 3. С. 12—21 ; *Ягубян А. В.* Авторское право на NFT, или Проблемы цифровых активов в Российской Федерации // Хозяйство и право. 2022. № 2. С. 84—90 ; *Чурилов А. Ю.* Правовое регулирование оборота невзаимозаменяемых токенов: проблемы и перспективы // Хозяйство и право. 2022. № 1. С. 64—75 ; *Харитонова Ю. С.* Токенизация искусства и право интеллектуальной собственности // Юрист. 2021. № 9. С. 65—73.

[7] См.: *Близнец И. А.* Депонирование в условиях цифровых технологий: «за» и «против» : монография. М., 2024.

и как альтернатива им, сформулированы следующие понятия: интернет-депонирование, блокчейн-депонирование, NFT-депонирование, криптодепонирование[8].

Цифровое депонирование предполагает депонирование, в процессе которого используются цифровые технологии. При этом объект интеллектуальной собственности, изначально выраженный в традиционной форме после создания его цифрового образа, может быть задепонирован с использованием цифровых технологий. Цифровое депонирование может быть произведено и с использованием сети Интернет.

Есть основания полагать, что электронное депонирование представляет собой синоним цифрового депонирования и совпадает с ним по объему и содержанию. Аналогично цифровому депонированию электронное может иметь место и с использованием сети Интернет.

Онлайн-депонирование и депонирование с использованием веб-платформ, веб-сайтов, веб-депозитариев всегда осуществляются с использованием сети Интернет. Такие разновидности депонирования предлагается именовать интернет-депонированием. При этом интернет-депонирование всегда является цифровым депонированием, тогда как не всякое цифровое депонирование является интернет-депонированием.

Разновидностью интернет-депонирования является депонирование с помощью технологии блокчейн. Предлагается именовать такую разновидность блокчейн-депонированием, которое, в свою очередь, предоставляет возможности депонирования:

— с использованием NFT-технологии, которое предлагается называть NFT-депонированием;
— без использования NFT-технологии. В этом случае возможны два варианта депонирования: с предоставлением публичного доступа к объекту депонирования и без такового; последний вариант предлагается именовать криптодепонированием.

Криптодепонирование (от греч. Kryptos — тайный, скрытый; лат. Dēpōnō — кладу, оставляю»), т.е. «тайное хранение», представляет собой механизм хеширования (кодирования) депонируемого объекта с последующей записью хеша на блокчейн-платформу и возможностью дальнейшего сравнения проверяемого и первоначального файлов[9]. Ни сервис, который предоставляет услугу, ни блокчейн-платформа, на которой размещается только хеш, не имеют доступа к содержанию и параметрам файла. Публичным является только хеш депонируемого файла. Возможности обратного вычисления, т.е. воссоздания файла из его хеша, не существует.

Создание NFT имеет основной целью возникновение цифрового актива и предполагает использование блокчейн-платформы[10]. Как указывает Б. А. Шахна-

---

[8] См.: *Ахметов Р. Р.* Криптодепонирование: понятие, признаки, значение // Интеллектуальные права в цифровую эпоху: избранные аспекты. Вып. 19 / рук. и науч. ред. М. А. Рожкова. М., 2023. С. 371—380.

[9] См.: *Ахметов Р. Р.* Указ. соч.

[10] См.: *Какаулина М. О.*, *Ильянов Д. С.* Невзаимозаменяемые токены: технический аспект работы, ограничения и перспективы развития // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 9. С. 38—45.

заров, «у NFT имеется большой потенциал использования для целей фиксации гражданских прав, и в частности интеллектуальных прав, включая имущественные (исключительные) и личные неимущественные права»[11]. Ю. С. Харитонова отмечает, что «фиксация информации о владельце NFT позволяет опубличить факт принадлежности актива конкретному лицу»[12].

Учитывая, что при создании NFT-депонируемого объекта его содержание раскрывается и в результате размещения на блокчейн-платформе становится общедоступным, нельзя говорить о конфиденциальности, и в таком контексте NFT-депонирование и криптодепонирование являются непересекающимися соподчиненными понятиями.

В развитие указанных предложений в настоящей статье сформулированы варианты классификации депонирования и отдельных его видов по ряду оснований:

1. Степень конфиденциальности депонирования, которая предполагает наличие или отсутствие у депозитария определенных обязанностей в рамках правоотношений по депонированию.

По данному основанию можно выделить:

— классическое депонирование (объект хранится только у депонента и депозитария; наличие у депозитария обязанности обеспечить хранение экземпляра депонируемого объекта);
— конфиденциальное (доступ — только у депонента; у депозитария хранится код или хеш объекта, что позволяет при необходимости подтвердить авторство, предоставив объект, при повторном шифровании которого получится тот же самый код или хеш; наличие у депозитария обязанности хранить или обеспечить хранение хеша (кода) объекта; отсутствие у депозитария обязанности хранить объект и обязанности предоставить объект депонирования по запросу депонента или иных лиц ввиду отсутствия у него технической возможности доступа к объекту);
— публичное или общедоступное[13] (депонирование, предполагающее возможность ознакомления с объектом любых лиц; наличие у депозитария обязанности обеспечить публичный доступ к объекту).

Здесь необходимо отметить, что конфиденциальное депонирование включает в себя криптодепонирование, но не сводится к нему, так как может быть осуществлено не только с использованием технологии блокчейн.

2. В зависимости от использования цифровых технологий при депонировании можно выделить:

— классическое депонирование, не предполагающее использование цифровых технологий (физическое хранение депозитарием экземпляра произведения, например);
— цифровое депонирование (хранение объекта с использованием цифровых технологий);

[11] *Шахназаров Б. А.* Указ. соч.

[12] *Харитонова Ю. С.* Токенизация искусства и право интеллектуальной собственности.

[13] См.: Заключение Палаты по патентным спорам от 10.07.2020 (Приложение к решению Роспатента от 13.08.2020 по заявке № 2018121600/07).

— смешанное (физическое хранение носителя информации, на котором содержится объект в оцифрованном виде).

3. В зависимости от использования сети Интернет цифровое депонирование можно подразделить:

— на локальное депонирование (депонирование без использования сети Интернет);
— интернет-депонирование.

4. В зависимости от использования технологии блокчейн интерне-депонирование может представлять собой:

— блокчейн-депонирование;
— интернет-депонирование без использования технологии блокчейн (например хранение объекта депонирования в специальных хранилищах файлов).

5. В зависимости от использования технологии создания NFT блокчейн-депонирование можно подразделить на:

— NFT-депонирование (депонирование путем создания NFT депонируемого объекта);
— депонирование, не сопровождающееся созданием NFT депонируемого объекта.

6. В зависимости от вида блокчейн-платформы блокчейн-депонирование можно подразделить:

— на депонирование с использованием открытой (публичной) блокчейн-платформы;
— депонирование с использованием закрытой (частной) блокчейн-платформы.

Конечно же, мы не претендуем на истину в предлагаемой классификации, но уверены, что такой подход позволит более осмысленно посмотреть на проблему депонирования, а может быть, и сподвигнет на решение о законодательном регулировании регистрации и депонирования объектов авторского права и смежных прав.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Ахметов Р. Р.* Криптодепонирование: понятие, признаки, значение // Интеллектуальные права в цифровую эпоху: избранные аспекты. — Вып. 19 / рук. и науч. ред. М. А. Рожкова. — М., 2023. — С. 371—380.
2. *Близнец И. А.* Депонирование в условиях цифровых технологий: «за» и «против» : монография. — М., 2024. — 96 с.
3. *Близнец И. А.* Регистрация авторских прав. Как защитить и доказать авторство? // ИС. Авторское право и смежные права. — 2020. — № 6. — С. 5—10.
4. *Близнец И. А.* Регистрация и депонирование прав — проект Российского профессорского собрания // Российская юстиция. — 2020. — № 8. — С. 39—42.
5. *Близнец И. А., Кадовбенко В. Д.* Создание единого реестра авторских и смежных прав и его влияние на решение вопросов наследования // Наследственное право. — 2021. — № 1. — С. 35—38.

6. *Будылин С. Л.* Криптоактивы: роль в гражданском обороте и правовая природа // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2023. — № 5. — С. 74—115.
7. *Воробьев Н. С.* Интеллектуальная собственность в цифровую эпоху: проблемы международно-правового и национального регулирования // Журнал российского права. — 2022. — № 7. — С. 137—146.
8. *Гончаров А. И., Иншакова А. О., Матыцин Д. Е.* Имплементация цифровых технологий в правовое регулирование оборота результатов интеллектуальной деятельности и совершенствование защиты прав их авторов // Юрист. — 2022. — № 2. — С. 15—28.
9. *Гоц Е. В., Близнец И. А.* Развитие цифровой экосистемы авторского права и смежных прав: вымысел или реальность // Юрист. — 2021. — № 9. — С. 12—18.
10. *Гринь Е. С.* Разновидности сложных объектов интеллектуальных прав: вопросы судебной практики // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — № 9. — С. 112—118.
11. *Гринь Е. С.* Реестры сложных объектов интеллектуальных прав (на примере аудиовизуальных произведений) // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 8. — С. 99—105.
12. *Зыричев А. Н., Зворыкин И. Э., Дьяченко О. Г.* Об интеллектуальной собственности и ее охраноспособности // ИС. Авторское право и смежные права. — 2018. — № 8. — С. 5—18.
13. *Какаулина М. О., Ильянов Д. С.* Невзаимозаменяемые токены: технический аспект работы, ограничения и перспективы развития // Государственная власть и местное самоуправление. — 2022. — № 9. — С. 38—45.
14. *Ловцов Д. А., Галахова А. Е.* Защита интеллектуальной собственности в сети Интернет // Информационное право. — 2011. — № 4. — С. 13—20.
15. *Мирских И. Ю., Мингалева Ж. А.* К вопросу о правовом регулировании информации в условиях информационной экономики // Вестник Пермского университета. — Юридические науки. — 2017. — № 4. — С. 430—445.
16. *Москаленко А. И.* Биткоин, технологии блокчейн и развитие интеллектуальной собственности в сети Интернет // Международное публичное и частное право. — 2021. — № 5. — С. 17—20.
17. *Новоселова Л. А.* Об активных системах учета интеллектуальных прав // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. — 2018. — № 1. — С. 268—277.
18. *Рузакова О. А., Гринь Е. С.* Применение технологии blockchain к систематизации результатов интеллектуальной деятельности // Вестник Пермского университета. — Юридические науки. — 2017. — № 4. — С. 508—520.
19. *Сальникова А. В.* Технология блокчейн как инструмент защиты авторских прав // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — № 4. — С. 83—90.
20. *Семенов А. В.* Удивительные приключения регистрации в интеллектуальном праве // Закон. — 2023. — № 2. — С. 80—95.
21. *Торосян Э. С.* Современные проблемы охраны произведений авторского права в цифровую эпоху // Юрист. — 2022. — № 10. — С. 42—47.

22. *Фролов П. П.* Депонирование как ключ к решению проблемы авторства музыкальных произведений // Право и бизнес. — 2021. — № 4. — С. 52—55.
23. *Харитонова Ю. С.* Правовое значение фиксации интеллектуального права с помощью технологии распределенных реестров // Право и экономика. — 2018. — № 1. — С. 15—21.
24. *Харитонова Ю. С.* Токенизация искусства и право интеллектуальной собственности // Юрист. — 2021. — № 9. — С. 65—73.
25. *Чурилов А. Ю.* Правовое регулирование оборота невзаимозаменяемых токенов: проблемы и перспективы // Хозяйство и право. — 2022. — № 1. — С. 64—75.
26. *Шахназаров Б. А.* NFT как способ фиксации имущественных и личных неимущественных прав в условиях цифровизации общества // Право и цифровая экономика. — 2022. — № 3. — С. 12—21.
27. *Шичанин А. В., Гривков О. Д.* Некоторые вопросы правовой защиты авторских и личных неимущественных прав в сети Интернет // Право и экономика. — 2021. — № 8. — С. 58—63.
28. *Шостак И. В.* Особенности правового регулирования и защиты прав на фотографические произведения // ИС. Авторское право и смежные права. — 2016. — № 8. — С. 53—60.
29. *Ягубян А. В.* Авторское право на NFT, или Проблемы цифровых активов в Российской Федерации // Хозяйство и право. — 2022. — № 2. — С. 84—90.

Разработка положений международного договора Всемирной организации интеллектуальной собственности о вещательных организациях в дискурсе искусственных нейронных сетей

Анжелика Владимировна УСТИНОВА,
преподаватель кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук
anzhelika-ustinova@list.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Аннотация. *В настоящее время постиндустриальное общество невозможно себе представить без информационных ресурсов, одним из источников которых выступает вещание. В свете стремительного развития технологий правовое регулирование данного явления на международном уровне значительно отстает, поскольку не обеспечивается надлежащая охрана прав вещательных организаций в отдельных вещательных средах. Начиная с 1998 г. до настоящего момента на площадке Постоянного комитета по авторскому праву и смежным правам Всемирной организации интеллектуальной собственности обсуждают предложения по обновлению соответствующего правового режима вещателей. В статье анализируются последние варианты проекта международного договора в сфере вещания на предмет возможности логического завершения переговорного процесса в виде принятия нового международного договора о вещательных организациях. Автором предпринята попытка использования последних достижений информационно-коммуникационных технологий для подготовки текста данного документа.*

Ключевые слова: *смежные права, вещание, Интернет, Всемирная организация интеллектуальной собственности, искусственные нейронные сети*

DOI: 10.17803/2311-5998.2024.123.11.137-143

Angelika V. USTINOVA,
Lecturer of the Department of Civil Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Law)
anzhelika-ustinova@list.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Development of the Provisions of the International Treaty of the World Intellectual Property Organization on Broadcasting Organizations in the Discourse of Artificial Neural Networks

Abstract. *Currently, it is impossible to imagine a post-industrial society without information resources, one of the sources of which is broadcasting. In light of the rapid development of technologies, legal regulation of this phenomenon at the international level lags significantly behind, since the rights*

© Устинова А. В., 2024

of broadcasting organizations in certain broadcasting environments are not adequately protected. Since 1998 to the present day, the Standing Committee on Copyright and Related Rights of the World Intellectual Property Organization has been discussing proposals to update the relevant legal regime for broadcasters. The article analyzes the latest versions of the draft international treaty in the field of broadcasting for the possibility of a logical conclusion of the negotiation process in the form of adopting a new international treaty on broadcasting organizations. The author attempts to use the latest achievements of information and communication technologies to prepare the text of this document.
Keywords: *related rights, broadcasting, Internet, World Intellectual Property Organization, artificial neural networks*

Согласно статистическим данным, численность пользователей сети Интернет в 2023 г. составила 5,4 млрд человек, что почти на 2 % больше по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. Подобный существенный рост числа веб-аудитории в мировом масштабе отмечается ежегодно и, как представляется, с большой вероятностью будет наблюдаться в дальнейшем. Интерес пользователей к цифровым сетям обусловливается различными факторами, такими как потребность в обучении, общении, развлечениях, информации, которая может сегодня предоставляться посредством искусственных нейронных сетей, и т.д. Однако в то же время в настоящий момент цифровые сети являются ярким и наглядным примером среды, изобилующей различного рода нарушениями.

Интернет является одной из площадок, одним из типов вещания, наряду с наземным, спутниковым, кабельным вещанием, в рамках которых распространяются различные телерадиопрограммы, соотносимые с расширением круга потребностей аудитории. Указанные типы вещания объединяет одна общая проблема, связанная с пиратством вещательного контента, сложностями пресечения подобного явления на международном уровне. Одновременно на фоне технологического развития требуют скорейшей мобилизации ресурсов для устранения подобных пробелов международно-правовой охраны вещания. Речь прежде всего идет о Международной конвенции об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций от 26 октября 1961 г. (далее — Римская конвенция), Конвенции о распространении несущих программы сигналов, передаваемых через спутники, от 21 мая 1974 г. (далее — Брюссельская конвенция), Соглашении по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) от 15 апреля 1994 г. (далее — Соглашение ТРИПС).

На подобный негативный аспект вещательной отрасли обращено пристальное внимание на международном уровне, и вопросы охраны прав организаций вещательной отрасли предметно обсуждаются в течение 25 лет в рамках Постоянного комитета по авторскому праву и смежным правам Всемирной организацией интеллектуальной собственности (далее — ПКАП ВОИС). Подобный антирекорд включения вопроса в повестку дня ПКАП ВОИС, не сопровождающегося принятием итогового международного акта, объясняется разными причинами,

на которые в ходе дискуссий указывают эксперты практически на каждой сессии. Вместе с тем в результате предметной и постоянной работы ПКАП ВОИС заметен существенный прогресс, результатом которого на данный момент можно считать проект договора ВОИС о вещательных организациях, представленный в Женеве для рассмотрения на 45-й сессии ПКАП ВОИС (далее — проект договора SCCR/45/3)[1] с 15 по 19 апреля 2024 г. В его основу положен текст третьего одноименного проекта договора[2], подготовленного к 44-й сессии ПКАП ВОИС с учетом высказанных замечаний и предложений[3].

Проект договора SCCR/45/3 включает три части: преамбулу, общие положения и основные положения. Как и ранее разработанные документы, рассматриваемый проект не содержит административных и заключительных положений. Данное обстоятельство, а также высказанные в ходе обсуждений позиции различных правительственных и неправительственных делегаций[4] свидетельствуют, что проект вновь требует доработки.

Первое, на что следует обратить внимание, — это наименование будущего документа, которое говорит само за себя: договор ВОИС о вещательных организациях. В отличие от Римской конвенции, Брюссельской конвенции[5] или Соглашения ТРИПС, здесь акцент сделан не на объекте охраны или правах, а на субъектах интеллектуальных прав. Цель этого, как представляется, состоит в упрощении

---

1 Проект договора ВОИС о вещательных организациях. Документ SCCR/45/3 // URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/copyright/ru/sccr_45/sccr_45_3.pdf (дата обращения: 1 сентября 2024 г.).

2 Третий пересмотренный проект текста договора ВОИС о вещательных организациях. Документ SCCR/44/3 // URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/copyright/ru/sccr_44/sccr_44_3.pdf (дата обращения: 1 сентября 2024 г.).

3 Об анализе предыдущих проектов договоров о вещательных организациях см.: *Устинова А. В.* Разработка положений о гражданско-правовой охране сетевого вещания в рамках Постоянного комитета по авторскому праву и смежным правам Всемирной организации интеллектуальной собственности // International Law Journal. 2022. Т. 5. № 7. С. 223—228.

4 Резюме Председателя по итогам 45-й сессии ПКАП ВОИС. Документ SCCR/45/Summary // URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/copyright/ru/sccr_45/sccr_45_summary_by_the_chair.pdf (дата обращения: 1 сентября 2024 г.).
О необходимости пересмотра проекта указано также в отчете 57-й (31-й внеочередной) сессии Генеральной Ассамблеи ВОИС. Документ WO/GA/57/12 PROV // URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/govbody/ru/wo_ga_57/wo_ga_57_12_prov.pdf (дата обращения: 1 сентября 2024 г.).

5 Интересно заметить, что статья 1 рассматриваемого проекта договора SCCR/45/3 относит Брюссельскую конвенцию к числу договоров в сфере интеллектуальной собственности («охрана, предоставляемая по настоящему Договору, не затрагивает и никоим образом не влияет на охрану... смежных прав на другие охраняемые объекты по... Конвенции о распространении несущих программы сигналов, передаваемых через спутники, подписанной в Брюсселе 21 мая 1974 года...»). О дискуссии правовой природы Брюссельской конвенции см. подробнее: *Устинова А. В.* Гражданско-правовая охрана интернет-вещания: монография ; отв. ред. А. Г. Матвеев. М. : Юстицинформ, 2024. С. 26—32.

понимания сферы действия договора, она свидетельствует о смещении ранее расставленных акцентов будущего соглашения, относительно которых содержательного единообразия среди делегаций до настоящего времени не достигнуто. Развивая последний тезис, целесообразно разделить представленные в ПКАП ВОИС правительственные и неправительственные делегации на три группы в зависимости от прогрессивности высказываемых предложений и позиции по будущему договору в сфере вещания.

Первую группу образуют делегации, выступающие за включение в проект договора о вещательных организациях положений, обеспечивающих наиболее благоприятное осуществление интеллектуальных прав организаций вещания в соотнесении с динамическим технологическим уровнем развития. К числу подобных участников дискуссий, учитывающих будущие вызовы, можно отнести делегацию Европейского союза[6], Республику Молдову, Российскую Федерацию и др.[7] Так, определение подобного благоприятного правового режима можно связать с предлагаемыми способами использования охраняемого объекта прав вещательных организаций[8].

В соответствии с п. «а» ст. 2 проекта договора SCCR/45/3 под вещательной организацией понимается «юридическое лицо, которое инициирует и несет редакционную ответственность за публичную трансляцию любыми средствами несущего программу сигнала, включая монтаж и составление сетки вещания программ, переносимых сигналом»[9]. Подобная дефиниция значительно отличается от предлагаемых ранее в части видов осуществления вещателями передачи в эфир[10].

В соответствии с предлагаемым проектом ставшая на текущий момент технологически нейтральной публичная трансляция несущего программу сигнала охватывает систему передачи сигнала в рамках классических (наземное, спутниковое, кабельное) и современных (IPTV, интернет-вещание) типов вещания. Вместе с

---

[6] Заметим, что в государствах — членах Европейского союза также предусматривается высокий уровень охраны интеллектуальных прав организаций вещания в различных типах вещания.

[7] См. подробнее: отчет 57-й (31-й внеочередной) сессии Генеральной Ассамблеи ВОИС. Документ WO/GA/57/12 PROV // URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/govbody/ru/wo_ga_57/wo_ga_57_12_prov.pdf (дата обращения: 1 сентября 2024 г.).

[8] Следует иметь в виду, что предложения высказывались и высказываются и на иных дискуссионных площадках, проводимых под эгидой ВОИС, а также в литературе. См., например: *Близнец И. А.* Развитие охраны прав вещательных организаций. Новый договор — необходимость и реальность // Юридический мир. 2020. № 8. С. 34—43 ; *Бузова Н. В.* Международно-правовое регулирование отношений, связанных с объектами смежных прав: современное состояние и перспективы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 3. С. 5—167 ; *Устинова А. В.* Гражданско-правовая охрана интернет-вещания.

[9] Проект договора ВОИС о вещательных организациях. Документ SCCR/45/3.

[10] См., например: Пересмотренный сводный текст, касающийся определений, объекта охраны, предоставляемых прав и других вопросов. Документ SCCR/39/7 // URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/copyright/ru/sccr_39/sccr_39_7.pdf (дата обращения: 1 сентября 2024 г.).

тем председатель ПКАП ВОИС предположил, что «для достижения более широкого согласия» можно ограничить сферу действия будущего договора, исключив трансляции программ исключительно по компьютерной сети[11].

Безусловно, в случае реализации на международной площадке данного сценария, с одной стороны, это негативно скажется на практике применения и развитии института сетевого вещания, технически не предполагающего никаких территориальных границ в силу глобальности сети Интернет, а с другой — существенно затормозится прогресс в вещательной отрасли в целом. При этом в будущем все равно потребуется внесение существенных изменений в международно-правовую базу в части трансляций в современных типах вещания. Отмечу, что обращение к тексту ст. 6 проекта договора SCCR/45/3 позволяет государствам исключить из сферы действия будущего договора право вещателей разрешать неодновременную и почти неодновременную ретрансляцию программонесущих сигналов посредством компьютерных сетей с помощью соответствующей оговорки.

Собственно, правительственные и неправительственные делегации, выступающие за сохранение в проекте договора о вещательных организациях классического представления о вещании в сфере интеллектуальной собственности, и составляют вторую группу. Помимо указанного ограничения сферы вещания, на базе постулирования в 2007 г. выводов Генеральной Ассамблеей ВОИС[12] представители США негативно высказываются относительно закрепления в тексте будущего договора исключительных прав на фиксацию, трансляцию сохраненных вещательных программ, а также неодновременную ретрансляцию.

Иными словами, с позиции делегаций данной группы, положения договора ВОИС об организациях вещания должны иметь в качестве основной своей цели лишь противодействие пиратству сигналов, несущих программу. Очевидно, что данное утверждение небесспорно, поскольку наделение вещательных организаций исключительными правами в той или иной мере призвано пресекать пиратство и недобросовестную конкуренцию со стороны третьих лиц, о чем указано также в пояснениях к соответствующим статьям договора[13].

Кроме того, отрицание предоставления организациям вещания интеллектуальных прав непосредственно со стороны США связано с наличием в их правовой системе альтернативных механизмов, обеспечивающих необходимый уровень защиты субъектов. В этой связи важно обратить внимание на то, что в текстах договоров в сфере вещания, предлагаемых для обсуждения на регулярно проводимых сессиях ПКАП ВОИС, сохраняется предложенная американской делегацией статья, посвященная «иным формам достаточной и эффективной охраны». При этом последняя также в полном объеме не соотносится с решением Генеральной Ассамблеи ВОИС 2007 г., вместе с тем под влиянием США, как представляется, будет сохранять свою актуальность.

[11] Резюме Председателя по итогам 45-й сессии ПКАП ВОИС. Документ SCCR/45/Summary.

[12] Report of the thirty-third (16th extraordinary) session General Assembly WIPO. Document WO/GA/33/10. URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/govbody/en/wo_ga_33/wo_ga_33_10.pdf (дата обращения: 1 сентября 2024 г.).

[13] Проект договора ВОИС о вещательных организациях. Документ SCCR/45/3.

В продолжение вышеуказанного тезиса вполне логичным является постепенный отказ в проектах договора ВОИС от положений о сроке действия исключительных смежных прав на передачи вещания, а также от перечня исключений и ограничений исключительных прав вещательных организаций. Учитывая изложенное, теоретически можно предположить, что существует реальный шанс закрепления в тексте будущего договора исключительно инструментов, альтернативных праву интеллектуальной собственности.

Наконец, третью группу делегаций, активно высказывающих свою точку зрения на сессиях ПКАП ВОИС относительно будущего договора, образуют субъекты, которые выступают противниками продолжения работы над анализируемым документом. В частности, такую позицию высказывает Международная организация экологии знаний (Knowledge Ecology International), аргументируя это неясностью целей соглашения и характерной для государств англо-американского права проблемой смешения правовой охраны авторского права и смежных прав[14]. Аналогичной позиции придерживается профессор П. Б. Хугенхольц (P. B. Hugenholtz), обращая внимание на экономическую составляющую обоснования предполагаемой охраны прав вещателей, содержательную неопределенность понятия «вещания» и успешность решения вопросов в сфере вещания альтернативными средствами[15].

Таким образом, на текущий момент можно констатировать нецелесообразность постановки вопроса о созыве дипломатической конференции ВОИС, поскольку для проведения переговоров по принятию международного документа о вещательных организациях не достигнуто согласие по ряду принципиальных положений, таких как субъекты права, интеллектуальные права, срок действия исключительных прав.

Как указывалось выше, попытки разработки положений, направленных на обеспечение обновленной юридической охраны организаций вещания, продолжаются не одно десятилетие. За это время существенно изменились технологические реалии, открывающие перед интеллектуальной собственностью огромные возможности и помогающие устранить проблемы[16]. Так, искусственные нейронные сети помогают находить ответы на поставленные вопросы, генерировать данные, напоминая человеческую мозговую деятельность. В этой связи в качестве эксперимента в рамках настоящей статьи нескольким отечественным нейронным сетям была поставлена задача разработать текст проекта договора ВОИС о вещательных организациях. В результате получены следующие результаты.

YandexGPT сгенерирован текст, напоминающий по структуре международный договор, поскольку он включал в себя преамбулу, основную часть (определения, положение о вознаграждении за использование передач, срок действия

---

[14] См. Отчет 57-й (31-й внеочередной) сессии Генеральной Ассамблеи ВОИС. Документ WO/GA/57/12 PROV. П. 51.

[15] *Hugenholtz P. B.* The WIPO Broadcasting Treaty. A Conceptual Conundrum // European Intellectual Property Review. 2019. Vol. 41. № 4. P. 199—202.

[16] См.: повестки дня 44-й сессии ПКАП ВОИС, касающийся авторского права в цифровой среде. Документ SCCR/44/Summary. П. 8 // URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/copyright/ru/sccr_44/sccr_44_summary_by_the_chair.pdf (дата обращения: 1 сентября 2024 г.).

договора) и заключительные положения. Что касается содержательного аспекта, то предложенный текст был построен на основе уже существующей информации из международных договоров в сфере интеллектуальной собственности или имел неинформативный характер. Например, с позиции YandexGPT вещательная организация представляет собой «юридическое лицо, которое осуществляет вещание или передачу в эфир аудиовизуальных произведений, исполнений или других объектов авторских или смежных прав».

GigaChat решение поставленной задачи сведено к разработке гражданско-правового договора и советам о том, как начать работу над проектом, а также указано на необходимость обращения к юристам.

В свою очередь, искусственная нейронная сеть нижегородского ООО «Анализ Сайта» обзорно подошла к исполнению запроса разработать текст проекта договора ВОИС о вещательных организациях, предоставив информацию об истории, цели создания договора, основных положениях и механизмах работы соглашения, а также его значимости для вещательной отрасли.

Таким образом, в настоящее время искусственный интеллект показал свою «творческую» ограниченность в разработке текста проекта договора в сфере вещания, в ряде случаев выдавая поверхностные или недостоверные положения. Поэтому к сорок 46-й сессии ПКАП ВОИС следует подготовить проект договора ВОИС о вещательных организациях, используя возможности человеческого мозга.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Близнец И. А.* Развитие охраны прав вещательных организаций. Новый договор — необходимость и реальность // Юридический мир. — 2020. — № 8. — С. 34—43.
2. *Бузова Н. В.* Международно-правовое регулирование отношений, связанных с объектами смежных прав: современное состояние и перспективы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2020. — № 3. — С. 51—67.
3. *Матвеев А. Г.* Природа и система смежных прав : монография. — Уфа : Аэтерна, 2020. — 176 с.
4. *Устинова А. В.* Гражданско-правовая охрана интернет-вещания : монография / отв. ред. А. Г. Матвеев. — М. : Юстицинформ, 2024. — 228 с.
5. *Устинова А. В.* Разработка положений о гражданско-правовой охране сетевого вещания в рамках Постоянного комитета по авторскому праву и смежным правам Всемирной организации интеллектуальной собственности // International Law Journal. — 2022. — Т. 5. — № 7. — С. 223—228.
6. *Hugenholtz P. B.* The WIPO Broadcasting Treaty. A Conceptual Conundrum // European Intellectual Property Review. — 2019. — Vol. 41. — № 4. — P. 199—202.

О некоторых вопросах обеспечения правозащитной деятельности в Республике Казахстан

Алмаз Шукирович ЕЩАНОВ,
профессор кафедры общеюридических дисциплин Института послевузовского образования Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор, старший советник юстиции, почетный работник образования Республики Казахстан
7171598@prokuror.kz
021804, Республика Казахстан, Акмолинская область, г. Косшы, ул. Республики, д. 94

Калиолла Кабаевич СЕЙТЕНОВ,
первый проректор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор
ise.astana@yandex.kz
021804, Республика Казахстан, Акмолинская область, г. Косшы, ул. Республики, д. 94

© Ещанов А. Ш., Сейтенов К. К., 2024

Аннотация. *В статье рассмотрены содержательные аспекты правозащитной деятельности и некоторые вопросы ее обеспечения, обусловленные необходимостью эффективной защиты прав и свобод человека и гражданина.*

Указанные аспекты включают исследование понятийного аппарата правозащитной деятельности и основных направлений ее функционального предназначения. В частности, рассмотрены результаты проведенной в 2022 г. конституционной реформы, в рамках которой осуществлена правовая модернизация политической системы страны и усилены правозащитные возможности государства. Исследована роль некоторых государственных правозащитных институтов, статус которых был усилен по итогам конституционной реформы. Вопросы наиболее полного обеспечения эффективной защиты прав и свобод человека и гражданина требуют совершенствования. В частности, возникает необходимость широкомасштабной разъяснительной работы среди населения, усиления правового воспитания граждан, проведения правовой пропаганды и принятия других мер научного, информационного и технического характера.

Наряду с вышеназванными мерами, требуется решение вопросов правового просвещения и обучения населения всеми правозашитными государственными и общественными институтами с вовлечением широкого круга экспертов и привлечением средств массовой информации к этой работе.

Ключевые слова: *Конституция Республики Казахстан, конституционная реформа, правозащитная деятельность, эффективная защита прав и свобод человека и гражданина, права и свободы человека и гражданина, правовая пропаганда, правовое просвещение, правовое обучение*

DOI: 10.17803/2311-5998.2024.123.11.144-151

Almaz Sh. YECHSHANOV,
Professor of the Department of General Legal Disciplines
of the Institute of Postgraduate Education
of the Academies of Law Enforcement Agencies at
the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan,
Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Adviser of Justice,
Honorary worker of educanion and science of the Republic of Kazakhstan
7171598@prokuror.kz
94, ul. Republic, Kosshy, Akmola region, Republic of Kazakhstan, 021804

Kaliolla Kabaevich SEITENOV,
First Vice-Rector of the Academies of Law Enforcement Agencies at the Prosecutor
General's Office of the Republic of Kazakhstan,
Dr. Sci. (Law), Professor
ise.astana@ yandex.kz
94, ul. Republic, Kosshy, Akmola region, Republic of Kazakhstan, 021804

About same Questions Improvement Human Rights Activities of the Republic of Kazakhstan

Abstract. *The article examines the substantive aspects of human rights activities and some issues of ensuring them, determined by the need to effectively protect the rights and freedoms of man and citizen.*
These aspects include a study of the conceptual apparatus of human rights activities and the main directions of its functional purpose. In particular, the results of the Constitutional reform carried out in 2022, within the framework of which it has been improved, are considered the country's political system and the human rights capabilities of the state have been strengthened. ANDthe role of some state human rights institutions, the status of which was strengthened as a result of the Constitutional reform, is studied.
Issues of most fully ensuring the effective protection of human and civil rights and freedoms require attention and solutions. In particular, the need arises in carrying out large-scale work to conduct explanatory work among the population, strengthen the legal education of citizens, conduct legal propaganda and take other measures of a supporting nature.
Along with the above measures, issues of legal education and training of the population require solutions, which should be carried out by all right-wing state and public institutions with the involvement of a wide range of experts and with the involvement of the media in this work.
Keywords: *Constitution Republic of Kazakhstan, Constitutional reform, Human rights and freedoms and citizens, Effective protection of human and civil rights and freedoms, Human rights activities, Legal propaganda, Legal education, Legal training*

Правозащитная деятельность в Республике Казахстан представляет собой отдельное направление функционального предназначения государства и предполагает возможность полноценной реализации гражданами своих прав и свобод в соответствии с системой законодательства Республики Казахстан и установленным порядком.

Государственное реагирование на процесс реализации гражданином своих прав и свобод может проявиться только в том случае, когда со стороны отдельных государственных органов и должностных лиц наблюдается неисполнение или ненадлежащее исполнение возложенных на них правовыми актами обязанностей.

В настоящее время в Республике Казахстан происходят значительные позитивные изменения в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина. Это обусловлено как внесением изменений и дополнений в Конституцию страны, так и принятием мер по совершенствованию правоприменительной деятельности, в том числе связанных с улучшением процедурно-административных алгоритмов рассмотрения и разрешения данных вопросов.

В целом государственная деятельность Республики Казахстан по защите прав и свобод человека и гражданина заключается в создании правовой основы, специальных правовых институтов и других механизмов, обеспечивающих эту деятельность.

По данному вопросу в юридической литературе отмечается, что «каждому человеку должна быть обеспечена возможность, пользоваться всеми основными правами и свободами. Государство же, в свою очередь, обязано гарантировать реальное осуществление этих прав и свобод всеми доступными ему средствами. Гарантированность прав и свобод — это своеобразный внешний механизм ограничения власти. В этой связи необходимо создавать новые и совершенствовать уже существующие механизмы правового характера против злоупотребления властью. Защита прав и свобод гражданина неотделима от всего комплекса их взаимоотношений с властными структурами и в полной мере возможна лишь в контексте принципов правового государства. Совершенствование процедур и механизмов защиты прав и свобод индивида — важнейшая задача любого демократического государства»[1].

В этом контексте следует дополнительно сказать, что реализуемая в современных условиях в Республике Казахстан концепция «слышащего государства» целенаправленно и комплексно влияет на активизировавшуюся, особенно за последнее время, деятельность граждан по обращению в правозащитные органы и организации. Между тем правозащитная деятельность в Республике Казахстан имеет присущую ей содержательную характеристику, отражающую ее функциональное предназначение.

В частности, представляется возможным выделить определенные признаки, «характеризующие правозащитную деятельность государства: а) такая деятельность направлена на восстановление нарушенных прав и свобод граждан; б) в ней должны использоваться только правовые средства и способы защиты прав и интересов граждан; в) защищаются права граждан, хотя законодательство

[1] *Башимов М. С.* Некоторые проблемы совершенствования законопроекта об омбудсмене Казахстана // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-sovershenstvovaniya-zakonoproekta-ob-ombudsmene-kazahstana (дата обращения: 08.08.2024).

допускает участие в общественно-политической жизни иностранных граждан и лиц без гражданства, и их права в таких случаях должны быть защищены в той же мере, что и права граждан данного государства... Правозащитную деятельность невозможно представить без восстановления нарушенных прав»[2].

Другое определение правозащитной деятельности связано с компетенцией «правомочных субъектов, которые в рамках правозащитного производства, посредством применения организационно-правозащитных и иных регулятивно-правозащитных средств, оказывают юридически результативное воздействие на общественные отношения, возникающие из факта реализации права человека на защиту»[3].

Рассматриваемое направление деятельности можно охарактеризовать и «в широком смысле как законодательную и правоприменительную практику государства в области прав человека, отражающую специфические историко-культурные традиции и уровень социально-экономического развития страны. В узком смысле — это совокупность контрольных механизмов, представленных определенными организационными структурами (судом, правоохранительными органами, различными учреждениями по рассмотрению обращений граждан и др.), специализированных правозащитных институтов (комиссии по правам человека, омбудсмены) и процедур, определяющих методы, порядок рассмотрения, проверки, подготовки предложений и принятия решений по жалобам, заявлениям и иной информации о нарушениях прав человека, базирующихся на конституционных и отраслевых нормах внутреннего права государства»[4].

Заслуживает внимания и такое определение правозащитной деятельности, как «целесообразное положительное изменение ситуации с нарушениями прав человека и преобразование ее в интересах человека, общества и государства» [5].

На основании приведенных определений деятельности государства по защите прав и свобод человека и гражданина можно сказать, что работа, реализуемая правозащитными структурами и другими правозащитными субъектами, направлена на защиту прав и свобод человека и гражданина и их восстановление в случае нарушения. Для восстановления нарушенных прав и свобод человека и гражданина в действующем законодательстве и в государственных органах предусмотрены механизмы и иные средства по регулированию имеющихся процедур и их применению в установленном правовыми актами Республики Казахстан порядке.

В данном случае также необходимо сказать, что у различных государственных органов и правозащитных институтов имеются различные правовые возможности

---

[2] *Голованёв И. В.* Административно-правовые средства формирования правового порядка при реализации конституционных прав и свобод // Административное право и процесс. 2007. № 4. С. 36.

[3] *Анисимов П. В., Медведицкова Л. В.* Теоретико-правовые и организационные основы правозащитной системы в Российской Федерации : монография. Волгоград : ВА МВД России, 2007. С. 32—33.

[4] *Чуксина В. В.* Несудебная защита прав человека в системе национальной правозащитной деятельности Российской Федерации и зарубежных государств // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 6. С. 35.

[5] *Прокопович Г. А., Харитонов А. Ю.* Личность и административная ответственность власти // Юридическая мысль. 2008. № 2 (46). С. 61—65.

и компетенция в данном направлении. Однако их общие согласованные действия позволяют в «едином фарватере» обеспечить правовую защиту прав и свобод человека и гражданина.

Вместе с тем, как отмечается в юридической литературе, «государственная защита не может быть разрозненной, поскольку это есть целостная система, которая должна работать слаженно и оперативно при любых обстоятельствах»[6].

При этом «правозащитными являются все государственные органы, а выделение отдельной группы каких-то особых субъектов означает, будто все остальные в сфере своей компетенции не занимаются и не должны заниматься правозащитной деятельностью»[7].

Следует отметить, что деятельность каждого государственного органа должна предусматривать правовые и организационные возможности по защите прав и свобод человека и гражданина. Это обусловлено имеющимися правовыми требованиями, указанными в Конституции и других законах Республики Казахстан. В то же время компетенция каждого государственного органа в рассматриваемой сфере специфична, и, соответственно, классификация будет осуществляться по самым разным критериям.

В данном случае в качестве критерия учеными называется «принцип разделения властей как один из основополагающих принципов организации государственной власти»[8]. Другие исследователи в качестве основы для такого разграничения называют «характер деятельности (органы специальной юрисдикции и органы общей компетенции)», а также предлагают дифференцировать соответствующие органы «по юридической силе решений (консультативные и обязательные)»[9]. Достаточно часто предлагается «классификация по дифференции органов на судебные и внесудебные»[10].

В целом в государственной правозащитной сфере компетенция органов и должностных лиц, ее осуществляющих, находится в четкой и непосредственной зависимости от содержания выполняемых задач в процессе реализации правозащитной функции государства.

К тому же граждане Республики Казахстан чувствительны и восприимчивы к любым нарушениям законности в сфере обеспечения конституционных прав и свобод и стали более детализированно разбираться в соответствующих уголовно-правовых нормах, административных деликтах и дисциплинарных проступках,

---

[6] *Сейтенов К. К.* Правозащитная деятельность: политико-правовые тренды современного Казахстана // Хабаршы — Вестник Карагандинской академии МВД РК им. Баримбека Бейсенова. 2024. № 2 (84). С. 154—160.

[7] *Нерсесянц В. С.* Общая теория права и государства. М. : Норма ; Инфра-М, 2012. С. 264.

[8] *Анохин Ю. В.* Механизм государственно-правового обеспечения прав и свобод личности: на материалах Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2007. С. 24.

[9] *Снежко О. А.* Конституционные основы государственной защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 12.

[10] *Антропов Р. В., Антропова Н. А.* Государственная защита прав и свобод человека и гражданина: вопросы теории и практики // Актуальные проблемы государственно-правового развития России : материалы всероссийской конференции. Чита : Забайкальский государственный университет, 2018. С. 52—65.

дифференцировать размеры их санкций и наказаний, а также иные последствия совершенных противоправных деяний.

Поэтому с каждым годом правозащитная деятельность, ориентированная на защиту прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, в Республике Казахстан становится все более приоритетной и динамично развивающейся сферой. Соответственно, государственные органы и должностные лица должны активно участвовать в данном направлении деятельности государства.

Конституционно-правовое подтверждение этому содержится в п. 1 ст. 12 Конституции Республики Казахстан, где регламентировано, что «в Республике Казахстан признаются и гарантируются права и свободы человека в соответствии с Конституцией»[11].

В соответствии с этим конституционным положением и во исполнение главного обязательства страны в современных условиях актуализируются вопросы, связанные с полномочиями государственных органов в системе реализации правозащитной функции государства.

В 2022 г. была реализована конституционная реформа, которая стала качественно новым этапом политико-правовой модернизации политической системы Республики Казахстан и имела в том числе и правозащитную направленность.

В этой связи в юридической литературе отмечалось, что «произошло важное историческое событие. Впервые были подписаны Президентом основные конституционные законы, регулирующие правозащитный потенциал нашего государства. Эти законы в первую очередь усиливают эффективную защиту конституционных прав простых граждан. Они будут сказываться на простых гражданах, демократизации процессов, в праве их обращения в Конституционный Суд. Ведь все упирается, как указал Президент страны, в эффективность принятия законов, развитие человеческого капитала, справедливость правовой системы, противодействие коррупции и непотизму. Вот этот комплекс всех проблем как раз будет направлен на то, чтобы улучшилась жизнь простых граждан. Поэтому подписанные конституционные законы являются важнейшими итоговыми документами в дальнейшей правозащитной деятельности самого государства и повышении защиты прав простых граждан»[12].

В результате проведенной реформы была обеспечена дальнейшая демократизация политической сферы, усилен потенциал права как государственно-правовой категории. Этого удалось достичь прежде всего посредством предоставления прямого доступа граждан к правозащитным механизмам.

Вместе с тем, по нашему мнению, дальнейшая деятельность по усилению правозащитного потенциала Республики Казахстан требует качественного научного, учебно-методического, информационно-аналитического и кадрового обеспечения.

В частности, научное обеспечение предполагает оснащенность соответствующей литературой (печатной, электронной), включая монографии и научные статьи,

[11] Конституция Республики Казахстан 1995 г. (с изм. и доп., по состоянию на 10.09.2024) // URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 12.08.2024).

[12] *Башимов М. С.* Конституционные законы будут сказываться на простых гражданах // URL: https://liter.kz/konstitutsionnye-zakony-budut-skazyvatsia-na-prostykh-grazhdanakh-marat-bashimov-1667814526/ (дата обращения: 16.08.2024).

посвященные различным правозащитным аспектам деятельности государственных органов и должностных лиц в исследуемой сфере. Учебно-методическое обеспечение — это обучение граждан и правозащитных институтов различным вопросам рассматриваемой деятельности, усвоение соответствующего алгоритма работы и различных вопросов процедурного характера.

Информационно-аналитическое обеспечение предусматривает сбор и мониторинг сведений, относящихся к правозащитной деятельности субъектов, ее осуществляющих. Цель предлагаемого обеспечения — анализ возникающих закономерностей в сфере правозащитной деятельности и контроль за происходящими процессами, возникающими в результате взаимодействия граждан с различными правозащитными субъектами.

В свою очередь, кадровое обеспечение предполагает подготовку специалистов правозащитного профиля для покрытия штатной потребности региональных представительств Уполномоченного по правам человека, деятельность которых предусмотрена в различных областных центрах Казахстана.

Также в целях более полного обеспечения реализации данных условий целесообразно проведение широкомасштабной разъяснительной работы среди населения, усиление правового воспитания граждан, ведение правовой пропаганды и принятие других мер научного, информационного и технического характера.

Проведение праворазъяснительной работы должно осуществляться среди всех категорий населения и с применением всех возможных информационных и технических средств обучения и обеспечения.

Усиление правового воспитания граждан обусловлено возрастающей ролью казахстанского права в жизни общества, растущим запросом граждан Республики на обеспечение справедливости и безопасности в отношении себя и своих близких и в целом — строительством Справедливого Казахстана, что предполагает справедливое отношение к любому гражданину и к соблюдению его прав и свобод.

Правовое воспитание граждан достигается в том числе путем правильно организованной и проведенной пропагандистской деятельности для выработки у граждан соответствующих навыков, потребностей и необходимого уровня правовой компетентности. Поэтому в деятельности различных государственных органов страны правовая пропаганда должна проводиться на постоянной и системной основе в рамках предоставленных полномочий на основе собственных планов по данной работе.

Наряду с правовой пропагандой, немаловажное значение приобретает правовое просвещение и обучение населения, которое, по нашему мнению, должно проводиться всеми правозащитными государственными и общественными институтами с вовлечением широкого круга экспертов и привлечением средств массовой информации к этой деятельности.

Основу правового просвещения и обучения должны составлять формирование рекомендуемого поведения граждан при нарушении кем-либо (юридическими лицами, другими гражданами) их законных прав и свобод, развитие навыков предупреждения и пресечения противоправного поведения, содействия правоохранительным органам при совершении уголовных правонарушений.

Как нам представляется, оказание целенаправленного и комплексного правового пропагандистского и воспитательного воздействия на население страны

эффективно отразится на уровне развития правосознания и правовой культуры казахстанских граждан, а также позитивно скажется на охране правопорядка и борьбе с правонарушениями. Принятые меры станут одним из действенных средств обеспечения правозащитной деятельности в Республике Казахстан, утверждения в казахстанском обществе идеологии закона и правопорядка.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Анисимов П. В., Медведицкова Л. В.* Теоретико-правовые и организационные основы правозащитной системы в Российской Федерации : монография. — Волгоград : ВА МВД России, 2007.
2. *Анохин Ю. В.* Механизм государственно-правового обеспечения прав и свобод личности: на материалах Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. — Саратов, 2007.
3. *Антропов Р. В., Антропова Н. А.* Государственная защита прав и свобод человека и гражданина: вопросы теории и практики // Актуальные проблемы государственно-правового развития России : материалы всероссийской конференции. — Чита : Забайкальский государственный универсиет, 2018. — С. 52—65.
4. *Башимов М. С.* Конституционные законы будут сказываться на простых гражданах // URL: https://liter.kz/konstitutsionnye-zakony-budut-skazyvatsia-na-prostykh-grazhdanakh-marat-bashimov-1667814526/ (дата обращения: 16.08.2024).
5. *Башимов М. С.* Некоторые проблемы совершенствования законопроекта об омбудсмене Казахстана // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-sovershenstvovaniya-zakonoproekta-ob-ombudsmene-kazahstana (дата обращения: 08.08.2024).
6. *Голованёв И. В.* Административно-правовые средства формирования правового порядка при реализации конституционных прав и свобод // Административное право и процесс. — 2007. — № 4.
7. *Нерсесянц В. С.* Общая теория права и государства. — М. : Норма ; Инфра-М, 2012.
8. *Прокопович Г. А., Харитонов А. Ю.* Личность и административная ответственность власти // Юридическая мысль. — 2008. — № 2 (46). — С. 61—65.
9. *Сейтенов К. К.* Правозащитная деятельность: политико-правовые тренды совеременного Казахстана // Хабаршы — Вестник Карагандинской академии МВД РК им. Баримбека Бейсенова. — 2024. — № 2 (84). — С. 154—160.
10. *Снежко О. А.* Конституционные основы государственной защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 1999.
11. *Чуксина В. В.* Несудебная защита прав человека в системе национальной правозащитной деятельности Российской Федерации и зарубежных государств // Конституционное и муниципальное право. — 2006. — № 6.

Наталья Валерьевна КОЛОТОВА,
ведущий научный сотрудник сектора прав человека Института государства и права РАН, кандидат юридических наук, доцент
kolotova.n@gmail.com
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Конституционализация понятия «достойный уровень жизни»

Аннотация. *Понятие достойной жизни и ее достаточного уровня во многом определяет конституционное содержание социальных прав и является концепцией, значимо влияющей на развитие современного конституционализма во всем мире. Обязательства государств по обеспечению достойного уровня жизни состоят в обеспечении условий получения трудящимися справедливого дохода не ниже установленного предела, а при отсутствии такового — возможности воспользоваться государственной социальной помощью в соответствующем размере. В конституционных актах разных стран такие обязательства могут быть выражены в виде программных положений, декларирующих цели и принципы социальной деятельности государства по предоставлению своим гражданам возможности достойного существования, и обязательств, гарантирующих пользование социальными правами как минимум в объеме, соответствующем установленному (минимальному) уровню благосостояния, нормативные параметры которого используются в качестве критерия их судебной проверки.*
Ключевые слова: *достойная жизнь, достаточный уровень жизни, конституционализация социальных прав*

DOI: 10.17803/2311-5998.2024.123.11.152-161

Natalia V. KOLOTOVA,
Leading Research Fellow of the Human Rights Department, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Cand. Sci. (Law), Associate Professor
kolotova.n@gmail.com
10, ul. Znamenka, Moscow, Russia, 119019

Constitutionalization of the Concept of a Decent Standard of Living

Abstract. *The concept of a decent life and its sufficient level largely determines the constitutional content of social rights and is a concept that significantly influences the development of modern constitutionalism throughout the world. The obligations of States to ensure a decent standard of living consist in ensuring that workers receive a fair income not below the established limit, and in the absence of such, the opportunity to use State social assistance in an appropriate amount. In constitutional acts of different countries, such obligations can be expressed in the form of program provisions declaring the goals and principles of the state's social activities to provide its citizens*

© Колотова Н. В., 2024

with the opportunity for a decent existence, and obligations guaranteeing the use of social rights, at least to the extent corresponding to the established (minimum) level of well-being, the normative parameters of which are used as a criterion for their judicial review.
Keywords: *decent life, adequate standard of living, constitutionalization of social rights*

Достойная жизнь подпадает под охрану права как один из важнейших аспектов защиты человеческого достоинства —фундаментальной концепции конституционализма и центральной категории всей системы прав человека[1]. Недаром преамбулы обоих Международных пактов о правах человека содержат одинаковые положения о признании того, что равные и неотъемлемые права человека «вытекают из присущего человеческой личности достоинства». Как условия достойной жизни рассматриваются прежде всего социально-экономические параметры человеческого существования (такие как обеспечение необходимого дохода, подходящего жилья, образования и медицинского обслуживания, соответствующего общепринятым в конкретном обществе уровням), от которых зависит свободное развитие и реализация возможностей каждого.

Многие из перечисленных стандартов в различных государствах мира имеют статус конституционных положений, закрепленных в форме целей социально-экономической политики, долгосрочных обязательств государства либо социально-экономических прав. Попав в конституционное поле, эти положения приобретают нормативное значение и защиту от произвольных законодательных изменений, а высшие судебные органы — полномочия отменить нормативные акты, нарушающие эти права[2].

Доктринально вопрос о праве на достойную жизнь как о правовом притязании, подкрепленном государственными обязательствами, в юридической литературе разрабатывается с начала прошлого века. Большое внимание обсуждению этого вопроса было уделено в российской философско-юридической литературе начала XX в.[3] Однако нельзя сказать, что с тех пор по всем проблемным вопросам

---

1 *Васильева Т. А.* Конституционализация концепции достоинства человека // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 4 (137). С. 99.

2 *Lucherini F.* The Constitutionalization of Social Rights in Italy, Germany, and Portugal: Legislative Discretion, Minimal Guarantees, and Distributive Integration // German Law Journal. 2024. № 25. P. 341.

3 В отечественной литературе конца XIX — начала XX в. разрабатывалось «право на достойное существование». См.: *Соловьев В. С.* Оправдание добра : Нравственная философия // Сочинения в 2 т. М. : Мысль, 1988. С. 534 ; *Новгородцев П. И., Покровский И. А.* О праве на существование. Социально-философские этюды. СПб. ; М., 1911 ; *Кистяковский Б. А.* Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии и социологии. М., 1906. Кн. IV (84). С. 344. В современной юридической литературе понятия «право на достойное существование» и «право на достойную жизнь» часто используются как взаимозаменяемые, хотя термин «право на достойное человеческое существование» имеет прежде всего историческое значение.

достигнуто согласие[4]: до сегодняшнего дня дискутируется, насколько право на достойную жизнь можно считать именно правом, а не только нормативной обязанностью государства или областью благотворительности; можно ли считать его универсальным и распространять не только на нетрудоспособных и безработных, но и на трудящихся и др.[5]

В современной отечественной литературе об этом праве человека чаще всего говорится как о получившей конституционный статус морально-политической декларации государства, провозглашающей намерение обеспечить своим гражданам достойный уровень жизни путем обеспечения их социальных прав[6]. Тем самым его конституционализация рассматривается как сущностный признак, сообщающий данному положению особый социально-юридический статус.

Первые попытки закрепления в конституционных актах права на достойную жизнь относятся к началу прошлого века[7]. В пункте 1 ст. 151 Конституции Веймарской Германии 1919 г. указывалось, что порядок экономической жизни должен соответствовать принципам справедливости и цели обеспечения достойного человека существования для всех[8]. Таким образом, подходы к нормативному закреплению этого права делались еще до его провозглашения на международном уровне — в ст. 22, 25 Всеобщей декларации прав человека[9].

На современном этапе понятия «достойная жизнь», «достаточный (адекватный, разумный и др.) уровень жизни» широко используются во многих нормативных документах международного, национального и наднационального уровней[10].

---

[4] П. И. Новгородцев так очерчивал круг вопросов, связанных с «правом на достойное человеческое существование»: «Не представляет ли оно собою понятия, не уловимого по содержанию и противоречивого по смыслу, слишком широкого для того, чтобы вместиться в рамки юридической регламентации, и слишком субъективного для того, чтобы быть предметом общих определений?» (*Новгородцев П. И.* Право на достойное человеческое существование // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 4. С. 245).

[5] См.: *Fabre S.* Social Rights Under the Constitution: Government and Decent Life. Oxford, 2000. P. 14—15.

[6] *Родионова О. В.* Юридическая сущность «права на достойное человеческое существование» // Правоведение. 2004. № 2. С. 182.

[7] Закрепление социальных положений в текстах конституций обычно рассматривается как конституционализация. Однако следует согласиться с замечанием Катарины Янг, что само по себе принятие таких конституционных норм еще не означает, что процесс конституционализации завершен и в государстве созданы и эффективно действуют социальные институты, реализующие эти положения. См.: *Young K. G.* Constituting Economic and Social Rights. Oxford, 2012. P. 63—64.

[8] Die Verfassung des Deutschen Reichs [«Weimarer Reichsverf sung»] // Reichsgesetzlatt, 1919. S. 1383. URL: http://documentarchiv.de/wr/wrv.html (дата обращения 27.05.2019).

[9] Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948 // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 20.05.2024).

[10] *Путило Н. В.* Достойная жизнь и достаточный жизненный уровень: история политико-правовых воззрений и современная практика // Социальное и пенсионное право. 2022. № 2. С. 12.

Так, например, многие государства, являясь участниками Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах[11], несут международные обязательства по признанию и защите права каждого на достаточный жизненный уровень, включая достаточное питание, одежду и жилище, а также на непрерывное улучшение жизни людей, вытекающие из п. 1 ст. 11 Пакта[12].

Исследователи отмечают, что обеспечение «достойного существования» имеет отношение практически ко всем социальным правам, что делает его основополагающим понятием, обладающим сквозным содержанием для всей этой группы[13]. В этой связи в некоторых конституционных актах перечислен практически весь набор социальных, экономических и культурных прав как прав, обеспечивающих достойную жизнь каждому. Так, статья 23 Конституции Бельгии перечисляет среди таковых право на труд и свободный выбор профессии; на социальное обеспечение и охрану здоровья, социальную, медицинскую и юридическую помощь; право на достойное жилище; здоровую окружающую среду; право на культурную и социальную реализацию. При этом оговаривается, что это — неполный перечень. В Конституции Эквадора право на достойный образ жизни также регулируется очень широко: ему посвящена вся вторая глава, которая включает разделы 1—8: «Вода и продовольствие», «Здоровая окружающая среда», «Информация и коммуникации», «Культура и наука», «Образование», «Среда обитания и обеспечение жильем», «Здравоохранение», «Труд и социальное обеспечение».

Обширные перечни прав, раскрывающих понятие «достойная жизнь» в конституционных актах, являются, скорее, исключением, однако можно согласиться с теми авторами, которые полагают, что при определении этого права речь идет о подгруппе прав, напрямую нацеленных на обеспечение достойной жизни. В частности, в нее могут быть включены право на гарантированный государством прожиточный минимум; на жилище; образование; медицинскую помощь и лекарственное обеспечение; право на защиту от голода и недоедания[14].

В этой связи неудивительно, что положения о достойной жизни встречаются в большом числе современных конституций стран мира, особенно принимаемых в последнее время. Во многих из них это право устанавливается прямо, в других оно содержится эксплицитно и может быть выведено судами конституционной юрисдикции из общих конституционных принципов. Так, практика Федерального конституционного суда Германии по защите социальных прав, складывающаяся

---

[11] По состоянию на май 2024 г. участниками Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах являются 172 государства. Только два государства, Франция и Монако, в своих оговорках и заявлениях, принятых в процессе присоединения к данному Пакту, упоминают ст. 11, заявляя ее в числе норм, которые не должны толковаться как отступающие от положений, регулирующих доступ иностранцев к трудоустройству или устанавливающих требования к месту жительства для распределения определенных социальных льгот (URL: https://treaties.un.org/pages/viewdetails.aspx?src=treaty&mtdsg_no=iv-3&chapter=4&clang=_en (дата обращения: 20.05.2024).

[12] Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

[13] *Иваненко В. А., Иваненко В. С.* Социальные права человека и социальные обязанности государства: международные и конституционные правовые аспекты. СПб., 2003. С. 108.

[14] *Путило Н. В.* Социальные права в постиндустриальном обществе. М., 2021. С. 76.

с 1975 г., обязанность государства обеспечить каждому человеку достойное существование обосновывает конституционными принципами неприкосновенности человеческого достоинства и социального государства[15]. Кроме того, защита достойного уровня жизни может вытекать из защиты права на жизнь[16].

Анализ конституционных актов показывает, что понятие достойной жизни в контексте социальных положений конституций может встречаться в положениях различного характера[17]: 1) в общих принципах, определяющих цели и основания государственной деятельности; 2) в социальных правах, в которых критерий достойного уровня выступает в виде важного показателя их эффективности и доступности. Очевидно, что предпочтение той или иной модели конституционного регулирования социальных положений обусловлено историческим опытом и особенностями конституционного развития страны[18].

Так, в Конституции РФ (как и в иных странах, которые традиционно уделяют большое внимание закреплению социальных прав) в качестве общего принципа в ч. 1 ст. 7 провозглашается, что социальное государство выступает целью обеспечения достойной жизни и свободного развития человека, а далее этот принцип конкретизируется, в том числе в положениях о праве на вознаграждение за труд в размере, превышающем установленный минимальный размер оплаты труда (ч. 3 ст. 37), который не может быть ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения (п. 5 ст. 75); о ежегодной индексации пенсий (п. 6 ст. 75) и иных социальных пособий и выплат (п. 6 ст. 75), об обязанности государства создавать условия для повышения благосостояния граждан (ст. 75.1). Таким образом, обеспечение достойного уровня жизни в конституциях может являться как конституционным принципом, определяющим содержание правового статуса человека,

---

[15] *Сафоклов Ю.* Гарантии обеспечения прожиточного минимума как следствие принципа социального государства: сравнительный анализ правоприменительной практики конституционных судов Федеративной Республики Германии и Российской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 4 (77). С. 105.

[16] Определение Конституционного Суда РФ от 15.02.2005 № 17-О по жалобе гражданки Енборисовой Прасковьи Федоровны на нарушение ее конституционных прав пунктом 8 статьи 14 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации». П. 1 // СЗ РФ. 2005. № 16. Ст. 1479.

[17] О различии нормативных стандартов принципов и правил и их применении в конституционном праве существует обширная литература. Ее обобщение см.: *Варламова Н. В.* Права человека как принципы права // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 6 (157). С. 146—171.

[18] В отечественной и зарубежной литературе выделяют, как правило, три модели конституционного регулирования социальных прав: 1) социальные права вообще или почти не получают отражения в тексте конституции; 2) они регламентируются так же, как и права других видов; 3) социальные права предусматриваются в конституции, но эти нормы не пользуются конституционной защитой. См.: *Алебастрова И. А.* Социальные права: конституционные обещания, пожелания или приведения // Государство и право. 2010. № 4. С. 31—32 ; *Колотова Н. В.* Конституционализация социальных прав — тенденция развития современного права // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 1. С. 5—9.

так и его конституционным правом, которому корреспондирует соответствующая обязанность государства[19]; а также могут применяться оба этих варианта.

Закрепление понятия «достойная жизнь» в числе программных положений, целей и принципов государственной деятельности в области социальной политики может иметь подчеркнуто декларативное содержание. Так, в преамбулах небольших государств Карибского бассейна (Антигуа и Барбуда, Белиз, Доминика, Тринидад и Тобаго) провозглашается вера в то, что функционирование экономических систем этих государств служит общему благу и тому, чтобы у всех были достаточные средства к существованию.

Более типично включение положений о достижении достойного уровня жизни и максимального благополучия населения в специальные разделы конституций, посвященные целям государственной политики и основам социально-экономической деятельности в контексте стремления к справедливому общественному устройству, как это предлагают конституции Азербайджана (ст. 12); Тайваня (ст. 142), Таиланда (ст. 74); Шри-Ланки (п. 2 «c» ст. 27); Южного Судана (п. «e» ст. 37); Румынии (ст. 47); Филиппин (ст. XIII); Нигерии (п. «a» ст. 17); Эфиопии (п. 8 ст. 89).

Иногда программные положения конституций сформулированы как гибкие стандарты и представляют собой перспективные задачи национальной экономики по постепенному повышению благополучия и уровня жизни граждан. Об этом говорится в конституциях Объединенных Арабских Эмиратов (ст. 24), Пакистана (п. 1 ст. 38), Турции (ст. 49), Сирии (п. 1 ст. 13), Омана (ст. 11); Никарагуа (ст. 98); Молдовы (п. 2 «g» ст. 126), Анголы (п. «e» ст. 90).

Использование эволюционных формулировок и прогрессивных стандартов является характерной особенностью социальных прав[20], называемых иногда в литературе «ресурсоемкими»[21] из-за зависимости выполнения объема социальных стандартов от материальной базы государства. Многие из приведенных выше примеров относятся к странам с развивающейся экономикой, для которых возможность применения таких гибких положений особенно важна — их задачей как раз является достижение постоянного прогресса в движении к своим социальным целям[22].

Кроме того, само по себе понятие «достойная жизнь» может выполнять роль такого «мягкого стандарта»: в силу своей абстрактности оно предусматривает вариативность объема предоставляемых прав, что отражается в различиях используемых определений — уровень жизни может определяться как «достойный», «достаточный», «адекватный» «надлежащий», «разумный».

Как правило, программным социальным обязательствам государств не корреспондируют защищаемые в судебном порядке субъективные права.

---

[19] *Иваненко В. А., Иваненко В. С.* Указ. соч. С. 112.

[20] *Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л.* Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. М., 1998. С. 494.

[21] *Должиков А.* Конституционные социальные права и их юстициабельность // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 6 (133). С. 39.

[22] См.: Комитет ООН по экономическим социальным и культурным правам. Пятая сессия (1990 год). Замечание общего порядка № 3 «Природа обязательств государств-участников» (пункт 1 статьи 2 Пакта). П. 13.

Специальные оговорки о том, что адресатом конституционно установленных принципов социальной политики является законодательная власть, а не частные лица, содержатся в конституциях некоторых стран (Индии — ст. 37, Ирландии — ст. 45), включивших в свои учредительные акты указание на то, что достижение гражданами достаточных средств к существованию является целью государственной деятельности (п. 1. ст. 39 Конституции Индии; п. 2 ст. 45 Конституции Ирландии). Однако складывающаяся практика конституционных судов в различных странах гораздо более вариативна. Исследователи отмечают, что в некоторых национальных правопорядках прогрессивные и программные формулировки социальных положений не являются непреодолимым препятствием для их судебной защиты, хотя и требуют для своей реализации других критериев; трудности судебной защиты принципов не делают их факультативными или излишними[23].

Понятие «достойная жизнь» применительно к социальным правам в конституциях употребляется в нескольких аспектах. По каждому из них важным практическим инструментом конституционализации является закрепление обязательного минимального стандарта социальных благ[24], выраженного в нормативах минимальной заработной платы, прожиточного минимума, минимальных потребительских бюджетов и других социальных показателях, позволяющих рассчитать гарантированный порог обеспечения социальными благами. С их помощью устанавливается нормативный порог бедности[25], формируются критерии определения уровня дохода, ниже которого человек признается нуждающимся в помощи государства, рассчитываются иные показатели обеспеченности социальными благами, зависящие от величины оптимального (минимального) порога[26].

Национальные минимальные уровни социальной защиты в Рекомендации МОТ от 14.07.2012 № 202 трактуются как основные гарантии государства для того, чтобы все нуждающиеся лица в течение всей жизни имели доступ к основным видам медицинского обслуживания и базовым гарантиям получения доходов (п. 4) не ниже минимального уровня, установленного в национальном законодательстве по отдельным категориям лиц (п. 5)[27].

Минимальные базовые стандарты по выплате работникам справедливой заработной платы без каких-либо различий (в соответствии с п. 1 «а» ст. 7 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах) обеспечены

---

[23] *Lucherini F.* Op. cit. P. 338.

[24] *Lucherini F.* Op. cit. P. 335.

[25] Например, в Российской Федерации параметры бедности, лежащие в основе всех расчетов минимальных социальных стандартов, определяются в соответствии с Федеральным законом от 24.10.1997 № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 43. Ст. 4904.

[26] *Yong K.* The Minimum Core of Economic and Social Rights: A Concept in Search of Content // Yale Journal of International Law. 2008. Vol. 33. No. 1. P. 113—175.

[27] The ILO Social Protection Floors Recommendation, 2012 (No. 202) / International Labour Organization // URL: https://www.ilo.org/secsoc/areas-of-work/legal-advice/ WCMS_205341/lang--en/index.htm (дата обращения: 25.05.2024).

дополнительной защитой как «обязательства безотлагательного характера»[28]. Уменьшение или неисполнение минимальных стандартов нормативными решениями государственной власти могут быть оспорены в суде, вследствие чего встречаются предложения считать их «негативными социальными правами»[29].

Существует огромная литература философского, экономического, социологического направлений, анализирующая проблему количественных параметров и способов их учета для определения нормативных критериев достойной жизни. Критика способов расчета составляет суть большинства замечаний в адрес применяемых минимальных стандартов и основанием для предложений по совершенствованию этого инструмента измерения уровня достойной жизни[30]. Этот вопрос обсуждается и при разрешении конкретных споров в судах[31]. Однако он напрямую не относится к проблеме конституционализации права на достойную жизнь.

Прямая формулировка права граждан на достойную жизнь как отдельного социального права встречается довольно редко (ст. 21 Конституции Беларуси). Более распространенными вариантами является конкретизация рассматриваемого понятия через:

а) *гарантии соответствующих условий труда и его справедливой оплаты не ниже минимального уровня*. Положения об этом, закрепляющие возможность каждого человека обеспечить достойную жизнь себе и своей семье своими усилиями, получая вознаграждение, соразмерное выполняемой работе и ее качеству, но не меньше установленных минимальных уровней, встречаются в конституциях стран любого типа государственного устройства и уровня экономического развития. Это главная гарантия достойной жизни работающего человека, конституционное значение которой подтверждено в актах многих государств, например, в конституциях Италии (ч. 1 ст. 36), Латвии (ст. 107), Хорватии (ст. 55), Кубы (ст. 31) и др.;

б) *гарантии государственной социальной защиты человека, в первую очередь — для различных категорий уязвимых лиц.* В некоторых конституциях понятие «достойный уровень жизни» установлено преимущественно в контексте права на социальное обеспечение как обязанность государства поддерживать благосостояние лиц, которые по различным объективным причинам не могут этого сделать самостоятельно. В их числе конституционные акты

[28] К обязательствам безотлагательного характера относится основное обязательство обеспечить осуществление социальных прав на минимальном уровне и без какой-либо дискриминации, позволяющей лишить какую-нибудь группу лиц доступа к социальным благам. См.: Комитет ООН по экономическим социальным и культурным правам. Пятая сессия (1990 год). Замечание общего порядка № 3 «Природа обязательств государств-участников» (пункт 1 статьи 2 Пакта). П. 10.

[29] *Fabre S.* Op. cit. P. 7.

[30] *Fabre S.* Op. Cit. P. 35—36.

[31] См.: решение Федерального конституционного суда Германии о соответствии стандартных пособий Конституции Германии от 09.02.2010 // Bundesverfassungsgericht. URL: https://www.bundesverfassungsgericht.de/ shareddocs/entscheidungen/de/2010/04/ls20100414_1bvl000109.html (дата обращения: 27.05.2024).

Финляндии (ст. 19), Кыргыстана (п. 2 ст. 53), Индонезии (п. 3 ст. 28 Н). В статье 83 Конституции Египта есть специальное указание на соответствие пенсий, выплачиваемых пожилым людям, достойному уровню жизни, а в ст. 81 Конституции Венесуэлы говорится о том, что пенсии и пенсионные пособия не могут быть меньше минимальной заработной платы. Обездоленные люди и лица с психическими нарушениями рассматриваются как субъекты, для которых должны быть расширены возможности социального обеспечения в соответствии с их человеческим достоинством по п. 2 ст. 34 Конституции Индонезии. Содержание таких конституционных положений соответствует нормам международного права[32];

в) *применение стандартов достойной жизни для реализации права на жилище, нормальные санитарные условия и при установлении права на иные значимые для национального правопорядка социально-экономические блага*. Так, согласно Конституции Колумбии, реализация права граждан на достойную жизнь в первую очередь определяется через возможности проживания в жилье достойного уровня, для чего государство гарантирует продвижение планов строительства государственного жилья, систем долгосрочного финансирования и планов по реализации жилищных программ (ст. 51). Право на доступное и достаточное жилье закреплено в п. 1 «b» ст. 43 Конституции Кении. В пункте 7 ст. 37 Конституции Эквадора субъектами права на доступ к жилью, обеспечивающему достойную жизнь, являются пожилые лица.

Таким образом, понятие достойной жизни во многом определяет конституционное содержание социальных прав и является концепцией, значимо влияющей на развитие современного конституционализма во всем мире. Обязательства государств по обеспечению достойного уровня жизни состоят в том, чтобы работающие люди могли получать доход не ниже установленного предела, а при отсутствии такового — государственную социальную помощь в соответствующем размере. Такие обязательства состоят из программных положений, декларирующих цели социальной деятельности государства по предоставлению своим гражданам возможности достойного существования и обязательств, гарантирующих минимальный уровень благосостояния, нормативные параметры которых используются в качестве критерия их судебной проверки.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Алебастрова И. А.* Социальные права: конституционные обещания, пожелания или приведения // Государство и право. — 2010. —№ 4. — С. 30—38.
2. *Варламова Н. В.* Права человека как принципы права // Сравнительное конституционное обозрение. — 2023. — № 6 (157). — С. 146—171.

[32] Согласно п. 23 Рекомендации Международной организации труда № 131 о пособиях по инвалидности, старости и по случаю потери кормильца, национальным законодательствам предписывается установить минимальные размеры таких пенсий и пособий, с тем чтобы гарантировать минимальный уровень жизни (Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1957—1990. Т. 2).

3. *Васильева Т. А.* Конституционализация концепции достоинства человека // Сравнительное конституционное обозрение. — 2020. — № 4 (137). — С. 98—110.
4. *Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л.* Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. — М. : Изд-во Московского независимого института международного права, 1998. — 598 с.
5. *Должиков А.* Конституционные социальные права и их юстициабельность // Сравнительное конституционное обозрение. — 2019. — № 6 (133). — С. 16—60.
6. *Иваненко В. А., Иваненко В. С.* Социальные права человека и социальные обязанности государства: международные и конституционные правовые аспекты. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2003. — 404 с.
7. *Кистяковский Б. А.* Государство правовое и социалистическое. — М. : Лань, 2014. — 38 с.
8. *Колотова Н. В.* Конституционализация социальных прав — тенденция развития современного права // Конституционное и муниципальное право. — 2019. — № 1. — С. 5—9.
9. *Новгородцев П. И.* Право на достойное человеческое существование // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 4. — С. 245—249.
10. *Путило Н. В.* Достойная жизнь и достаточный жизненный уровень: история политико-правовых воззрений и современная практика // Социальное и пенсионное право. — 2022. — № 2. — С. 12—17.
11. *Путило Н. В.* Социальные права в постиндустриальном обществе. — М. : Проспект, 2021. — 120 с.
12. *Родионова О. В.* Юридическая сущность «права на достойное человеческое существование» // Правоведение. — 2004. — № 2. — С. 182—188.
13. *Сафоклов Ю.* Гарантии обеспечения прожиточного минимума как следствие принципа социального государства: сравнительный анализ правоприменительной практики конституционных судов Федеративной Республики Германии и Российской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. — 2010. — № 4 (77). — С. 102—117.
14. *Соловьев В. С.* Сочинения : в 2 т. — М. : Мысль, 1988. — Т. 1. — 892 с.
15. *Fabre S.* Social Rights Under the Constitution: Government and Decent Life. — Oxford : Oxford University Press, 2000. — 214 p.
16. *Lucherini F.* The Constitutionalization of Social Rights in Italy, Germany, and Portugal: Legislative Discretion, Minimal Guarantees, and Distributive Integration // German Law Journal. — 2024. — № 25. — P. 335—350.
17. *Young K. G.* Constituting Economic and Social Rights. — Oxford : Oxford University Press, 2012. — 384 p.
18. *Yong K.* The Minimum Core of Economic and Social Rights: A Concept in Search of Content // Yale Journal of International Law. — 2008. — Vol. 33. — No. 1. — P. 113—175.

Елена Александровна СОРОКИНА,
научный сотрудник сектора прав человека Института государства и права РАН, кандидат юридических наук
sorokina_ea@mail.ru
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Роль Южноафриканской комиссии по правам человека в реализации социально-экономических прав

Аннотация. *Южная Африка известна своим недемократическим прошлым, охватывающим столетия колониализма и десятилетия режима апартеида. Принятие Конституции ЮАР в 1996 г. завершило переход государства к конституционной демократии и заложило основы нового южноафриканского государства и общества.*
Исправление исторического неравенства лежит в основе Конституции ЮАР 1996 г., а включение в Билль о правах социально-экономических прав, подлежащих судебной защите, во всем мире считалось прогрессивным и отличительным. Кроме того, включение этих прав продемонстрировало, что они также имеют основополагающее значение для восстановления государства и искоренения неравенства, характерного для эпохи апартеида.
Центральное место в эффективной реализации ряда прав, гарантированных Конституцией ЮАР, занимает ряд государственных институтов, созданных с целью укрепления конституционной демократии. В данной статье проводится анализ основных направлений деятельности и оценивается роль Южноафриканской комиссии по правам человека в реализации социально-экономических прав в стране.
Ключевые слова: *Южно-Африканская Республика, Южноафриканская комиссия по правам человека, равенство, социально-экономические права*

DOI: 10.17803/2311-5998.2024.123.11.162-171

Elena A. SOROKINA,
Research Fellow the Human Rights Department of the Institute of State and Law of The Russian Academy of Sciences, Cand. Sci. (Law)
sorokina_ea@mail.ru
10, ul. Znamenka, Moscow, Russia, 119019

The Role of the South African Human Rights Commission in the Realisation of Socio-Economic Rights

Abstract. *South Africa has a undemocratic past. This past spans centuries of colonialism and decades of the apartheid regime. The adoption of South Africa's Constitution in 1996 completed the transition to a constitutional democracy and provided the foundation for a new state and society.*
The redress of historical inequality lie at the heart of South Africa's post-apartheid Constitution. The inclusion of justiciable socio-economic in the Bill

© Сорокина Е. А., 2024

of Rights was globally considered progressive and distinctive. In addition, South Africa's inclusion of these rights demonstrated that socio-economic rights were also fundamental to rebuilding a nation and eradicating the inequality that characterised apartheid.
Central to the effective realization of the range of human rights protected in South Africa's Constitution are a number of institutions established for the purpose of strengthening constitutional democracy. This article analyses the main activities and assesses the role of the South African Human Rights Commission in the ensuring of realisation of socio-economic rights in the country.
Keywords: *South Africa, South African Human Rights Commission, equality, socio-economic rights*

История Южной Африки омрачена столетиями колониализма, за которыми последовали десятилетия расовой сегрегации (политика апартеида), проводившейся правительством Национальной партии в период с 1948 по 1994 г. В результате внутреннего и международного давления режим апартеида перестал существовать, и в апреле 1994 г. состоялись первые демократические выборы в соответствии с новой (временной) Конституцией[1]. В 1996 г. в Южно-Африканской Республике был принят окончательный вариант Конституции, который стал характеризоваться как «ведущий в мире образец преобразующего акта»[2].

В преамбуле Конституции ЮАР (*далее* — Конституция) провозглашается, что она была принята для создания общества, основанного на «социальной справедливости», «улучшения качества жизни всех граждан и раскрытия потенциала каждого человека». Основными конституционными ценностями являются человеческое достоинство, достижение равенства и продвижение прав и свобод человека, запрет расизма и сексизма (равенство независимо от расы и пола) (ст. 1). Основной принцип государственного управления заключается в том, что «потребности населения должны быть удовлетворены», а услуги должны предоставляться на справедливой и равной основе (ст. 195). Кроме того, включение социально-экономических прав в Билль о правах Конституции во всем мире было признано прогрессивным и отличительным[3]. В судебной сфере сложилась

[1] См., например: *Mtshiselwa N.* A Post-Apartheid Nation in Chains? Relevance of Lucky Dube's Mickey Mouse Freedom in Reconfiguring Forms of Oppression in South Africa Today // Studia Historiae Ecclesiasticae. 2014. Vol. 40. No. 1. P. 58.

[2] См., например: *Adams R., Adeleke F.* Protecting Information Rights in South Africa: The Strategic Oversight Roles of the South African Human Rights Commission and the Information Regulator // International Data Privacy Law. 2020. Vol. 10. No. 2. P. 146.

[3] Подробнее см.: *Liebenberg S.* Socio-Economic Rights in South Africa's Constitution: Aspirations, Achievements, Disappointments and Lessons // Social Rights and the Constitutional Moment Learning from Chile and International Experiences / ed. by K. C. Magdalena, S. V. Silva, V. Contreras. Oxford, 2023. P. 62—63.
Согласно Конституции государство обязано «уважать, защищать права, оказывать содействие в их осуществлении и неукоснительно соблюдать их» (ст. 7) и «принимать

сложная судебная практика по социально-экономическим правам, которая привела к конкретным изменениям в национальном законодательстве, политике государственных органов и практике[4].

В соответствии с Конституцией была создана Южноафриканская комиссия по правам человека (далее — Комиссия) как часть продуманной институциональной основы для поддержания, укрепления демократии и социальной ответственности в стране[5]. Отмечается, что из всех национальных правозащитных учреждений в ЮАР именно Комиссия обладает наиболее четкими полномочиями в области социально-экономических прав[6].

Правовой статус Комиссии определяется конституционным актом (глава 9), а также национальным законодательством, в частности, Законом о Южноафриканской комиссии по правам человека 2013 г.[7], в котором прежде всего определяются ее деятельность, состав, функции и порядок назначения членов. Закон о поощрении равенства и предотвращении несправедливой дискриминации 2000 г.[8] обязывает Комиссию следить за осуществлением права на равенство (ст. 25), а Закон о поощрении доступа к информации 2000 г.[9] уполномочивает ее следить за осуществлением законного права граждан на доступ к информации.

разумные законодательные и иные меры в пределах своих доступных ресурсов» для достижения постепенной реализации различных социально-экономических прав, в частности на доступ к жилью (ст. 26), социальное обеспечение, услуги здравоохранения, достаточное питание и воду (ст. 27), а также образование (ст. 29). Ряд социально-экономических прав требуют немедленной реализации — право на базовое образование и социально-экономические права детей (ст. 28 и 29).

4 *Liebenberg S.* Op. cit. P. 65—68.

5 *Horsten D.* The Role Played by the South African Human Rights Commission's Economic and Social Rights Reports in Good Governance in South Africa // Potchefstroom Electronic Law Journal / Potchefstroomse Elektroniese Regsblad. 2006. Vol. 9. No. 2. P. 1—21 ; *Mubangizi J. C.* The Role of National Human Rights Institutions in the Promotion and Protection of Human Rights and South Africa: A Comparative Evaluation // Obiter. 2006. Vol. 27. No. 3. P. 454—469 ; *Murray C.* Human Rights Commission et al: What is the Role of South Africa's Chapter 9 Institutions? // Potchefstroom Electronic Law Journal / Potchefstroomse Elektroniese Regsblad. 2006. Vol. 9. No. 2. P. 1—26.

6 *Lindsnaes B., Lindholt L.* National Human Rights Institutions — Standard Setting and Achievements National Human Rights Institutions // National Human Rights Institutions. Articles and Working Papers: Input into the Discussions on the Establishment and Development of the Functions of National Human Rights Institutions / ed. by B. Lindsnaes, L. Lindholt, K. Yigen. Copenhagen, 2000. P. 30.

7 URL: https://www.gov.za/documents/south-african-human-rights-commission-act (дата обращения: 10.05.2024).

8 URL: https://www.gov.za/documents/promotion-equality-and-prevention-unfair-discrimination-act (дата обращения: 10.05.2024).

9 URL: https://www.gov.za/documents/promotion-access-information-act (дата обращения: 10.05.2024).

Согласно Конституции Комиссия является государственным институтом, способствующим укреплению демократии (ч. 1 ст. 181). Ее члены назначаются Президентом по рекомендации Национального собрания (ч. 4 ст. 193 Конституции) и пользуются определенными гарантиями пребывания в должности (защищены от уголовной и гражданской ответственности при выполнении своих официальных полномочий). Комиссия является независимым органом (ч. 2, 3 ст. 181 Конституции).

В исследованиях отмечается, что в целом Комиссия осуществляет свою деятельность без какого-либо заметного вмешательства со стороны государства и считается одним из наиболее активных национальных правозащитных учреждений[10]. Тот факт, что она имеет статус «А» в Глобальном альянсе национальных правозащитных учреждений[11], означает ее соответствие Принципам, касающимся статуса национальных учреждений, занимающихся поощрением и защитой прав человека (Парижские принципы)[12].

Комиссия осуществляет свою деятельность на постоянной основе и обладает тремя основными полномочиями: поддерживать, защищать и контролировать реализацию прав человека в ЮАР. В частности, Конституция предписывает ей «способствовать поддержанию уважения к правам человека и развитию культуры прав человека». Следовательно, она обязана «содействовать защите, развитию и соблюдению прав человека», а также «контролировать и оценивать соблюдение прав человека» (ч. 1 ст. 184 Конституции). Таким образом, Комиссия играет двойную роль — продвигает и защищает основные права. Что касается первой, то она проводит различные исследования, выполняет просветительскую функцию (организует конференции, семинары и т.п.) и распространяет информацию о правах человека в южноафриканском обществе.

В части содействия защите, согласно национальному законодательству, Комиссия уполномочена разрешать любые споры или предпринимать действия по исправлению любого нарушения или угрозы нарушению основного права путем посредничества, примирения или переговоров (ст. 14 Закона о Южноафриканской комиссии по правам человека 2013 г.). Таким образом, Комиссия уполномочена выполнять квазисудебную роль, рассматривая жалобы о нарушении прав отдельных лиц или группы лиц. Так, например, в ежегодном аналитическом отчете Комиссии «Тенденции 2020—2021 гг.»[13] отмечается, что право на равенство и социально-экономические права (в частности, доступ к медицинским услугам, питанию, воде и социальному обеспечению) по-прежнему входят в пятерку самых распространенных жалоб на нарушение прав человека. Комиссия также отметила

[10] *Beredugo A. J., Viljoen F.* Towards a Greater Role and Enhanced Effectiveness of National Human Rights Commissions in Advancing the Domestic Implementation of Socio-Economic Rights: Nigeria, South Africa and Uganda as Case Studies // Comparative and International Law Journal of Southern Africa. 2015. Vol. 48. No. 3. P. 414.

[11] URL: https://ganhri.org/membership/ (дата обращения: 10.05.2024).

[12] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/paris.shtml (дата обращения: 10.05.2024).

[13] URL: https://www.sahrc.org.za/home/21/files/sahrc%20tar%202020-21%20final.pdf (дата обращения: 11.05.2024).

рост числа жалоб во время пандемии COVID-19, касающихся трудовых отношений, человеческого достоинства, доступа к образованию и жилью. Комиссия подчеркнула, что в этот период особенно сильно пострадали дети из-за закрытия школ, а также приостановки программ школьного питания.

Необходимо отметить, что Комиссия участвовала в судебных процессах по защите прав человека в качестве истца[14]. Она также следит за выполнением судебных решений, направленных на устранение нарушений прав человека. Например, в решении по делу *Minister of Basic Education v Basic Education for All* Верховный апелляционный суд постановил, что каждый учащийся имеет право на учебные материалы[15]. На основании данного решения Комиссия осуществляет контроль доставки учебных материалов во всех провинциях[16].

Кроме того, из всех национальных правозащитных учреждений государств Африки Комиссия обладает наиболее четким и специальным полномочием по контролю реализации социально-экономических прав[17], которое предусмотрено в ч. 3 ст. 183 Конституции. Так, например, согласно данным Комиссии, основной целью контроля и оценки является не просто соблюдение конституционных положений, а (1) определение, в какой степени государственные органы уважают, защищают, поощряют и реализуют права человека; (2) определение обоснованности мер, включая законодательство, подзаконные акты, политику и программы, принятые государственными органами для обеспечения реализации прав человека; (3) выработка рекомендаций, которые обеспечат защиту, развитие и реализацию прав человека[18].

Комиссия рассылает «протоколы» (*protocols*) или вопросники в соответствующие государственные органы для получения информации о прогрессе, достигнутом в области определенных социально-экономических прав. Цель — собрать соответствующую информацию от государственных органов, отвечающих за

---

[14] South Gauteng High Court, Johannesburg. South African Human Rights Commission and Others v Minister of Home Affairs: Naledi Pandor and Others. 41571/12. 28 August 2014. ZAGPJHC 198 ; Kwazulu-Natal High Court, Pietermaritzburg. South African Human Rights Commission v Msunduzi Local Municipality and Others. 8407/2020P. 17 June 2021. ZAKZPHC 35.

[15] Supreme Court of Appeal. Minister of Basic Education v Basic Education for All. 20793/2014. 2 December 2015. ZASCA 198.

[16] Revised Strategic Plan 2020—2025. 31 March 2022. P. 19 // South African Human Rights Commission. URL: https://www.sahrc.org.za/home/21/files/SAHRC%20Revised%20Strategic%20Plan%202020-25.pdf (дата обращения: 10.05.2024).

[17] *Beredugo A. J., Viljoen F.* Towards a Greater Role and Enhanced Effectiveness of National Human Rights Commissions in Advancing the Domestic Implementation of Socio-Economic Rights: Nigeria, South Africa and Uganda as Case Studies // Comparative and International Law Journal of Southern Africa. 2015. Vol. 48. No. 3. P. 414 ; *Couzens M.* An Analysis of the Contribution of the South African Human Rights Commission to Protecting and Promoting the Rights of Children // South African Journal on Human Rights. 2012. Vol. 28. Is. 3. P. 556.

[18] 7th Report on Economic and Social Rights, 2006-2009 // South African Human Rights Commission. URL: https://www.sahrc.org.za/home/21/files/sahrc%20esr%20report%202006-2009.pdf (дата обращения: 10.05.2024).

предоставление услуг в таких сферах, как здравоохранение, водоснабжение, социальное обеспечение, образование, продовольствие и жилье.

Получив ответы, Комиссия проводит их анализ, чтобы определить степень нарушения или реализации конкретного права на основе соответствующих национальных и международных стандартов в области прав человека[19]. Для усиления и подкрепления оценки информации, предоставленной государственными органами, Комиссия также опирается на выводы, сделанные в ходе общественных консультаций, научные работы и отчеты из независимых источников.

На основе предоставленной информации Комиссия делает выводы и дает рекомендации, которые сводятся в единый отчет и выносятся на рассмотрение Национального собрания, а в последующем распространяются среди общественности. Отчеты содержат информацию о прогрессе и (или) проблемах, которые существуют в реализации социально-экономических прав. Их содержание помогает законодательному органу определить, выполняют ли государственные органы свои конституционные обязательства или нет.

Так, например, в 2014 г. Комиссия подготовила основополагающий отчет, обобщающий результаты ее исследований, слушаний и контроля, касающихся права на доступ к достаточному количеству воды и улучшению санитарных условий[20]. В нем отмечалось, что существует ряд системных проблем, с которыми сталкиваются органы государственной власти, оказывающие глубокое воздействие на их способность предоставлять основные услуги, особенно право на воду и санитарные услуги. Эти системные сбои в управлении оказывают серьезное негативное воздействие на уязвимые и маргинализированные группы, такие как женщины и дети.

В 2015 г. был опубликован отчет по расследованию проблем, связанных с правом доступа к жилью и предоставления муниципальных услуг[21]. Комиссия подчеркнула, что право на доступ к жилью подразумевает не только предоставление «кирпичей и строительных конструкций», но и обеспечивает доступ к другим правам, таким как право на здоровье и право на образование[22].

Комиссия направила ряд рекомендаций государственным органам во всех сферах государственного управления, касающихся создания эффективной основы для аварийного и временного жилья, аренды жилья и благоустройства неформальных поселений. Кроме того, Комиссия рекомендовала соответствующим государственным департаментам внедрить надлежащие процессы планирования, контроля и оценки, особенно в отношении бюджетных ассигнований на

---

[19] 7th Report on Economic and Social Rights, 2006—2009.

[20] Report on the Right to Access Sufficient Water and Decent Sanitation, 2014 // South African Human Rights Commission. URL https://www.sahrc.org.za/home/21/files/final%204th%20Proof%204%20 march%20-%20water%20%20Sanitation%20low%20res%20(2).pdf (дата обращения: 10.05.2024).

[21] Investigative Hearing Report: Access to Housing, Local Governance and Service Delivery, 2015 // South African Human Rights Commission. URL: https://sahrc.org.za/home/21/files/Access%20to%20Housing%202015.pdf (дата обращения: 10.05.2024).

[22] Investigative Hearing Report: Access to Housing, Local Governance and Service Delivery, 2015. P. 7—8.

жилье и соответствующие коммунальные услуги[23]. Комиссия также критиковала неспособность органов реализовать правительственную программу по предоставлению бесплатных базовых услуг, таких как водоснабжение, электроснабжение и санитария[24].

Следует также отметить, что Комиссия активно занимается проблемами, связанными с правом на равенство и социально-экономическими правами. Так, в Отчете о равенстве за 2017/2018 гг. она всесторонне рассмотрела вопросы существующего экономического неравенства в ЮАР[25]. В нем подчеркивалось, что экономическое неравенство в обществе напрямую связано с существующей дискриминационной практикой по таким признакам, как раса, пол и инвалидность[26].

Особо подчеркивалась проблема углубления бедности в ЮАР в последние годы и ее воздействие на группы, подвергающиеся традиционно несправедливой дискриминации. По оценке Комиссии, 64 % чернокожего населения живут в бедности, в то время как среди белого населения этот показатель составляет всего 1 %.

В свете этих тенденций Комиссия пришла к выводу, что для устранения бедности и неравенства существует настоятельная необходимость в «радикальных экономических преобразованиях»[27]. В отчете нашли отражение ряд рекомендаций по достижению этой цели, в их числе принятие перераспределительных вариантов фискальной политики и отказ от регрессивных налогов (увеличение налога на добавленную стоимость)[28]. В отчете также рекомендовалось расширить систему социальных пособий, чтобы охватить трудоспособное население, включая безработную молодежь, которые в настоящее время не имеют права на получение социального пособия или социального обеспечения[29].

Еще одна ключевая рекомендация заключалась в том, что существует необходимость внесения изменений в действующее законодательство в сфере занятости, направленных на удовлетворение социально-экономических потребностей определенных групп населения[30].

Другие выводы и рекомендации касались специальных мер, направленных на обеспечение доступа к высшему образованию; улучшения справедливого доступа к жилью и необходимости для частного сектора вносить больший вклад в преобразование рынка труда и экономики в целом.

---

[23] Investigative Hearing Report: Access to Housing, Local Governance and Service Delivery, 2015. P. 89—93.

[24] Investigative Hearing Report: Access to Housing, Local Governance and Service Delivery, 2015. P. 44—46.

[25] Equality Report 2017/18. Achieving substantive economic equality through rights-based radical socio-economic transformation in South Africa, 2018 // South African Human Rights Commission. URL: https://www.sahrc.org.za/home/21/files/sahrc%20equality%20report%202017_18.pdf (дата обращения: 10.05.2024).

[26] Equality Report 2017/18. Achieving substantive economic equality... P. 22.

[27] Equality Report 2017/18. Achieving substantive economic equality... P. 19—20.

[28] Equality Report 2017/18. Achieving substantive economic equality... P. 26—27.

[29] Equality Report 2017/18. Achieving substantive economic equality... P. 27.

[30] Equality Report 2017/18. Achieving substantive economic equality... P. 39.

После выхода отчета Комиссия представила параллельный отчет в Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам[31]. Комиссия просила рекомендовать правительству ЮАР принять к сведению ее рекомендации, содержащиеся также в различных ежегодных отчетах о равенстве.

Представление Комиссии, а также параллельные отчеты гражданского общества, посвященные вопросам экономической справедливости, внесли существенный вклад в Заключительные замечания, которые в итоге были приняты Комитетом ООН по экономическим, социальным и культурным правам и содержали подробные рекомендации по вопросам мобилизации ресурсов, фискальной политики и мер жесткой экономии в ЮАР[32].

Таким образом, очевидно, что специальное полномочие Комиссии по контролю заключается в практическом обеспечении реализации социально-экономических прав на благо всего южноафриканского общества[33].

Кроме того, большинство экспертов, наблюдающих за работой Комиссии, согласны с тем, что она обладает достаточными полномочиями в обеспечении реализации социально-экономических прав. Однако существенное ограничение связано с тем, что ее выводы и рекомендации не являются обязательными[34]. Отмечается, что существует множество примеров, когда государственные органы «не прислушиваются» к выводам и рекомендациям Комиссии, и, возможно, было бы разумно инициировать судебное разбирательство как меру по исправлению нарушений прав человека[35].

Комментируя решение, известное как *Nkandla*[36], Комиссия подчеркнула: Конституционный суд признал, что выводы и рекомендации Общественного защитника, являются обязательными, если только они не отменены судом; это прояснило

---

[31] National Human Rights Institution Report regarding the South African Government's Reply to the List of Issues. Submitted to the United Nations Committee on Economic, Social and Cultural Rights for consideration at the 64th Session, 2018 // URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/documents/issues/civicspace/20anniversary/12.nhri_southafrica.pdf (дата обращения: 10.05.2024).

[32] Concluding Observations on the Initial Report of South Africa, 29 November 2018 // UN CESCR. URL: https://www.ohchr.org/en/documents/concluding-observations/ec12zafco1-concluding-observations-initial-report-south-africa (дата обращения: 10.05.2024).

[33] *Adams R.* The Role of the South African Human Rights Commission in Ensuring State Accountability to Address Poverty Exploring the Link between Poverty and Human Rights in Africa / ed. by D. Ebenezer, G. Mirugi-Mukundi. Pretoria, 2020. P. 265—266.

[34] *Okafor O. C.* The South African Human Rights Commission: A Holistic Assessment // Law, Politics and Rights Essays in Memory of Kader Asmal / ed. by T. Maluwa. Leiden, 2013. P. 164.

[35] *Slade B.* Clarifying the Power of the South African Human Rights Commission to take Steps to Redress the Violation of Human Rights: A Discussion of South African Human Rights Commission v Agro Data // Obiter. 2023. Vol. 44. No. 2. P. 462.

[36] South Africa Constitutional Court. Economic Freedom Fighters v Speaker of the National Assembly and Others ; Democratic Alliance v Speaker of the National Assembly and Others. CCT 143/15 ; CCT 171/15. 31 March 2016. ZACC 11.

Данное дело касалось отказа бывшего президента ЮАР Дж. Зумы подчиниться выводам и рекомендациям, сделанным против него Общественным защитником (т.е. государственным органом, который как и Комиссия, согласно Конституции, способствует укреплению

и подтвердило его полномочия, тем самым повысив авторитет и статус данного органа. Государственные органы вынуждены сотрудничать с ним и принимать меры по выполнению его рекомендаций. Комиссия могла бы принять аналогичную стратегию[37]. Очевидно, что это выражает стремление Комиссии к тому, чтобы ее выводы и рекомендации считались обязательными для исполнения[38].

Однако в решении по делу *South African Human Rights Commission v Agro Data*[39] Высокий суд отклонил этот аргумент, сославшись на то, что конституционные и законодательные полномочия Комиссии отличаются от полномочий Общественного защитника, постановив, что ее рекомендации не являются обязательными для исполнения[40].

Вместе с тем опыт Комиссии демонстрирует определенный потенциал для национальных правозащитных учреждений. Обладая полномочиями по контролю реализации социально-экономических прав, они могут продемонстрировать, каким образом нарушаются права человека и какие существуют в обществе проблемы, требующие решения и принятия мер со стороны государственных органов. Такие органы также могут играть ценную роль в просвещении общества в части социально-экономических прав.

Наконец, наличие защитных полномочий может помочь отдельным лицам и группам получить возмещение за нарушение того или иного права. Справедливо замечание о том, что при осуществлении всех этих полномочий важно, чтобы национальные правозащитные учреждения имели прочную конституционную и нормативную основу для осуществления своей деятельности. В этом отношении Комиссия имеет очевидные преимущества[41].

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Adams R.* The Role of the South African Human Rights Commission in Ensuring State Accountability to Address Poverty Exploring the Link between Poverty and Human Rights in Africa / ed. by D. Ebenezer, G. Mirugi-Mukundi. — Pretoria : Pretoria University Law Press, 2020. — P. 257—277.
2. *Adams R., Adeleke F.* Protecting Information Rights in South Africa: The Strategic Oversight Roles of the South African Human Rights Commission and the

демократии в стране), в связи с использованием государственных средств для оплаты строительства и ремонта его дома.

[37] Annual Trends Analysis Report 2016/2017. P. 59 // South African Human Rights Commission. URL: https://www.sahrc.org.za/home/21/files/sahrc%20trend%20analysis%202016%20-%202017.pdf (дата обращения: 11.04.2024).

[38] *Adams R., Adeleke F.* Op. cit. P. 150.

[39] South Africa Mpumalanga High Court, Mbombela. South African Human Rights Commission v Agro Data CC and Another. 1448/2021. 2 March 2022. ZAMPMBHC 58.

[40] Подробный анализ решения по данному делу см.: *Slade B.* Op. cit.

[41] *Liebenberg S., Slade B.* Applying a Human Rights Lens to Poverty and Economic Inequality: The Experience of the South African Human Rights Commission // Federal Law Review. 2023. Vol. 51. Is. 3. P. 313.

Information Regulator // International Data Privacy Law. — 2020. — Vol. 10. — No. 2. — P. 146—159.
3. *Beredugo A. J., Viljoen F.* Towards a Greater Role and Enhanced Effectiveness of National Human Rights Commissions in Advancing the Domestic Implementation of Socio-Economic Rights: Nigeria, South Africa and Uganda as Case Studies // Comparative and International Law Journal of Southern Africa. — 2015. — Vol. 48. — No. 3. — P. 401—430.
4. *Couzens M.* An Analysis of the Contribution of the South African Human Rights Commission to Protecting and Promoting the Rights of Children // South African Journal on Human Rights. — 2012. — Vol. 28. — Is. 3. — P. 553—585.
5. *Horsten D.* The Role Played by the South African Human Rights Commission's Economic and Social Rights Reports in Good Governance in South Africa // Potchefstroom Electronic Law Journal / Potchefstroomse Elektroniese Regsblad. — 2006. — Vol. 9. — No. 2. — P. 1—21.
6. *Liebenberg S.* Socio-Economic Rights in South Africa's Constitution: Aspirations, Achievements, Disappointments and Lessons // Social Rights and the Constitutional Moment Learning from Chile and International Experiences / ed. by K. C. Magdalena, S. V. Silva, V. Contreras. — Oxford : Hart Publishing, 2023. — P. 61—74.
7. *Liebenberg S., Slade B.* Applying a Human Rights Lens to Poverty and Economic Inequality: The Experience of the South African Human Rights Commission // Federal Law Review. — 2023. — Vol. 51. — Is. 3. — P. 296—314.
8. *Lindsnaes B., Lindholt L.* National Human Rights Institutions — Standard Setting and Achievements National Human Rights Institutions // National Human Rights Institutions. Articles and Working Papers: Input into the Discussions on the Establishment and Development of the Functions of National Human Rights Institutions / ed. by B. Lindsnaes, L. Lindholt, K. Yigen. — Copenhagen : The Danish Centre of Human Rights, 2000. — P. 1—48.
9. *Mtshiselwa N.* A Post-Apartheid Nation in Chains? Relevance of Lucky Dube's Mickey Mouse Freedom in Reconfiguring Forms of Oppression in South Africa Today // Studia Historiae Ecclesiasticae. — 2014. — Vol. 40. — No. 1. — P. 57—76.
10. *Mubangizi J. C.* The Role of National Human Rights Institutions in the Promotion and Protection of Human Rights and South Africa: A Comparative Evaluation // Obiter. — 2006. — Vol. 27. — No. 3. — P. 454—469.
11. *Murray C.* Human Rights Commission et al: What is the Role of South Africa's Chapter 9 Institutions? // Potchefstroom Electronic Law Journal / Potchefstroomse Elektroniese Regsblad. — 2006. — Vol. 9. — No. 2. — P. 1—26.
12. *Okafor O. C.* The South African Human Rights Commission: A Holistic Assessment // Law, Politics and Rights Essays in Memory of Kader Asmal / ed. by T. Maluwa. — Leiden : BRILL, 2013. — P. 157—190.
13. *Slade B.* Clarifying the Power of the South African Human Rights Commission to take Steps to Redress the Violation of Human Rights: A Discussion of South African Human Rights Commission v Agro Data // Obiter. — 2023. — Vol. 44. — No. 2. — P. 459—470.
14. *Sunstein C. R.* Social and Economic Rights? Lesson from South Africa // Constitutional Forum. — 2000/2001. — Vol. 11. — No. 4. — P. 123—132.

Исламская концепция прав человека: попытка совмещения шариата с универсальными стандартами

Наталия Владимировна ВАРЛАМОВА,
ведущий научный сотрудник сектора прав человека Института государства и права Российской академии наук, кандидат юридических наук, доцент
varlam_n@list.ru
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Аннотация. *Исламская концепция прав человека представляет собой своеобразный ответ на их светские трактовки, прежде всего выраженные в международно-правовых документах, и призвана обосновать допустимость прав человека в той или иной мере, исходя из требований шариата. Данные идеи отчетливо выражены в исламских декларациях прав человека. Хотя исламские правоведы и утверждают, что они лишь дополняют Всеобщую декларацию прав человека, учитывая религиозную и культурную специфику мусульманских стран, совпадение формулировок провозглашаемых прав не должно вводить в заблуждение, поскольку за этим скрываются различия на уровне принципиальных подходов. Права человека в исламе рассматриваются не только как производные от воли Аллаха, которой мусульманин всецело подчинен, но и как призванные выполнять «исламскую функцию», т.е. их реализация допускается, лишь если она направлена на сохранение и упрочение устоев ислама.*

Ключевые слова: *права человека, ислам, исламская концепция прав человека, шариат, исламские декларации прав человека*

DOI: 10.17803/2311-5998.2024.123.11.172-181

Natalia V. VARLAMOVA,
Leading Research Fellow of the Human Rights Department, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Cand. Sci. (Law), Associate Professor
varlam_n@list.ru
10, ul. Znamenka, Moscow, Russia, 119019

The Islamic Concept of Human Rights: An Attempt to Combine Sharia with Universal Standards

Abstract. *The Islamic concept of human rights is a peculiar response to their secular interpretations, primarily expressed in international legal documents, and is designed to justify the admissibility of human rights, to a greater or lesser extent, based on the requirements of the Sharia. These ideas are clearly expressed in Islamic declarations of human rights. Although Islamic jurists claim that they merely supplement the Universal Declaration of Human Rights, taking into account the religious and cultural specifics of Muslim countries, the coincidence of the wording of the rights proclaimed should not mislead, as it hides differences at the level of principled approaches. Human*

© Варламова Н. В., 2024

rights in Islam are considered not only as derived from the will of Allah, to which a Muslim is fully subordinated, but also as called to fulfill the "Islamic function", i.e. their realization is allowed only if it is aimed at preserving and strengthening the foundations of Islam.
Keywords: *human rights, Islam, Islamic concept of human rights, Sharia, Islamic declarations of human rights*

Исламское правоведение обратилось к проблематике прав человека относительно недавно, в середине XX в., в связи с принятием Всеобщей декларации прав человека[1] и необходимостью обосновать исламское ви́дение прав человека в сопоставлении с западными концепциями, что было обусловлено той ролью, которую права человека стали играть в международных отношениях, и интеграцией мусульманских государств в глобальный миропорядок[2].

В определенной мере это стало продолжением общей тенденции проникновения западного влияния в мусульманский мир, что вызвало стремление к переосмыслению основ традиционной правовой системы и обновлению исламской правовой теории, с тем чтобы примирить гуманистические представления с императивами религиозных первоисточников посредством их «современного прочтения»[3]. Исламскими правоведами стали выдвигаться новые доктрины, направленные на учет общих интересов и личных потребностей мусульман в изменившихся социальных условиях[4].

Шесть исламских государств (Египет, Ливан, Пакистан, Саудовская Аравия, Сирия, Турция) участвовали в разработке и принятии Всеобщей декларации прав человека[5]. В ходе обсуждения их представители заявляли, что, хотя Декларация и основывается на представлениях, свойственных западной культуре, она в целом не противоречит ценностям и традициям восточных обществ[6]. Наибольшую обеспокоенность исламских государств вызвала провозглашенная в ст. 18 Декларации

---

1 Принята Резолюцией 217 A (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948 // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 30.05.2024).

2 См.: *Сюкияйнен Л. Р.* Ислам и права человека в диалоге культур и религий. М. : Садра, 2014. С. 10, 56—59, 188 ; *Его же.* Исламское право и диалог культур в современном мире. М., 2021. С. 347, 379—381.

3 См.: *Халляк В.* История исламских теорий права: введение в суннитскую теорию права / пер. с англ. И. А. Царегородцевой ; под науч. ред. И. Л. Алексеева. М., 2020. С. 337, 415, 409.

4 См.: *Халляк В.* Указ. соч. С. 333—419.

5 См.: Universal Declaration of Human Rights. Paris, 10 December 1948. Selected preparatory documents (In chronological order) // Audiovisual Library of International Law. URL: https://legal.un.org/avl/ha/udhr/udhr.html (дата обращения: 30.05.2024).

6 См.: позиции Саудовской Аравии (A/C.3/SR.91), Ливана (A/C.3/SR.91), Пакистана (A/C.3/SR.90), Сирии (A/C.3/SR.91, A/PV.183) и Турции (A/C.3/SR.93) // Universal Declaration of Human Rights. Paris, 10 December 1948. Selected preparatory documents (In chronological order).

свобода изменять религию как составляющая свободы религии[7]. Исследователи полагают, что именно из-за данного положения Саудовская Аравия воздержалась при итоговом голосовании за текст Декларации[8]. Сегодня из 57 государств — членов Организации исламского сотрудничества 50 являются участниками Международного пакта о гражданских и политических правах и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах[9].

Их исламская концепция, как и иные религиозные учения о правах человека, представляет собой своеобразный ответ на светские трактовки прав человека, прежде всего выраженные в международно-правовых документах, солидаризуясь с ними в отдельных аспектах и (или) противопоставляя им свое ви́дение взаимоотношений людей между собой и с властью[10].

Для разработки исламской концепции прав человека «используются традиционные для исламской юридической науки понятия и категории»[11]. По сути, речь идет о том, чтобы «вписать» права человека в исламскую религиозную доктрину, обосновать их допустимость в той или иной мере, исходя из шариата. Шариат — та часть исламской религиозной системы, которую образуют обращенные к людям предписания, установленные Аллахом и переданные им через Пророка Мухаммада. Их источником являются Коран и Сунна Пророка. Предписания шариата охватывают религиозную догматику, исламскую этику и так называемые практические нормы, регулирующие внешнее поведение мусульман, в том числе в мирской сфере — между собой, с властью, с иноверцами. Такие нормы составляют собственно нормативную часть содержания шариата. В исламской традиции шариат рассматривается как универсальная система социального регулирования, охватывающая практически все сферы поведения человека и отвечающая условиям любой эпохи. Такая универсальность шариата обеспечивается посредством особой деятельности (иджтихада), направленной на толкование чрезмерно общих или многозначных положений Корана и Сунны Пророка, а также на формулирование на их основе правил поведения в случае «молчания» священных текстов относительно той или иной конкретной ситуации. Эта деятельность и ее результат образуют фикх — науку о нормативной стороне шариата и одновременно самих правилах внешнего поведения, «извлеченных» из Корана и Сунны.

---

[7] См.: Third Committee of the General Assembly, Summary records of meeting No. 182 // Universal Declaration of Human Rights. Paris, 10 December 1948. Selected preparatory documents (In chronological order).

[8] См.: *Humphrey J. P.* Human Rights and the United Nations. Dobbs Ferry ; New York, 1984. P. 73.

[9] См.: Multilateral Treaties Deposited with the Secretary-General. Chapter IV. Human Rights. Status of Treaties. United Nations Treaty Collection // URL: https://treaties.un.org/Pages/Treaties.aspx?id=4&subid=A&clang=_en (дата обращения: 30.05.2024).

[10] См.: *Сюкияйнен Л. Р.* Современные религиозные концепции прав человека: сопоставление теологического и юридического подходов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 3. С 8—9 ; *Его же.* Ислам и права человека в диалоге культур и религий. С. 81—82 ; *Его же.* Исламское право и диалог культур в современном мире. С. 396—397.

[11] *Сюкияйнен Л. Р.* Ислам и права человека в диалоге культур и религий. С. 18 ; *Его же.* Исламское право и диалог культур в современном мире. С. 352.

Фикх фактически осуществляет перевод религиозно-этических постулатов Корана и Сунны на язык практических норм, регулирующих мирские взаимоотношения людей, претворяя в них смысл шариата и его общую направленность[12].

Права человека в исламе рассматриваются не только как производные от воли Аллаха, которой мусульманин всецело подчинен[13], и предоставленные шариатом[14] (что совершенно естественно и типично для любых религиозных концепций), но и как призванные выполнять «исламскую функцию»[15], т.е. их реализация допускается, только если она направлена на «сохранение и упрочение устоев ислама»[16]. Индивидуальная свобода в исламе ограничена не свободой других лиц, а запретами шариата, которые рассматриваются здесь как часть публичного порядка и воспринимаются как высшая божественная справедливость[17].

В статусе мусульманина первичны обязанности. «Показательно, — отмечает Л. Р. Сюкияйнен, — что для обозначения правоспособного лица в исламе используется термин “мукаллаф”, т.е. “обремененный”, “тот, на кого что-либо возложено”». Это «бремя» — «ответственность перед Аллахом не только за исполнение обязанностей, но и за должное использование предоставленных прав в рамках шариата»[18].

Данные идеи отчетливо выражены в исламских декларациях прав человека. Так, в преамбуле Всеобщей исламской декларации прав человека от 19.09.1981[19] отмечается, что соответствующие права, предписанные исламом, будут обеспечиваться мусульманами, верующими в свою обязанность установить исламский

---

[12] Подробнее см.: *Сюкияйнен Л. Р.* Исламское право: взаимодействие юридического и религиозного начал // Ежегодник либертарно-юридической теории. Вып. 1. М., 2007. С. 97—102 ; *Его же.* Взаимодействие исламской и европейской правовых культур: современный опыт // Ежегодник либертарно-юридической теории. Вып. 2 / сост. В. А. Четвернин. М., 2009. С. 172 ; *Его же.* Исламское право и диалог культур в современном мире. С. 31—99 ; *Мухаммад Бакир ас-Садр*. История ‘илм аль-усул / пер. А. Ежовой. М., 2009.

[13] «В этой религии права людям даются их Творцом — Аллахом». Аллах «лучше знает, какой быть Вселенной, которую Сам создал, и как жить человеку, которого Он сотворил и поставил Своим наместником на земле» (*Мухаммад Сādик Мухаммад Йӯсуф*. Права человека в исламе. СПб., 2008. С. 269).

[14] См.: *Сюкияйнен Л. Р.* Ислам и права человека в диалоге культур и религий. С. 15, 17—18, 21 ; *Его же.* Исламское право и диалог культур в современном мире. С. 350—352, 354.

[15] *Сюкияйнен Л. Р.* Ислам и права человека в диалоге культур и религий. С. 40 ; *Его же.* Исламское право и диалог культур в современном мире. С. 368.

[16] *Сюкияйнен Л. Р.* Ислам и права человека в диалоге культур и религий. С. 43. *Его же.* Исламское право и диалог культур в современном мире. С. 370.

[17] См.: *Сюкияйнен Л. Р.* Ислам и права человека в диалоге культур и религий. С. 61, 64—65 ; *Его же.* Исламское право и диалог культур в современном мире. С. 382, 384—385.

[18] *Сюкияйнен Л. Р.* Ислам и права человека в диалоге культур и религий. С. 21 ; *Его же.* Исламское право и диалог культур в современном мире. С. 354.

[19] Всеобщая исламская декларация прав человека. Принята по инициативе Исламского совета Европы и зачитана 19 сентября 1981 г. в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже генеральным секретарем Исламского совета Салемом Аззамом // URL: dmedina.ru/books/history_culture/minaret/16/declaracia-01.htm (дата обращения: 30.05.2024).

порядок, в также в то, что их обязанности превалируют над их правами и что каждый из них имеет священное право распространять наставления ислама словами, делами и всеми мирными средствами и внедрять их не только в свою собственную жизнь, но и в общество, которое его окружает.

Каирская декларация о правах человека в исламе от 05.08.1990[20] в п. «а» ст. 1 закрепляет равенство людей «в основополагающем человеческом достоинстве и основополагающих обязательствах и обязанностях» и одновременно устанавливает, что все изложенные в ней права и свободы регулируются исламским шариатом (ст. 24), который является единственным источником для толкования и разъяснения любой из статей Декларации (ст. 25). Сами мусульмане полагают, что Каирская декларация, как заявил посол Пакистана на праздновании Дня прав человека в 2007 г., «не является альтернативным, конкурирующим мировоззрением в области прав человека. Она дополняет Всеобщую декларацию, учитывая религиозную и культурную специфику мусульманских стран»[21].

Однако Каирская декларация подвергалась серьезной критике в связи с тем, что она ориентирована на следование нормам шариата, а не универсальным стандартам в области прав человека. В частности, в Резолюции Парламентской ассамблеи Совета Европы 2253 (2019) от 12.01.2019 «Шариат, Каирская декларация и Европейская конвенция о правах человека»[22] отмечалось, что различные исламские декларации о правах человека, в том числе и Каирская декларация 1990 г., имеют, скорее, религиозный, чем юридический характер и неспособны примирить ислам с универсальными правами человека, особенно с учетом того, что шариат признается их единственным источником.

Парламентская ассамблея выразила озабоченность тем, что три государства — члена Совета Европы — Албания, Азербайджан и Турция, а также Иордания, Кыргызстан, Марокко и Палестина, чьи парламенты пользуются статусом демократических партнеров Ассамблеи, прямо или косвенно одобрили Каирскую

---

[20] Resolution No. 49/19-P On The Cairo Declaration on Human Rights in Islam at the 19th Conference of Foreign Ministers of the Organization of the Islamic Conference (OIC) held in Cairo (Egypt) on 31 July — 5 August 1990 // The Organization of Islamic Conference. URL: https://capro.info/wp-content/uploads/2017/01/organization_of_islamic_cooperation-The_Cairo _Declaration_on_Human_Rights_in_Islam.pdf (дата обращения: 30.05.2024).

[21] General Assembly. Human Rights Council. Promotion and Protection of All Human Rights, Civil, Political, Economic, Social and Cultural Rights, Including the Right to Development. Joint written statement submitted by the International Humanist and Ethical Union (IHEU), a non-governmental organization in special consultative status, the Association for World Education (AWE) and the Association of World Citizens (AWC), non-governmental organizations on the Roster. A/HRC/7/NGO/96. 4 March 2008 // United Nations Human Rights. Office of the High Commissioner for Human Rights. URL: https://ap.ohchr.org/documents/ dpage_e.aspx?si=a/hrc/7/ngo/96 (дата обращения: 30.05.2024).

[22] Council of Europe. Parliamentary Assembly. Resolution 2253 (2019) Sharia, the Cairo Declaration and the European Convention on Human Rights. Text adopted by the Assembly on 22 January 2019 (4th Sitting) // Council of Europe. Parliamentary Assembly. URL: https://assembly.coe.int/nw/xml/xref/xref-xml2html-en.asp?fileid=25353 (дата обращения: 30.05.2024).

декларацию 1990 г. (п. 4). Ассамблея призвала государства — члены Совета Европы защищать права человека независимо от религиозных или культурных практик и традиций, руководствуясь принципом, что там, где затрагиваются права человека, не может быть религиозных или культурных исключений (п. 9), а также дистанцироваться от Каирской декларации путем выхода из нее либо принятия официального акта или иных мер, обеспечивающих, чтобы Декларация не влияла на их правовые системы и их обязательства в соответствии с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод[23] (п. 12).

Кроме того, Ассамблея рекомендовала государствам участвовать в процессе пересмотра Каирской декларации, инициированном Организацией исламского сотрудничества, с тем чтобы обеспечить совместимость будущей Декларации с универсальными стандартами в области прав человека и Европейской конвенцией (п. 11.4).

Процесс пересмотра Каирской декларации начался в 2010-х гг. и был завершен принятием 28.11.2020 Каирской декларации Организации исламского сотрудничества о правах человека[24]. Разработчики новой Декларации стремились, насколько это возможно с учетом требований ислама, согласовать ее положения с международными актами о правах человека. Выдвигались также предложения о замене Декларации исламской хартией прав человека — многосторонним международным договором с контрольным механизмом, аналогичным предусмотренному Международными пактами о правах человека, но от этого замысла отказались.

Каирская декларация 2020 г. содержит более современные и соответствующие международным стандартам (прежде всего — Всеобщей декларации прав человека) формулировки конкретных прав, но в целом ее исходный посыл остается прежним и изменения во многом носят ритуальный характер. Преамбула Декларации провозглашает, что в основе концепции прав человека должны лежать «ценности справедливости, равенства и мира исламской цивилизации», права и свободы будут обеспечиваться и защищаться «в соответствии с исламскими ценностями и принципами», и государства согласились соблюдать ее положения «без ущерба для принципов ислама, которые утверждают человеческое достоинство, уважение и защиту прав человека».

Аналогичным образом п. «a» ст. 25 Декларации устанавливает, что каждый имеет право осуществлять права и свободы, предусмотренные в ней, «без ущерба для принципов ислама и национального законодательства». Упоминание о шариате было убрано из статей, посвященных конкретным правам, а в преамбуле заменено на «ценности и принципы ислама», но эти понятия столь же неопределенны, как и «нормы и требования шариата», а установление в качестве основания ограничения прав не только принципов ислама, но и предписаний

[23] Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (ETS No. 005) // Council of Europe. Treaty Office. URL: https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treatynum=005 (дата обращения: 30.05.2024).

[24] The Cairo Declaration of the Organization of Islamic Cooperation on Human Rights // Organization of Islamic Cooperation. URL: http://oic-iphrc.org/ckfinder/userfiles/files/final%20ohrd%20clean%20%20version%2024_12_2020.pdf (дата обращения: 30.05.2024).

национального законодательства[25] даже усиливает возможности государств обеспечивать провозглашенные в Декларации права в той мере, в какой им это представляется целесообразным. При этом национальное право всех мусульманских стран основывается на шариате. Например, в ст. 26 Основного Низама Королевства Саудовская Аравия[26] закрепляется, что государство защищает права человека в соответствии с шариатом.

Декларация ОИС о правах человека 2020 г. предусматривает, что ее положения не могут быть истолкованы таким образом, чтобы это подрывало права и свободы, гарантируемые национальным законодательством государств-участников, и их обязательства по международным и региональным договорам о правах человека, а также их суверенитет и территориальную целостность (п. «b» ст. 25). Данное положение опять-таки позволяет государствам по своему усмотрению определять объем защиты, предоставляемой правам человека, но не исключает и выбор в пользу универсальных стандартов.

Однако на международном уровне исламские страны обычно используют риторику прав человека исключительно в своих интересах, в частности, они активно обращаются к ней для защиты прав мусульманских меньшинств в других государствах, но не спешат предоставлять соответствующие гарантии немусульманским меньшинствам, проживающим на их территории[27].

Исследователи подчеркивают, что совпадения формулировок прав человека в универсальных международно-правовых актах и конституциях западных стран с положениями документов, принятых в исламском мире, даже если они и не содержат специальных оговорок, аналогичных указанным выше (их, например, практически нет в Арабской хартии прав человека от 22.05.2004[28]), «не должно вводить в заблуждение и служить основанием для вывода об их сходстве по

---

[25] Отсылки к национальному законодательству содержатся и в целом ряде статей, посвященных конкретным правам (ст. 4 — праву на свободу и безопасность, ст. 5 — защите семьи и брака, ст. 6 — правам женщин, ст. 11 — свободе передвижения, ст. 14 (п. «e») — праву на объединение в профсоюзы, ст. 19 — защите частной жизни, ст. 20 — свободе мысли, совести и религии).

[26] См.: The Basic Law of Governance. Royal Decree № A/90 of 1 March 1992 // The Embassy of the Kingdom of Saudi Arabia. URL: https://www.saudiembassy.net/basic-law-governance (дата обращения: 30.05.2024).

[27] Подробнее историю разработки и принятия Каирской декларации ОИС о правах человека и анализ ее содержания см.: *Mohammad Hossein Mozaffari*. OIC Declaration on Human Rights: Changing the Name or a Paradigm Change? December 2020 // Raoul Wallenberg Institute. URL: https://rwi.lu.se/pyramid-publications/oic-declaration-on-human-rights-changing-the-name-or-a-paradigm-change/ (дата обращения: 30.05.2024) ; *Idem*. From Separation to Re-Engagement: The OIC Revised Declaration on Human // The Journal of Human Rights. 2022. Vol. 16. No. 2 (32). P. 111—134 ; *Turan Kayaoglu*. The Organization of Islamic Cooperation's Declaration on Human Rights: Promises and Pitfalls. September 28, 2020 // Brookings. URL: https://www.brookings.edu/articles/the-organization-of-islamic-cooperations-declaration-on-human-rights-promises-and-pitfalls/ (дата обращения: 30.05.2024).

[28] См.: Arab Charter on Human Rights adopted on 22 May 2004 // Unite Nations. Digital Library. URL: https://digitallibrary.un.org/record/551368?ln=en (дата обращения: 30.05.2024).

существу, поскольку за внешней идентичностью скрываются различия на уровне принципиальных подходов»[29].

Так, в отличие от западного восприятия прав человека как средства защиты индивидуальной свободы от произвола государства, в исламской традиции власть рассматривается в качестве главного исполнителя воли Аллаха, в том числе и по претворению в жизнь прав человека[30]. Например, в Основном Низаме Королевства Саудовская Аравия большинство прав человека формулируются через обязанности государства (гл. 5).

Принцип равноправия в мусульманских странах в полной мере действует только в отношении мужчин, исповедующих ислам, и никогда не распространяется до признания равенства прав мужчины и женщины, мусульман и немусульман[31]. Напротив, исламские теоретики прав человека находят биологические основания для различия в правовом положении мужчин и женщин[32], утверждают превосходство приверженцев ислама над людьми иного вероисповедания[33]. В подавляющем большинстве исламских стран (как монархий, так и республик) на конституционном уровне закрепляется, что главой государства может быть только мужчина-мусульманин. Это требование следует из выводов традиционного фикха, который исключает подчинение правоверных власти немусульманина. Исламское право также запрещает женщине занимать в государственном аппарате должности, предполагающие обладание «общими полномочиями». Это установление до настоящего времени вызывает серьезные разногласия между исламскими правоведами относительно того, может ли женщина быть депутатом парламента и осуществлять функции судьи[34].

Шариат упоминается в Хартии лишь однажды: «Мужчины и женщины равны в отношении человеческого достоинства, прав и обязанностей в рамках позитивной дискриминации, установленной в пользу женщин исламским шариатом, другими божественными законами, а также применимыми законами и правовыми инструментами» (ч. 3 ст. 3).

[29] *Сюкияйнен Л. Р.* Ислам и права человека в диалоге культур и религий. С. 120 ; *Его же.* Исламское право и диалог культур в современном мире. С. 422.

[30] См.: *Бехруз Х.* Исламские традиции права. Одесса, 2006. С. 212—213.

[31] См.: *Сапронова М. А.* Высшие органы государственной власти арабских республик. М. : АСТ, 2007. С. 153—154.

[32] См.: *Мухаммад аль-Газали.* Права человека в исламе. М., 2006. С. 64—89.
В частности, «ислам считает, что женщина не обладает всеми необходимыми качествами для управления государством, и запрещает мусульманам избрание ее на высший пост. Известно, что Пророк (мир ему и благословение Аллаха), услышав, что персы избрали дочь умершего царя своим правителем, сказал: “Народ, вверивший свои дела женщине, не преуспеет никогда” (хадис от аль-Бухари)» (там же. С. 69).

[33] «Вы были лучшей из общин, которая выведена пред людьми: вы приказывали одобряемое и удерживали от неодобряемого и веровали в Аллаха. А если бы уверовали обладатели Писания, было бы лучше для них...» Коран Сура 3 «Аль-Амран» (Семейство Имрана»), аят 106. Цит. по: *Бехруз Х.* Указ. соч. С. 215.

[34] См.: *Сюкияйнен Л. Р.* Взаимодействие исламской и европейской правовых культур: современный опыт. С. 179, 181.

Гарантируемая конституциями мусульманских стран свобода не предполагает возможность критиковать ценности и догматы ислама[35]. Свобода вероисповедания не простирается до вероотступничества (права отказаться от ислама); это рассматривается как тягчайшее преступление, караемое смертью. Оно «справедливо приравнивается к государственной измене, и противодействие ему является священным долгом религии»[36]. Исламские богословы поясняют, что ислам касается всех устоев общества. Поэтому вероотступничество «совершенно не совместимо со стабильностью общества» и государство не может «мириться с тем, что вероотступник своими речами и действиями сеет смуту и беспорядки или по меньшей мере не признает ислам как религию». Ведь «ни одно государство не может быть порицаемо за жесткую позицию в отношении мятежников, действия которых представляют опасность для его существования»[37]. Личная свобода, свобода слова, религиозных убеждений в мусульманских странах трактуются прежде всего как «гарантия незыблемости именно исламских ценностей»[38].

Таким образом, несмотря на формирование «достаточно развернутой концепции прав человека в исламе» как самостоятельного направления современной исламской правовой мысли[39], идея прав человека не является имманентной исламу, обращение к ней было вынужденным, и выработанные конструкции носят во многом искусственный характер, являясь адаптацией традиционных догматов для обоснования допустимости для мусульманина тех или иных вариантов поведения, соответствующих общепризнанным правам человека[40].

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бехруз Х.* Исламские традиции права. — Одесса : Юридична література, 2006. — 296 с.
2. Мухаммад *аль-Газали.* Права человека в исламе. — М. : Андалус, 2006. — 168 с.
3. *Мухаммад Бакир ас-Садр*. История ‘илм аль-усул / пер. А. Ежовой. — М. : Исток, 2009. — 144 с.
4. *Мухаммад Сādик Мухаммад Йӯсуф*. Права человека в исламе. — СПб. : Диля, 2008. — 288 с.

---

[35] См.: *Сюкияйнен Л. Р.* Исламский взгляд на свободу и равенство: юридическое закрепление и религиозно-этические границы // Всеобщая декларация прав человека: Универсализм и многообразие опытов. М., 2009. С. 79—80.

[36] *Мухаммад аль-Газали*. Указ. соч. С. 51.

[37] *Мухаммад аль-Газали*. Указ. соч. С. 51.

[38] *Сюкияйнен Л. Р.* Исламский взгляд на свободу и равенство: юридическое закрепление и религиозно-этические границы. С. 87.

[39] См.: *Сюкияйнен Л. Р.* Ислам и права человека в диалоге культур и религий. С. 117 ; *Его же.* Исламское право и диалог культур в современном мире. С. 420—421.

[40] См.: *Сюкияйнен Л. Р.* Ислам и права человека в диалоге культур и религий. С. 29—49 ; *Его же.* Исламское право и диалог культур в современном мире. С. 360—374 ; *Мухаммад Сādик Мухаммад Йӯсуф*. Указ. соч.

5. *Сапронова М. А.* Высшие органы государственной власти арабских республик. — М. : АСТ: Восток-Запад, 2007. — 473 с.
6. *Сюкияйнен Л. Р.* Взаимодействие исламской и европейской правовых культур: современный опыт // Ежегодник либертарно-юридической теории. — Вып. 2 / сост. В. А. Четвернин. — М. : Государственный университет — Высшая школа экономики, 2009. — С. 171—188.
7. *Сюкияйнен Л. Р.* Ислам и права человека в диалоге культур и религий. — М. : Садра, 2014. — 212 с.
8. *Сюкияйнен Л. Р.* Исламский взгляд на свободу и равенство: юридическое закрепление и религиозно-этические границы // Всеобщая декларация прав человека: универсализм и многообразие опытов. — М. : Институт государства и права РАН, 2009. — С. 74—90.
9. *Сюкияйнен Л. Р.* Исламское право: взаимодействие юридического и религиозного начал // Ежегодник либертарно-юридической теории. — Вып. 1 / сост. В. А. Четвернин. — М. : Теис, 2007. — С. 97—106.
10. *Сюкияйнен Л. Р.* Исламское право и диалог культур в современном мире. — М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. — 684 с.
11. *Сюкияйнен Л. Р.* Современные религиозные концепции прав человека: сопоставление теологического и юридического подходов // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2012. — № 3. — С. 7—28.
12. *Халляк В.* История исламских теорий права: введение в суннитскую теорию права / пер. с англ. И. А. Царегородцевой ; под науч. ред. И. Л. Алексеева. — М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. — 464 с.
13. *Mohammad Hossein Mozaffari*. From Separation to Re-Engagement: The OIC Revised Declaration on Human // The Journal of Human Rights. — 2022. — Vol. 16. — No. 2 (32). — P. 111—134.
14. *Mohammad Hossein Mozaffari*. OIC Declaration on Human Rights: Changing the Name or a Paradigm Change? December 2020 // Raoul Wallenberg Institute. — URL: https://rwi.lu.se/pyramid-publications/oic-declaration-on-human-rights-changing-the-name-or-a-paradigm-change/ (дата обращения: 30.05.2024).
15. *Humphrey J. P.* Human Rights and the United Nations. — Dobbs Ferry ; New York : Transnational Publishers, 1984. — 339 p.
16. *Turan Kayaoglu*. The Organization of Islamic Cooperation's Declaration on Human Rights: Promises and Pitfalls. September 28, 2020 // Brookings. — URL: https://www.brookings.edu/articles/the-organization-of-islamic-cooperations-declaration-on-human-rights-promises-and-pitfalls/ (дата обращения: 30.05.2024).

Ольга Юрьевна ЧУЛАКОВА,
заместитель директора Правового департамента Министерства здравоохранения Российской Федерации, соискатель ученой степени кандидата юридических наук кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
olyapik@mail.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Анализ международной и зарубежной практики регулирования правового статуса технологического брокера

Аннотация. *В статье рассмотрен правовой статус технологического брокера в контексте международной и зарубежной практики. В условиях набирающего обороты технологического прогресса и усиления роли инноваций для развития экономики каждой страны все большее значение и актуальность приобретает функция технологического брокера как фигуры, выступающей в интересах как разработчиков технологий, так и их пользователей. При этом правовой статус этих субъектов правоотношений в настоящее время является неопределенным.*

Анализ зарубежной практики показывает различия в подходах к регулированию деятельности технологических брокеров в разных странах. Важными аспектами являются соблюдение интеллектуальных прав, защита интеллектуальной собственности и конфиденциальности, а также необходимость адаптации правового регулирования к разным правовым системам с учетом необходимости встраивания технологического брокера в правоотношения, возникающие в ходе трансфера технологий. При этом подходы к регулированию деятельности технологических брокеров зависят от специфики законодательства, направленного на поддержку инноваций и защиту интеллектуальной собственности. Для успешного функционирования законодательства в области технологического брокериджа требуется последовательная работа по созданию единой правовой среды, которая будет учитывать интересы всех участников данного рынка и обеспечивать условия для их деятельности.

Ключевые слова: *технологический брокер, правовой статус, международное регулирование, инновации, интеллектуальная собственность, коммерциализация технологий*

DOI: 10.17803/2311-5998.2024.123.11.182-189

© Чулакова О. Ю., 2024

Olga Y. CHULAKOVA,
Deputy Director of the Legal Department
Ministry of Health of the Russian Federation,
Applicant of the Department of Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
olyapik@mail.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Analysis of International and Foreign Practice of Regulating the Legal Status of a Technology Broker

Abstract. *This article examines the legal status of a technology broker in the context of international and foreign practice. In the context of increasing technological progress and the increasing role of innovation for the development of the economy of each country, the function of a technology broker as a figure acting in the interests of both technology developers and their users is becoming increasingly important and relevant. At the same time, the legal status of these subjects of legal relations is currently uncertain. A comparative analysis of foreign practice shows differences in approaches to regulating the activities of technology brokers in different countries. Important aspects are the observance of intellectual rights, protection of intellectual property and confidentiality, as well as the need to adapt legal regulation to different legal systems, taking into account the need to integrate a technology broker into legal relations arising during technology transfer.*
At the same time, approaches to regulating the activities of technology brokers depend on the specifics of legislation aimed at supporting innovation and protecting intellectual property. For the successful functioning of legislation in the field of technology brokerage, consistent work is required to create a unified legal environment that will take into account the interests of all participants in this market and provide conditions for their activities.
Keywords: *technology broker, legal status, international regulation, innovation, intellectual property, technology commercialization*

Одной из ключевых задач развития экономики государства и его регионов является изучение влияния технологических достижений на инновационное развитие. Как справедливо отмечается в литературе, человечество сегодня переживает последствия «третьей компьютерной революции», когда компьютерные системы стали сами создавать охраняемые результаты[1].

Право (и в особенности гражданское право) сталкивается с новыми вызовами, связанными с развитием технологий в целом, с появлением и развитием технологий, использующих так называемый искусственный интеллект, что неизбежно вызывает появление новых субъектов правоотношений, к которым следует

[1] *Ершова И. В., Сушкова О. В.* Legaltech в сфере предпринимательской деятельности. М., 2023. С. 18.

отнести и технологических брокеров — субъектов правоотношений, возникающих в ходе трансфера технологий.

Качество технологического трансфера как процесса, непосредственно влияющего на развитие экономики государства, находится в прямой зависимости от профессионального уровня как технологических брокеров, так и других специалистов, работающих на стыке науки и бизнеса, обеспечивающих взаимодействие между владельцами интеллектуальной собственности и потребителями инновационных товаров и услуг. В условиях динамичного развития высоких технологий возрастает роль экспертов, осуществляющих брокерские услуги в сфере инновационной деятельности. Однако правовое регулирование их профессиональной деятельности в России находится сегодня на стадии зарождения.

В центре проблем, связанных с недостаточным развитием механизмов передачи знаний и технологий от их создателей к потребителям стоят и недоверие участников возникающих правоотношений друг к другу, и недостаточно четкое понимание возможностей и преимуществ грамотного системного взаимодействия друг с другом в области передачи знаний, и недостаточное развитие правового регулирования в указанной сфере.

Изучение и анализ зарубежного и международного опыта в связи с этим имеет большое значение, в том числе с учетом того, что технологический трансфер можно считать процессом транснациональным, а деятельность специализированных посредников — связующим звеном между создателями, разработчиками тех или иных технологий и их потребителями.

При этом анализ исследований данного явления показывает, что большинство из них относится прежде всего к экономической теории. Исследований в части правового регулирования статуса технологического брокера ничтожно мало.

Поиск зарубежных источников показал, что использование термина «технологический брокер» (technology broker) не всегда дает необходимый результат, что, по-видимому, может объясняться его региональным аспектом: источники, в которых используется указанный термин, являются большей частью восточноевропейскими. Зарубежные исследования также оперируют понятиями «трансфер инноваций» (innovation transfer), «инновационный посредник» (innovation intermediaries), «содействие инновациям» (innovation facilitation).

Анализ зарубежных исследований позволяет сделать следующий вывод: всеми исследователями без исключения на протяжении нескольких десятилетий признается, что для обеспечения технологического трансфера как на межгосударственном (межнациональном) уровне, так и внутри одной страны необходимо эффективное функционирование специализированного посредника, обладающего обширной информацией о достижениях науки, о потребностях в технологических решениях предприятий разных отраслей, о тенденциях технологического развития, мировых и национальных стратегиях национального развития и о возможностях, предоставляемых правовым регулированием отдельных стран, включая помощь в лицензировании/патентовании технологий и выходе на новые рынки.

Степень успешности деятельности технологического брокера, таким образом, во многом зависит от его способности быстро ориентироваться в международных правовых и коммерческих условиях и изменениях в них. Как справедливо отмечает А. А. Молдован, технологические брокеры — это практики, цель

которых — оказывать содействие реализации проектов в форме «играющего тренера». Они обязаны знать особенности той отрасли, где осуществляют деятельность, иметь широкую сеть контактов в ней, уметь правильно оценить, куда движутся основные участники рынка, причем как отдельной отрасли, так и промышленности в целом, определять планы и потребности разных участников. Таким образом, технологические брокеры должны быть способны добавить предметности и конкретики в научную работу[2].

Как отмечается в зарубежных источниках, методы работы, которые поддерживают технологическое посредничество, направлены не на то, чтобы изобрести что-то новое (ведь научных разработок, не находящих впоследствии реализации в практическом применении, великое множество), а на то, чтобы создавать и предоставлять конечному потребителю возможности создания новых ценных комбинаций уже созданных технологий.

Иными словами, к одной из важнейших функций технологического посредника в литературе относится коммерциализация научных разработок, т.е. определение проекта как коммерческого предприятия, отбор существующих технологий и определение их соответствия потребностям рынка и отдельных организаций[3].

Технологические посредники занимают важное место в процессе передачи технологий, связывая инноваторов и потенциальных пользователей или инвесторов, желающих интегрировать новые разработки. Основные задачи института технологического брокериджа включают исследование технологического потенциала разработки, оценку рыночной ценности технологий, содействие в нахождении партнеров и инвесторов для адаптации технологий к запросам рынка, помощь в подготовке и осуществлении сделок. Правовая природа таких посредников, их обязательства и полномочия в связи с этим должны быть, по нашему мнению, четко определены в законодательных актах каждой страны.

Один из наиболее известных зарубежных исследователей института технологического брокериджа — Эндрю Харгадон еще в конце 1980-х гг. отмечал, что технологический брокер призван объединить, с одной стороны, системные сложно структурные, а с другой стороны, разрозненные отрасли промышленности в целях определения, как уже созданные технологии могут быть применены для прогрессивных, прорывных инноваций в других сферах. Технологический брокеринг

---

[2] *Молдован А. А.* Управление инновационным проектом с точки зрения технологического брокеринга // E-Scio. 2021. № 3 (54). URL: https://cyberleninka.ru/ article/n/upravlenie-innovatsionnym-proektom-s-tochki-zreniya-tehnologicheskogo-brokeringa (дата обращения: 02.12.2024).

[3] *Andrew B. Hargadon.* Technology brokering and innovation: Linking strategy, practice and people / University of California, Davis // URL: https://www.researchgate.net/profile/andrew-hargadon/publication/228701223_technology_brokering_and_innovation_linking_strategy_practice_and_people/links/542560d80cf26120b7ac945a/technology-brokering-and-innovation-linking-strategy-practice-and-people.pdf?origin=publication_detail&_tp=eyjjb250zxh0ijp7imzpcnn0ugfnzsi6inb1ymxpy2f0aw9uiiwicgfnzsi6inb1ymxpy2f0aw9urg93bmxvywqilcjwcmv2aw91c1bhz2uioijwdwjsawnhdglvbij9fq&__cf_chl_tk=jy4.xew8mx5t_b1uasiikehj7rlexhxqrvcxjkemwkm-1733231302-1.0.1.1-68snr6dws5vyhd_a28fenh5wzbwunwezazl7bgsriwa (дата обращения: 02.12.2024).

призван дать возможность компаниям эффективно перемещать внимание с традиционных научных коллективов, занимающихся научными исследованиями и разработками, которые изобретают совершенно новые продукты, на использование разных уже существующих инноваций в новых вариантах (комбинациях)[4].

В США технологический брокеридж получил развитие именно в 80-е гг. XX в., когда необходимо было активизировать технологические разработки и выстроить так называемый трансферный мост, в связи с чем были произведены определенные изменения в системе управления трансфером инноваций, в том числе в его правовом регулировании (была принята целая серия законов).

Наибольшее значение в ходе решения этой задачи по выстраиванию устойчивых взаимоотношений между высшими научными заведениями и научными организациями США и предприятиями различных отраслей промышленности имело принятие в 1980 г. так называемого Закона о внесении поправок в законодательство о патентах и товарных знаках, более известного как Закон Бейха — Доула (BDA-1980). До принятия этого нормативного акта федеральное правительство владело правами на любое научное открытие, в отношении которого мог быть зарегистрирован патент, если оно было сделано в результате исследований, проведенных на федеральные деньги. Как указывается в литературе, к 1980 г. было накоплено 28 000 патентов, менее 5 % из которых были коммерчески лицензированы[5].

Закон Бейха — Доула передал федеральные права на патенты и открытия университетам, что позволило последним самостоятельно определять их правовую судьбу, в том числе возможность сохранить права только у себя, либо передать третьим лицам, либо разделить права с другими участниками технологического трансфера.

Деятельность технологических брокеров в США, таким образом, напрямую связывается с интеллектуальной собственностью. Четкого федерального регулирования деятельность технологических брокеров не имеет, но подпадает под общие законы, касающиеся бизнеса, трансфера технологий и охраны интеллектуальной собственности. Этические стандарты и практические рекомендации для профессионалов в области трансфера технологий, включая брокеров, устанавливаются профессиональными ассоциациями, такими как Association of Technology Transfer Professionals (AUTM). Правовой статус брокеров при этом охватывает аспекты уголовного, гражданского и делового права, включая законы о патентовании и торговых марках, а также защиту коммерческой тайны, и регулируется на уровне отдельных штатов.

На уровне Европейского союза регулирование технологического брокериджа осуществляется в основном национальными законами стран-участниц, хотя существуют и общие нормы, такие как EN 16114, касающиеся консалтинговых

---

[4] Цит. по: *Корощупов В. О.* Научно-технологический задел, технологический брокер и потенциал конверсии оборонной экономики // Пути к миру и безопасности. 2016. № 2 (51). С. 128—140.

[5] *Игнатов И. И.* Роль Акта Бэя-Доула (Bayh-Dole Act-1980) в трансфере научных знаний и технологий из американских университетов в корпоративный сектор: итоги тридцатилетнего пути // URL: riep.ru›upload/iblock/a7d/...pdf. С. 166 (дата обращения: 02.12.2024).

услуг в сфере энергетики, которые в определенной степени охватывают аспекты технологического брокериджа, определяя стандарты качества и поведения участников, но не содержат специфических норм для технологических посредников. Существует также директива 2005/29/ЕС о недобросовестных коммерческих практиках, которая также применяется к брокерам. Эти нормы носят более общий характер и специфического регулирования правового статуса технологического брокера не устанавливают.

В таких странах Восточной Азии, как Япония и Южная Корея, существуют программы и стратегии, направленные на поддержку инноваций и технологическую коммерциализацию, что создает определенные возможности для деятельности технологических брокеров. Однако регулирование в этой области далеко от идеала, как и в Тайланде. При этом в указанных странах требования к лицензированию и административному контролю за деятельностью посредников в области науки и технологий значительно выше, что, в свою очередь, создает дополнительные факторы для ограничения доступа малых и средних компаний к рынкам.

В Китае правовые нормы, касающиеся деятельности технологических брокеров, существуют в рамках гражданского и уголовного права, антимонопольного регулирования и защиты прав потребителей. Основой для регулирования брокерской деятельности в этих странах служат как общие принципы защиты прав интеллектуальной собственности, так и конкретные механизмы поддержки их коммерциализации (трансфер технологий осуществляется через поддержку стартапов, слияния и поглощения, а также через привлечение зарубежных инвесторов к вложениям в инновационные исследовательские центры на территории Китая). При этом спецификой, связанной с деятельностью технологических брокеров в Китае, в последние годы стало блокирование сделок, инициируемых ими (как в ответ на размещаемые предложения о продаже компаний, так и самостоятельно), в США и европейских государствах, что поставило страну перед необходимостью определения правовых путей решения сложившейся проблемы.

Обращение к международным правовым актам показывает, что понятие «технологический брокер» достаточно четко определено лишь в понятийной статье Модельного закона о реализации прав государства на объекты интеллектуальной собственности в сфере науки и технологий, принятого в г. Санкт-Петербурге 07.12.2002 постановлением 20-13 на 20-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ. В данной статье технологический брокер определяется как коммерческая или некоммерческая организация, специализирующаяся на совершении сделок по приобретению и реализации прав интеллектуальной собственности, в том числе от имени и по поручению специализированного учреждения (принципала) на основе агентского соглашения с ним[6].

При этом в контексте механизмов реализации государственной политики на национальном уровне данный Модельный закон рекомендует государственным

[6] Модельный закон об инновационной деятельности (принят в г. Санкт-Петербурге 16.11.2006 постановлением 27-16 на 27-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств. 2007. № 39 (ч. 2). С. 371—427.

органам исполнительной власти, как правило, на конкурсной основе размещать среди организаций государственные контракты на выполнение функций технологических брокеров, содействие продвижению в промышленность результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, выполненных по заказам данного государственного органа. При этом исполнители таких государственных контрактов в соответствии с условиями контракта должны способствовать передаче результатов двойного назначения для использования в гражданском секторе организациями всех форм собственности.

Правовая основа функционирования технологического брокера формируется в зависимости от инновационного и правового контекста, что требует от брокеров знания всех применимых норм и гибкости в условиях изменения обстоятельств. Нехватка единых стандартов и норм в международной практике создает, с одной стороны, конкурентные вызовы для брокеров, подчеркивая важность постоянного образования и повышения квалификации. В условиях этих сложностей важно, чтобы технологический брокер устанавливал устойчивые связи с юридическими экспертами для обеспечения актуальности и соответствия действующему законодательству.

С другой стороны, процессы передачи технологии и знаний, связанных с ней, в рамках важнейшего сегмента глобальной экономики — технологического брокерства — в значительной степени зависят и от юридических норм той или иной страны. Участие технологического брокера в сделках по реализации инновационного продукта может быть значительно упрощено благодаря установлению его правового статуса как специализированного посредника. Однако специфика осуществления его функций и полномочий зависит от условий, установленных в том числе нормами действующего в государстве законодательства, а также от особенностей его применения.

Таким образом, подходы к регулированию деятельности технологических брокеров зависят от специфики законодательства, направленного на поддержку инноваций и защиту интеллектуальной собственности. Для успешного функционирования законодательства в области технологического брокериджа требуется последовательная работа по созданию единой правовой среды, которая будет учитывать интересы всех участников данного рынка и обеспечивать условия для их деятельности.

Привлечение иностранных инвесторов, развитие новых технологий и их внедрение в промышленность требуют создания системы поддержки технологических брокеров, их правовой и финансовой защиты. Как отмечается в литературе, совершенствование законодательной базы является необходимым условием для успешного функционирования данной категории посредников.

Консолидация всех наработок в этой области позволит выработать комплексный подход к формированию универсального правового режима, который бы обеспечил правовую защиту интересов всех участников технологического брокериджа, четко определил правовой статус технологического брокера, повысил уровень информационной прозрачности его деятельности, способствовал инновационной активности, а также обеспечивал гибкость регулирования и международное сотрудничество в данной области.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Ершова И. В., Сушкова О. В.* Legaltech в сфере предпринимательской деятельности. — М., 2023.
2. *Игнатов И. И.* Роль Акта Бэя-Доула (Bayh-Dole Act-1980) в трансфере научных знаний и технологий из американских университетов в корпоративный сектор: итоги тридцатилетнего пути // URL: riep.ru›upload/iblock/a7d/...pdf (дата обращения: 02.12.2024).
3. *Корощупов В. О.* Научно-технологический задел, технологический брокер и потенциал конверсии оборонной экономики // Пути к миру и безопасности. — 2016. — № 2 (51). — С. 128—140.
4. *Молдован А. А.* Управление инновационным проектом с точки зрения технологического брокеринга // E-Scio. — 2021. — № 3 (54). — URL: https://cyberleninka.ru/ article/n/upravlenie-innovatsionnym-proektom-s-tochki-zreniya-tehnologicheskogo-brokeringa (дата обращения: 02.12.2024).
5. *Andrew B. Hargadon.* Technology brokering and innovation: Linking strategy, practice, and people. — University of California, Davis. — URL: https://www.researchgate.net/profile/andrew-hargadon/publication/228701223_technology_brokering_and_innovation_linking_strategy_practice_and_people/links/542560d80cf26120b7ac945a/technology-brokering-and-innovation-linking-strategy-practice-and-people.pdf?origin=publication_detail&_tp=eyjjb250zxh0ijp7imzpcnn0ugfnzsi6inb1ymxpy2f0aw9uiiwicgfnzsi6inb1ymxpy2f0aw9urg93bmxvywqilcjwcmv2aw91c1bhz2uioijwdwjsawnhdglvbij9fq&__cf_chl_tk=jy4.xew8mx5t_b1uasiikehj7rlexhxqrvcxjkemwkm-1733231302-1.0.1.1-68snr6dws5vyhd_a28fenh5wzbwunwezazl7bgsriwa (дата обращения: 02.12.2024).

Анджела Тельмановна ГДЛЯН,
соискатель кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
lab.kgp@msal.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Проблемы классификации нежилых помещений

Аннотация. *Необходимость классификации нежилых помещений обусловлена потребностью выработки эффективного правового регулирования имущественных отношений, объектом которых они являются. Гражданский кодекс РФ связывает особенности осуществления прав на нежилые помещения с их целевым назначением. В связи с этим обосновывается необходимость выявления возможных оснований для классификации видов нежилых помещений с целью выработки соответствующих правовых режимов. Проанализированы существующие в отечественной доктрине основания и виды классификаций нежилых помещений, предложен авторский подход к подобной дифференциации. Выявлено, что в легальную бинарную классификацию помещений не укладываются типы нежилых помещений, объединяющих в себе черты как жилых, так и нежилых помещений и требующих выработки специального правового режима.*

Ключевые слова: *нежилое помещение, жилое помещение, объект права, осуществление прав, правовой режим*

DOI: 10.17803/2311-5998.2024.123.11.190-198

Angela T. GDLYAN,
Applicant of the Department of Civil Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
lab.kgp@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Problems of Classification of Non-Residential Premises

Abstract. *The need to classify non-residential premises is due to the need to develop effective legal regulation of property relations, the object of which they are. The Civil Code of the Russian Federation links the specifics of the exercise of rights to non-residential premises with their intended purpose. In this connection, the need to identify possible grounds for classifying types of non-residential premises in order to develop appropriate legal regimes is justified. The bases and types of classifications of non-residential premises existing in the Russian doctrine are analyzed, and the author's approach to such differentiation is proposed. It was revealed that the types of non-residential premises that combine the features of both residential and non-residential premises and require the development of a special legal regime do not fit into the legal binary classification of premises.*

Keywords: *non-residential premises, residential premises, object of law, exercise of rights, legal regime*

© Гдлян А. Т., 2024

Понятие «нежилое помещение» было закреплено в российском законодательстве Гражданским кодексом РФ от 30.11.1994 № 51-ФЗ[1]. В настоящее время нежилые помещения являются востребованными объектами хозяйственной деятельности. Статистика свидетельствует, что сделки по поводу нежилых помещений составляют весомую долю экономического оборота, имеющую тенденцию к увеличению. В связи с этим необходимо выработать эффективное правовое регулирование имущественного оборота в указанной сфере.

Понятие нежилого помещения в настоящее время объединяет в себе такие разнородные виды недвижимого имущества, как нежилые помещения в многоквартирных домах и нежилых зданиях (сооружениях), апартаменты и машиноместа, помещения с гибким функциональным назначением, гостевые дома. При этом отсутствует законодательный подход, позволяющий эффективно регулировать оборот разных видов нежилых помещений, равно как и легальная их классификация.

Пункт 1 ст. 141.4 ГК РФ признает под нежилым помещением обособленную часть здания (сооружения), пригодную для целей, не связанных с проживанием граждан. В соответствии с п. 10 ч. 5 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»[2], в кадастр недвижимости вносятся сведения о назначении помещения — жилое или нежилое. Более детальной градации нежилых помещений по их целевому назначению закон не предусматривает.

Вместе с тем указанная норма ГК РФ связывает использование помещений с их целевым назначением. То есть именно пригодность для использования в соответствующих целях определяет объем и содержание правомочий правообладателя на то или иное нежилое помещение. Таким образом, особенности использования и распоряжения разными типами нежилых помещений связаны с их функциональными и конструктивными особенностями. В связи с этим возникает необходимость выработки оснований для типизации нежилых помещений и установления соответствующих правовых режимов.

Специалисты не раз обращали внимание на необходимость дифференцировать правовой режим разных видов нежилых помещений. В качестве релевантных признаков в основном выделялись функциональное назначение и способность (неспособность) выступать в гражданском обороте самостоятельными объектами прав.

Ю. В. Харитонова предложила различать четыре вида нежилых помещений:

— нежилые помещения основного назначения, расположенные в жилых зданиях;
— нежилые помещения основного назначения, расположенные в нежилых зданиях (сооружениях);
— нежилые помещения вспомогательного назначения, расположенные в жилых зданиях;
— нежилые помещения вспомогательного назначения, расположенные в нежилых зданиях (сооружениях)[3].

[1] URL: https://rdgw.msal.ru/rdweb/webclient/index.html (дата обращения: 12.06.2024).

[2] СЗ РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4344.

[3] *Харитонова Ю. В.* Правовой статус нежилых помещений по российскому законодательству : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 9—10.

При этом под нежилыми помещениями вспомогательного назначения автор понимает лестничные площадки, коридоры и т.д. Подчеркивается, что нежилые помещения вспомогательного характера не могут быть использованы в гражданском обороте в качестве самостоятельных объектов. В этом случае остается неясным, с какой целью нужно объединять два, по сути, разных объекта недвижимости в одном понятии «нежилое помещение»?

Близкую позицию обосновала М. П. Рубанова, вводя определения «самостоятельное нежилое помещение» и «служебное нежилое помещение»[4] и подразумевая под служебными помещениями объекты общей долевой собственности. В основе этой классификации лежит вид права на помещение, но именно разница в правовой природе нежилых помещений и объектов общей долевой собственности порождает сомнения в целесообразности их объединения в общем понятии.

Приведенная классификация, на наш взгляд, обусловлена более исследовательскими задачами, чем практической потребностью, поскольку легальное обозначение так называемых технических помещений, предназначенных для обеспечения нормального функционирования здания, гораздо более отражает их правовой режим — общее имущество собственников.

Правовые режимы нежилых помещений и общего имущества в строении имеют принципиальные отличия. Генетически это противоречие уводит к классической гражданско-правовой дискуссии о способности/неспособности помещений быть самостоятельным объектом прав[5].

В науке гражданского права сосуществуют несколько подходов к решению этого вопроса. Е. О. Трубачев, исследуя нежилые помещения в нежилом строении, предложил рассматривать объекты общего пользования как единую недвижимую вещь, принадлежащую собственникам нежилых помещений на праве долевой собственности[6]. Представляется, что объекты общего имущества не следует включать в понятие нежилое помещение, поскольку они не могут быть признаны самостоятельными вещами, а выполняют исключительно служебную роль, являются принадлежностью здания (сооружения)[7].

Предлагались и иные основания классификации нежилых помещений. Так, В. М. Ланда предложил различать нежилые помещения на основании их пространственно-организационных особенностей или площади. Автор экстраполировал классификацию жилых помещений на нежилые и предложил именовать нежилые помещения минимального размера «нежилыми комнатами»[8]. Под нежилой

---

[4] *Рубанова М. П.* Правовой режим нежилых помещений и проблемы их участия в коммерческом обороте : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2008. С. 7.

[5] *Вавилин Е. В.* Проблемы защиты гражданских прав // Известия вузов. Правоведение. 2009. № 1. С. 174—178.

[6] *Трубачев Е. О.* Нежилые помещения как объекты недвижимости : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Томск, 2009. С. 25—26.

[7] *Суханов Е. А.* Вещные права и права на нематериальные объекты // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2007. № 7 ; *Вавилин Е. В.* Кредитные и расчетные обязательства в гражданском праве России / под ред. З. И. Цыбуленко. Саратов, 2003. С. 26—52.

[8] *Ланда В. М.* Особенности гражданско-правового регулирования аренды объектов недвижимости (на примере города Москвы) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 18.

комнатой исследователь понимает «структурно обособленную часть здания или сооружения, находящуюся внутри него или за его пределами, не предназначенную для проживания граждан и идентифицированную в установленном законом порядке»[9].

Такая классификация нежилых помещений представляется достаточно спорной с практической точки зрения, как и перспектива «унификации правовых норм, регулирующих оборот жилых и нежилых помещений»[10]. Для подобной классификации нежилых помещений недостаточно прояснены правовые основания.

П. В. Макеев предложил выделять в качестве разновидностей нежилого помещения нежилой дом, часть нежилого дома, нежилое помещение в нежилом здании (или многоквартирном доме), часть нежилого помещения в нежилом здании (или многоквартирном доме), нежилую комнату[11] и сформулировал соответствующие определения. При этом часть нежилого дома и часть нежилого помещения в нежилом здании (многоквартирном доме) определяются как несколько нежилых комнат в соответствующих доме, здании.

Следует отметить, что подобная классификация по количественно-пространственным признакам не отражает специфику целевого назначения объектов недвижимости, их роль в гражданско-правовом обороте, а следовательно, и не влияет на формирование их правового режима.

Более обоснованными, на наш взгляд, являются попытки классифицировать нежилые помещения по целевой специфике сооружений, в которых они находятся, поскольку в этом случае их правовой режим имеет отличия.

Е. В. Басос предлагает несколько классификаций помещений. Во-первых, автор, опираясь на критерий пригодности для самостоятельного использования, тоже подразделяет нежилые помещения на самостоятельные объекты права собственности и объекты, входящие в состав общего имущества строения[12].

Еще одним основанием для классификации нежилых помещений в исследовании указанного автора стал типологический признак — вид права на строение, в котором находятся помещения. Все помещения (жилые и нежилые) Е. В. Басос предлагает разделять на помещения, которые находятся в строениях, являющихся единым объектом права собственности, помещения, в строениях, разделенных на отдельные объекты, но принадлежащих одному собственнику, помещения в строениях, принадлежащие разным лицам.

Также исследователь предложила классифицировать нежилые помещения в зависимости от типа строения, в котором они находятся: нежилые помещения в жилом строении (многоквартирный дом) и нежилом строении.

Указанный вид оснований представляется более оправданным. Действительно, с точки зрения использования нежилых помещений закон устанавливает различия, которые в первую очередь связаны с наличием большего числа ограничений в жилом здании.

---

[9] *Ланда В. М.* Указ. соч.

[10] *Ланда В. М.* Указ. соч.

[11] *Макеев П. В.* К вопросу о видах нежилого помещения // Гражданин и право. 2012. № 5.

[12] *Басос Е. В.* Правовой режим помещения как объекта гражданских прав : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 5.

Таким образом, по отношению к нежилым помещениям следует признать существенным критерий его местонахождения: необходимо различать нежилые помещения в жилом доме и нежилом здании, поскольку правовые режимы нежилых помещений в многоквартирных домах и нежилых зданиях различаются.

Согласно п. 1.2, пп. 4.1.6, 8.4.1, 8.5.1 постановления Главного государственного санитарного врача РФ от 24.12.2020 № 44[13], в многоквартирных домах и во встроенно-пристроенных к ним помещениях не допускается размещение микробиологических лабораторий (отделений), смежно с квартирами — отделений (кабинетов) магнитно-резонансной томографии. Согласно указанным установлениям, в многоквартирных домах и жилых домах запрещено размещение общественных туалетов, бань.

Закон г. Москвы от 03.07.2002 № 38 «О государственном контроле за учетом и использованием объектов нежилого фонда города Москвы» тоже подразделял объекты нежилого фонда на два типа: отдельно стоящие нежилые здания, строения, сооружения и их части и нежилые помещения в жилых домах, а также встроенно-пристроенные к ним помещения и их части (п. 2 ст. 2)[14].

Кроме того, в жилых домах следует различать два вида принципиально разных имущественных объектов: нежилые помещения, способные выступать самостоятельными объектами правоотношений, и общее имущество собственников, права на которое следуют судьбе прав на жилые помещения.

Согласно правовой позиции, изложенной в определении Конституционного Суда РФ от 16.12.2010 № 1587-О-О, в многоквартирном доме могут находиться нежилые объекты, предназначенные для самостоятельного использования и не входящие в общее имущество многоквартирного дома, в связи с чем их правовой режим будет отличаться от правового режима нежилых помещений, установленного п. 1 ст. 290 ГК РФ и ч. 1 ст. 36 Жилищного кодекса РФ.

Эта позиция представлена и в определении Высшего Арбитражного Суда РФ от 10.06.2011 № ВАС-6774/11 по делу № А56-14404/2009[15], в котором определяющим критерием для нежилых помещений, представляющих собой самостоятельный объект недвижимости, стали непредназначенность для обслуживания более одного помещения и самостоятельное назначение. Суды установили, что спорные нежилые помещения были учтены как самостоятельные помещения, которые использовались разными владельцами для личных нужд.

---

[13] Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 24.12.2020 № 44 (ред. от 14.04.2022) «Об утверждении санитарных правил СП 2.1.3678-20 Санитарно-эпидемиологические требования к эксплуатации помещений, зданий, сооружений, оборудования и транспорта, а также к условиям деятельности хозяйствующих субъектов, осуществляющих продажу товаров, выполнение работ или оказание услуг» (зарегистрировано в Минюсте России 30.12.2020 № 61953) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru, 31.12.2020 (дата обращения: 26.10.2024).

[14] Закон г. Москвы от 03.07.2002 № 38 (ред. от 21.11.2007) «О государственном контроле за учетом и использованием объектов нежилого фонда города Москвы» // Ведомости Московской городской Думы. 2002. № 8. Ст. 164.

[15] URL: https://rdgw.msal.ru/RDWeb/webclient/index.html (дата обращения: 23.05.2024).

Таким образом, в многоквартирном доме нежилое помещение должно обладать следующими признаками: не должно обслуживать более одного помещения и не должно использоваться собственниками для удовлетворения их бытовых нужд. В этом случае нежилое помещение в многоквартирном доме может быть самостоятельным объектом права. Особенности нежилых помещений в нежилом здании (сооружении) имеют следующие характерные признаки.

Во-первых, в нежилых зданиях (сооружениях), согласно общему правилу, собственник нежилого помещения обладает всеми правами и обязанностями по отношению к общему имуществу (ст. 259.1, 287.4, 287.5 ГК РФ).

Назначение нежилого помещения в нежилом здании собственник определяет по своему усмотрению, если это не противоречит его основному назначению — использованию не для проживания. В соответствии с принципом свободы договора стороны также могут в договоре аренды сами определить назначение нежилого помещения. В этом случае арендатор, согласно п. 4 ст. 421, п. 1 ст. 615 ГК РФ, обязан использовать нежилое помещение в соответствии с определенным сторонами назначением.

Каким образом критерий целевого назначения нежилых помещений влияет на регламентацию их использования и хозяйственного оборота? Законодатель определил в качестве релевантного признака нежилого помещения его непредназначенность для проживания. Следует отметить, что сам по себе указанный критерий по отношению как к нежилым помещениям, так и к жилым является спорным. Например, были высказаны сомнения, считать ли предназначенность для проживания определяющим признаком жилых помещений[16].

В доктрине гражданского права сложились три подхода к проблеме. В соответствии с первым подходом релевантным признаком жилых помещений признается пригодность для проживания. Второй подход основан на утверждении, что основным признаком жилого помещения следует считать его предназначенность для проживания. Третий подход объединил в себе обе предыдущие идеи.

Специфически рассматривает категорию предназначенности Д. А. Формакидов, обращая внимание на то, что предназначенность помещения не может рассматриваться как его характеристика, поскольку является его функцией в гражданско-правовых отношениях. Только факт признания правом помещения жилым (его государственная регистрация таковым) позволяет его использовать по этому назначению[17].

Применительно к нежилым помещениям также следует обратить внимание на неоднозначность критерия «непредназначенность для проживания». ГК РФ под назначением нежилых помещений понимает использование в целях, не связанных с проживанием граждан (п. 1 ст. 141.4 ГК РФ).

Между тем в последние десятилетия на рынке сформировалось несколько видов недвижимости, которые по своему фактическому использованию и признакам

[16] *Макеев П. В.* О роли категории предназначенности в определении понятия жилого помещения // URL: https://rdgw.msal.ru/RDWeb/webclient/index.html (дата обращения: 06.05.2024) ; *Формакидов Д. А.* Договорное регулирование жилищных отношений. М. : Статут, 2024. С. 102—106.

[17] *Формакидов Д. А.* Указ. соч. С. 105.

не укладываются в прокрустово ложе бинарной системы жилых и нежилых помещений, установленной в отечественном законодательстве. Речь, в частности, идет о таких помещениях, как апартаменты, гостевые дома. Является ли определяющей для нежилых помещений и в этом случае характеристика «непредназначенность для проживания»? И как влияет эта особенность на правовой режим такого объекта недвижимости?

Согласно ст. 16, 19 Жилищного кодекса РФ[18], правовой режим не распространяется на апартаменты, они отнесены к одному из видов гостиничных номеров[19]. Возможно, апартаменты следует вывести из категории нежилых помещений, поскольку в настоящее время этот вид недвижимости на рынке активно используется (покупается, продается), в том числе в качестве помещения для постоянного проживания.

Для регулирования отношений с указанными видами нежилых помещений целесообразно было бы ввести понятие «жилое помещение коммерческого назначения».

Во-первых, режим жилого помещения обязывает соблюдать технические, основные санитарно-эпидемиологические требования, что обеспечит безопасность пребывания в них. Вместе с тем коммерческое назначение устанавливает режим ограничения жилищных прав. Это поможет примирить требования к достаточной инсоляции, уровню шума, наличию социальной инфраструктуры (детских садов, школ, поликлиник) с потребностью решать эффективно и оперативно проблемы обеспеченности населения жильем.

Таким образом, критерий «непредназначенность для проживания» не является универсальным для нежилых помещений.

Нежилые помещения в нежилых зданиях (сооружениях) также нуждаются в классификации с целью эффективного регулирования отношений. Как говорилось ранее, основным критерием для классификации нежилых помещений следует признать их целевое назначение, которое определяется конструктивными, противопожарными, санитарно-эпидемиологическими требованиями к их отдельным видам, отраженными в проектно-технической документации (техническом плане) здания (сооружения).

В связи с этим представляется целесообразным обращение к требованиям разноотраслевого законодательства в сфере использования нежилых помещений.

Исходя из действующих нормативно-правовых установлений, важным фактором, определяющим правовой режим нежилых помещений, является предназначенность (непредназначенность) для пребывания в них людей. Для обеспечения безопасности и установления ответственности за безопасность нежилых помещений фактор приспособленности нежилых помещений для пребывания (кратковременного или длительного) в них граждан имеет принципиальное значение.

В отношении разных видов нежилых помещений, расположенных внутри нежилых зданий, особые правила устанавливают строительные нормы. Так, в Своде

---

[18] СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. I). Ст. 14.

[19] Постановление Правительства РФ от 18.11.2020 № 1860 (ред. от 08.05.2024) «Об утверждении Положения о классификации гостиниц» // СЗ РФ. 2020. № 48. Ст. 7721.

правил, утвержденных приказом Минстроем РФ[20], выделены нежилые помещения с постоянным пребыванием людей и нежилые помещения с массовым пребыванием людей. Помещения, в которых предусматривается пребывание более 50 человек, Свод относит к нежилым помещениям с массовым пребыванием людей. Помещения, в которых предусмотрено непрерывное пребывание людей более двух часов, в названном документе отнесены к помещениям с постоянным пребыванием людей.

Кроме того, к эксплуатации определенных видов нежилых помещений устанавливаются определенные Санитарно-эпидемиологические требования[21].

Для нежилых помещений, в которых предусмотрено постоянное либо массовое пребывание людей (например, для помещений, в которых осуществляется реализация продукции производственно-технического назначения, товаров для личных и бытовых нужд (разд. III Санитарных правил СП 2.1.3678-20); помещений, зданий, сооружений для оказания медицинских услуг (разд. IV Санитарных правил СП 2.1.3678-20) и т.д.) установлены специальные требования.

Технические нормы предписывают также выделять в нежилом здании нежилые помещения основного функционального назначения (образовательные учреждения, объекты спортивного назначения, административные, производственные помещения и т.д.) и вспомогательные нежилые помещения, к которым отнесены вестибюли, лестничные клетки, коридоры, уборные, гардеробные, кубовые и душевые, а также подвальные помещения при магазинах, не используемые под торговый зал[22].

Таким образом, все нежилые помещения в нежилом здании (сооружении) обладают следующими релевантными признаками.

— во-первых, нежилые помещения предназначены не для проживания граждан;
— во-вторых, нежилые помещения предназначены для самостоятельного использования;
— в-третьих, назначение нежилого помещения может быть определено технической документацией, соглашением сторон, решением собственника, согласно установлениям законодательства.

Подводя некоторые итоги, можно отметить, что в соответствии с действующим законодательством нежилые помещения определяются через несколько ключевых признаков.

Во-первых, это назначение. Нежилые помещения предназначены для ведения хозяйственной деятельности, включая коммерческие, производственные, складские и иные виды деятельности, не связанные с проживанием граждан. Целевое

[20] Приказ Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ от 19.05.2022 № 389 п/р «Об утверждении СП 118.13330.2022 “СНиП 31-06-2009 Общественные здания и сооружения”» // URL: https://www.minstroyrf.gov.ru/upload/iblock/3b7/SP-118.pdf (дата обращения: 04.11.2024).

[21] Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 24.12.2020 № 44 // URL: http://pravo.gov.ru 31.12.2020 (дата обращения: 14.08.2024).

[22] Письмо Минжилкомхоза РСФСР от 09.03.1977 № 15-1-103 «О классификации помещений зданий гражданского назначения» // URL: https://rdgw.msal.ru/RDWeb/webclient/index.html (дата обращения: 08.05.2024).

назначение и функциональное использование нежилых помещений определяют объем и содержание правомочий сторон.

Нежилые помещения различаются по признаку местонахождения: в многоквартирном доме либо в нежилом здании (сооружении). Функциональное назначение нежилых помещений в многоквартирном доме имеет установленные законом ограничения.

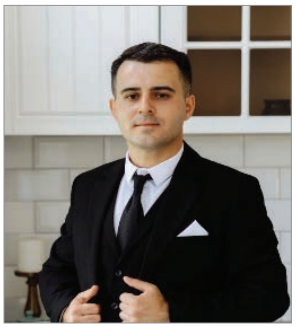
Все нежилые помещения могут находиться в частной или государственной собственности и могут быть предметом аренды или залога.

Вместе с тем в гражданском обороте используются нежилые помещения, совмещающие в себе признаки как жилых, так и нежилых помещений (апартаменты, гостевые дома). Этот вид помещений целесообразно определить как жилые помещения коммерческого назначения, подразумевая под этим ограниченное осуществление жилищных прав их правообладателями.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Басос Е. В.* Правовой режим помещения как объекта гражданских прав : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2015.
2. *Вавилин Е. В.* Кредитные и расчетные обязательства в гражданском праве России / под ред. З. И. Цыбуленко. — Саратов : Изд-во Саратовской государственной академии права, 2003. — С. 26—52.
3. *Вавилин Е. В.* Проблемы защиты гражданских прав // Известия вузов. — Правоведение. — 2009. — № 1. — С. 174—178.
4. *Ланда В. М.* Особенности гражданско-правового регулирования аренды объектов недвижимости (на примере города Москвы) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2009.
5. *Макеев П. В.* К вопросу о видах нежилого помещения // Гражданин и право. — 2012. — № 5.
6. *Макеев П. В.* О роли категории предназначенности в определении понятия жилого помещения // URL: https://rdgw.msal.ru/rdweb/webclient/index.html.
7. *Рубанова М. П.* Правовой режим нежилых помещений и проблемы их участия в коммерческом обороте : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2008.
8. *Суханов Е. А.* Вещные права и права на нематериальные объекты // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. — 2007. — № 7.
9. *Трубачев Е. О.* Нежилые помещения как объекты недвижимости : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Томск, 2009.
10. *Формакидов Д. А.* Договорное регулирование жилищных отношений. — М. : Статут, 2024. — 412 с.
11. *Харитонова Ю. В.* Правовой статус нежилых помещений по российскому законодательству : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2006.

Понятие, сущность и значение цифровых прав как объекта наследственных правоотношений



Павел Андреевич НЕПОМНЯЩИЙ,
аспирант, преподаватель кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии (СГЮА)
neppavel@mail.ru
410056, Россия, Саратовская область, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 104, стр. 3

Аннотация. *Автор исследует имеющиеся проблемы и предлагает авторское понимание сущности, понятия и значения цифровых прав как объекта наследственных правоотношений. В российской и зарубежной научной литературе существует множество мнений по этим вопросам, в том числе применительно к гражданскому и наследственному праву. Неосязаемость данного явления представляет сложность в его изучении. Тем не менее в российском законодательстве предпринята попытка определения понятия цифровых прав, которая оказалась не совсем удачной, что подтверждают мнения ученых-цивилистов. Также вызывает споры в научном сообществе отведенное законодателем место цифровым правам в системе объектов гражданских правоотношений, а именно отнесение их к обязательственным правам, а не к иному имуществу, что предопределяет сложности правового регулирования появляющихся новых видов цифрового имущества в условиях динамической цифровой трансформации общественных отношений. По итогам проведения исследования автор приводит определение понятия цифровых прав.*

Ключевые слова: *цифровые права, наследование, информационные системы*

DOI: 10.17803/2311-5998.2024.123.11.199-207

Pavel A. NEPOMNYASHCHY,
Postgraduate student, Lecturer of the Department of Civil Law of the Saratov State Law Academy
neppavel@mail.ru
104/3, ul. Chernyshevsky, Saratov, Russia, 410056

The Concept, Essence and Meaning of Digital Rights as an Object of Hereditary Legal Relations

Abstract. *In this article, the author explores existing problems and offers an author's understanding of the essence, concept and meaning of digital rights as an object of hereditary legal relations. In the Russian and foreign scientific literature, there are many opinions about the essence, meaning and concept of digital rights, both in general and in relation to civil and inheritance law. The impalpability of this phenomenon is difficult to study. Nevertheless, an attempt has been made in Russian legislation to define the concept of digital rights, which turned out to be not entirely successful, which is confirmed by the opinions of civil scientists. The place assigned by the legislator to digital rights in the system of objects of civil legal relations, namely, their*

© Непомнящий П. А., 2024

attribution to binding rights rather than other property, is also controversial in the scientific community, which determines the complexity of legal regulation of emerging new types of digital property in the context of dynamic digital transformation of public relations. Based on the results of the study, the author provides a definition of the concept of digital rights.
Keywords: *digital rights, inheritance, information systems*

Существовавшие еще со времен римского права классификация вещей на телесные и бестелесные Гая, а также классификация вещей на существующие и мыслимые Цицерона[1] актуальны и на современном этапе развития общества. Инновационные процессы в области цифровизации приводят к переосмыслению традиционных прав человека и формированию новой категории, известной как цифровые права[2]. По мнению В. Д. Зорькина, «в условиях цифровизации сформировались цифровые права в широком смысле»[3].

Одна из проблем термина «цифровое право» заключается в том, что в классическом миропонимании его существование как неосязаемого предмета сложно признать, существует проблема восприятия этого явления[4].

В научном сообществе существуют различные точки зрения относительно природы и сущности цифровых прав. Часть ученых, подчеркивая их универсальный характер, относит их к традиционным гражданским правам, которые реализуются в цифровой среде[5]. В пользу данной позиции приводится аргумент о том, что под воздействием роботизации и повсеместного внедрения технологии искусственного интеллекта значительные изменения претерпевает личность, но не сущность человека[6]. Как отмечает Е. А. Суханов, понятия «цифровое имущество» («цифровые активы») и «цифровые права» не обозначают новый объект гражданского права, а являются лишь техническим способом фиксации имущественных прав, а потому не требуется установления особого правового режима[7].

---

1 *Шевцив О. С.* Некоторые аспекты понятия имущества как объекта гражданских прав // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 4 (42). С. 123.

2 *Coccoli J.* The challenges of new technologies in the implementation of human rights: An analysis of some critical issues in the digital era // Peace Human Rights Governance. 2017. Vol. 1. № 2.

3 *Зорькин В. Д.* Право в цифровом мире: выступление на Петербургском международном юридическом форуме // Российская газета. 2018. № 115.

4 *Мартюшева К. Ю.* Цифровые права: основные проблемы законодательства // Человек, экономика, социум: актуальные научные исследования : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. 25.11.2020. Белгород : АПНИ, 2020. С. 28.

5 *Пономарев Ф. В.* Цифровые права: настоящее и будущее // Аграрное и земельное право. 2020. № 6 (186). С. 47.

6 *Глушкова С. И., Летунов Е. Д.* Развитие нового поколения прав человека в эпоху цифровых технологий // Вестник Гуманитарного университета. 2020. № 4. С. 26.

7 *Суханов Е. А.* О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. Т. 21, № 6. С. 15.

Другие относят их к новому, четвертому поколению прав человека, придавая им характер sui generis, т.е. единственных в своем роде.

Каждое из трех признанных и действующих поколений прав человека имеет индивидуальный комплекс, а цифровые права включают в себя все комплексы прав, которые развиваются в современных условиях цифровой трансформации общества[8]. Л. А. Новоселова и Б. М. Гонгало , анализируя сущность бездокументарных ценных бумаг и токенов, придерживаются позиции о разумности определения места цифровым правам в числе объектов гражданского права в качестве самостоятельного объекта[9]. Существует в науке и такая позиция: некоторые из цифровых сущностей, которые осуществляются в децентрализованных информационных системах с использованием технологии распределенного реестра, следует относить к нематериальным благам[10].

По мнению автора, цифровые права имеют ряд особенностей, которые выделяют их из числа других объектов гражданского права. Во-первых, они возникают, осуществляются и прекращаются исключительно в автоматизированных информационных системах. Во-вторых, их оборот происходит в меньшей степени по требованиям законодательства и в большей степени по правилам информационных систем. Более того, такие правила, например, в отношении цифровых валют в децентрализованных информационных системах, остаются неизменными с момента первого запуска цифровой платформы в массовую эксплуатацию. В-третьих, цифровые права могут удостоверять в информационных системах факт наличия у субъекта прав в отношении иных видов объектов гражданского права.

Исходя из изложенного, автор признает наличие у цифровых прав признаков, достаточных для их выделения в качестве самостоятельного объекта гражданского права в составе обязательственных прав.

В отечественной и зарубежной научной литературе часто используются в качестве синонимов категории «цифровая сущность», «цифровой актив», «токен», «цифровые права». Н. А. Петраков, к примеру, считает, что более уместным является термин «цифровое имущество»[11].

Наследственное право отличается высоким уровнем консерватизма, в том числе и на этапе правоприменения, требует наличия понятного категориального аппарата в отношении объектов наследования, в том числе цифровых прав.

Тем самым перед законодателем и наукой остро стоит задача разработки соответствующего современному уровню развития информационных технологий гражданско-правового регулирования отношений, осложненных цифровым кодом, и прежде всего необходимо дать корректное определение цифровым правам.

---

[8] *Карташкин В. А.* Цифровые права человека: международно-правовое и социальное измерения // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2022. № 4. С. 952.

[9] *Гонгало Б. М., Новоселова Л. А.* Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 191.

[10] *Ефимова Л. Г.* Категория «цифровое имущество» в контексте доктринальных споров // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 9 (121). С. 38.

[11] *Петраков Н. А.* Концепция цифрового имущества как объекта гражданских прав // Цивилист. 2024. № 1 (47). С. 68.

Научным сообществом, в том числе зарубежными исследователями, среди проблем наследования цифровых прав выделяется отсутствие определения данного вида объектов гражданских прав и невозможность его формулировки[12]. В то же время в Российской Федерации была предпринята попытка законодательного урегулирования этого вопроса.

26.03.2018 в Государственную Думу был внесен законопроект о внесении изменений в Гражданский кодекс РФ[13]. В ходе рассмотрения законопроекта председатель Государственной Думы В. В. Володин отметил, что «его принятие закладывает фундамент для развития цифровой экономики и представляет собой новую область правового регулирования для нашей страны. В связи с этим становится актуальным законодательное закрепление основополагающих понятий в этой сфере»[14].

Законопроект после продолжительного обсуждения и критики со стороны научного сообщества, в том числе Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства[15], был принят и вступил в законную силу в 2019 г.[16] В статье 141.1 ГК РФ сформулировано определение понятия цифровых прав. Согласно указанной норме цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам.

Законодательное определение не отражает существующего в науке и на практике понимания данного термина, не соответствует сложившейся в международном юридическом сообществе традиции, вводит правоприменителя в заблуждение своим лексическим содержанием, нуждается в изменении.

Установленное в ст. 141.1 ГК РФ императивное правило о необходимости именования в законе отдельных объектов в качестве цифровых прав необоснованно сужает круг данных объектов гражданского права.

---

[12] Conway Heather and Grattan Sheena. The “New” New Property: Dealing with Digital Assets on Death (2017). Conway (with Sheena Grattan, BL), “The ‘New’ New Property: Dealing with Digital Assets on Death” in Conway and Hickey (eds) // Modern Studies in Property Law, Vol. 9 (Hart Publishing, July, 2017). P. 99—115 ; Queen’s University Belfast Law Research Paper № 2021–126. P. 111.

[13] Законопроект № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (о цифровых правах)» // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/424632-7?ysclid=lq1ahsb2g7441989971 (дата обращения: 08.12.2024).

[14] *Володин В. В.* Законопроект о цифровых правах формирует основу для развития цифровой экономики // URL: http://duma.gov.ru/news/29950/ (дата обращения: 08.12.2024).

[15] *Ефименко Е.* Совет по кодификации отклонил законопроект о цифровых правах // Интернет-издание Право.Ру. 17.01.2019 URL: https://pravo.ru/story/208294/ (дата обращения: 20.05.2024).

[16] Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 12. Ст. 1224.

Из буквального толкования ст. 141.1 ГК РФ следует, что современное гражданское законодательство однозначно признает в качестве цифровых прав только утилитарные цифровые права, существующие в инвестиционной платформе, а именно право требовать передачи вещи (вещей), право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности, право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг, а также цифровые финансовые активы.

Е. В. Вавилин справедливо отмечает, что в науке гражданского права сложилось более широкое толкование понятия цифровых прав, чем в предложенном законодателем определении, к цифровым правам следует также относить аккаунты, доменные имена, невзаимозаменяемые токены и иные цифровые сущности, не относящиеся к другим видам объектов гражданского права[17]. При этом некоторые из цифровых объектов, например аккаунты в социальных сетях, могут иметь признаки, идентифицирующие их в качестве результатов интеллектуальной деятельности[18]. В таких случаях, по мнению автора, следует выявлять основную цель и пользу цифровых сущностей для пользователя информационной системы. К примеру, аккаунт в социальной сети может иметь уникальное оформление, но для пользователя он будет иметь ценность именно как право доступа к цифровой платформе, право на пользование услугами, которые предоставляются оператором социальной сети.

В статье 141.1 ГК РФ под цифровыми правами понимаются обязательственные и иные права. Данная формулировка обоснованно расширяет перечень цифровых прав, так как вероятность появления таких объектов гражданских прав не в форме обязательственных прав велика ввиду высокой динамичности развития информационных технологий и стремительной цифровизации общественных отношений. Тем не менее в науке отмечается, что законодательство о цифровых финансовых активах противоречит указанному признаку цифровых прав, относя их не к обязательственным правам, а лишь к способу их удостоверения[19].

Из законодательного определения следует, что содержание и условия осуществления цифровых прав определяются в соответствии с правилами информационной системы. Как известно, цифровые информационные системы по своей природе являются автоматизированными, их надо отличать от механических и ручных. Тем самым целесообразно в определении понятия цифровых прав уточнить вид информационной системы, в которой такие права выпускаются, в качестве автоматизированной.

Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[20] указывает на существование трех видов информационных

---

[17] *Вавилин Е. В.* Наследование цифровых прав в России // Права человека и политика права в XXI в.: перспективы и вызовы : сборник научных трудов по итогам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Москва, 27—28 мая 2022 года. Саратов : Саратовский источник, 2022. С. 340.

[18] *Гринь Е. С.* Наследование аккаунтов в социальных сетях: российский и зарубежный опыт // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 2 (135). С. 130.

[19] *Павлова Д. А.* Юридические факты в реализации цифровых прав // Цивилист. 2024. № 3. С. 64.

[20] Федеральный закон от 27.072006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006 № 31 (ч. I). Ст. 3448.

систем: государственных, муниципальных и иных. Законодателем урегулированы особые требования только в отношении государственных и муниципальных информационных систем. Таким образом, предъявляемые в законодательном определении цифровых прав требования к информационным системам, в которых эти объекты осуществляются, являются избыточными и могут породить необоснованные споры на практике.

Часть цифровых прав существует в информационных системах, функционирующих с использованием технологии распределенного реестра блокчейн (blockchain). Данная технология в настоящее время является важным показателем уровня финансово-технологического развития государств, а также отдельных бизнес-единиц. При этом в науке существует и такая точка зрения, что технология блокчейн апробирована только в относительно небольших информационных системах, последствия полномасштабного внедрения технологии в экономику не известны и могут нанести ущерб общественным отношениям[21].

Открытая технология блокчейн исключает посреднические операции и централизованное управление операциями[22], т.е. она является полностью децентрализованной. Информационная система с использованием закрытой технологии блокчейн имеет своего оператора, который осуществляет выпуск цифровых прав и контроль за их оборотом.

Законодательство не запрещает гражданский оборот цифровых прав в информационных системах, построенных на принципах и с использованием технологии блокчейн. Но цифровые права в децентрализованном блокчейне, в контексте наследственных правоотношений, могут наследоваться лишь путем фактического вступления в наследство наследником, имеющим уникальный цифровой ключ доступа к информационной системе. Любая иная форма наследования с использованием принудительного государственного воздействия неэффективна из-за фактического отсутствия объекта такого воздействия как последствия децентрализации. Такая проблема частично может быть разрешена путем внедрения в российское законодательства цифровой формы завещания.

Анализ законодательства и доктрины показал, что цифровые права являются объектами гражданского права, а именно имуществом. Следовательно, они входят в наследственную массу. При этом они должны обладать ценностью, которую профессиональный оценщик способен трансформировать в денежную форму. К примеру, личный закрытый аккаунт наследодателя в социальной сети с небольшим числом подписчиков, который использовался им при жизни исключительно в целях электронной переписки с другими пользователями и трансляции определенному им же кругу лиц различных текстовых или аудиовизуальных сообщений и файлов, не имеет имущественной ценности и не является объектом наследования.

Криптовалюта и невзаимозаменяемые токены (NFT), в свою очередь, обладают всеми признаками ценного блага, но из-за негативного отношения к ним со

---

[21] *Василевская Л. Ю.* Цифровые права как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации // Хозяйство и право. 2019. № 5 (508). С. 11.

[22] *Блинов В. Г., Блинова В. В.* Правовое регулирование использования технологии распределенного реестра на рынке ценных бумаг // Oeconomia et Jus. 2020. № 4. С. 59.

стороны государственного аппарата, Центрального банка России и общественности фактически не могут быть унаследованы, пока законодатель однозначно не выразит свое отношение к таким цифровым правам. Тем не менее в последнее время изменился вектор правового регулирования цифровых валют в сторону снижения законодательных барьеров при условии надлежащего соблюдения владельцем такого цифрового права законодательства, в особенности налогового.

К бонусным программам и внутриигровому имуществу с большой степенью осторожности относится научное сообщество, которое не рекомендует придавать им свойства оборотоспособности и наследования, несмотря на существующий и функционирующий рынок таких цифровых активов. К примеру, по состоянию на 01.11.2024 количество участников программы лояльности «СберСпасибо» превысило 90 млн клиентов[23], что, безусловно, говорит о необходимости введения бонусных программ в правовое поле и закрепления их гражданско-правового статуса в качестве цифровых прав.

Одним из критериев способности конкретных цифровых прав к наследованию является возможность идентификации наследодателя как пользователя информационной системы и законного владельца цифрового права. В настоящее время в науке выработаны и применяются на практике инновационные методы и средства идентификации наследодателя цифровых прав, среди которых особо выделяется концепция цифрового следа[24]. Помимо этого, большой вклад в разрешение проблемы способна внести публичная инфраструктура цифрового профиля[25], одним из эффективных компонентов которой в современной России является Единая система идентификации и аутентификации (ЕСИА).

Универсальному правопреемству в порядке наследования некоторых из видов цифровых прав, таких как учетные записи (аккаунты) в социальных сетях и мессенджерах, препятствует их неразрывная связь с личностью наследодателя, содержание персональных данных и иной конфиденциальной информации наследодателя и третьих лиц. В науке отмечается, что современное чрезмерно строгое законодательное регулирование в отношении персональных данных препятствует развитию цифровых технологий[26].

Подводя итог исследования, автор отмечает, что цифровизация техники, технологии и общественных отношений значительно трансформировала фактическое состояние цивилистической науки и законодательства, требует передового и адекватного правового регулирования.

---

[23] Сокращенные результаты ПАО «Сбербанк» по РПБУ за 10 месяцев 2024 года // URL: https://www.sberbank.com/ru/investor-relations/groupresults/10m_november_2024_ras (дата обращения: 08.12.2024).

[24] *Непомнящий П. А.* Идентификация наследодателя цифровых прав // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 6. С. 179.

[25] *Минбалеев А. В.* Понятие и правовая природа цифрового профиля человека // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Право. 2022. Т. 22, № 1. С. 112.

[26] *Родионова О. М.* Права на свой интерес и свою волю в условиях цифровизации имущественных отношений // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 11 (87). С. 129.

Сущность цифровых прав раскрывается в их особой неосязаемой форме и их осуществлении, в том числе в процессе наследования, исключительно в автоматизированных информационных системах. Цифровые права обладают достаточными свойствами для их идентификации в качестве отдельного объекта гражданского права в числе обязательственных прав.

В контексте наследования автор предлагает понимать под цифровыми правами обязательственные права, содержание и условия осуществления которых определяются правилами автоматизированной информационной системы, в которой они возникают, осуществляются и прекращаются, отвечающие признакам оборотоспособности и имеющие имущественную ценность для наследников, а также позволяющие идентифицировать личность наследодателя.

Действующее правовое регулирование ограничивает развитие информационных технологий и требует переработки. Автор, исходя из представленного определения, предлагает внести соответствующие изменения в ст. 141.1 Гражданского кодекса РФ, а также урегулировать правовой статус криптовалют, невзаимозаменяемых токенов (NFT), внутриигровых цифровых объектов, цифровых бонусных программ и других фактически существующих цифровых прав.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Блинов В. Г., Блинова В. В.* Правовое регулирование использования технологии распределенного реестра на рынке ценных бумаг // Oeconomia et Jus. — 2020. — № 4. — С. 58—63.
2. *Вавилин Е. В.* Наследование цифровых прав в России // Права человека и политика права в XXI в.: перспективы и вызовы : сборник научных трудов по итогам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Москва, 27—28 мая 2022 года. — Саратов : Саратовский источник, 2022. — С. 354—364.
3. *Василевская Л. Ю.* Цифровые права как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации // Хозяйство и право. — 2019. — № 5 (508). — С. 3—14.
4. *Глушкова С. И., Летунов Е. Д.* Развитие нового поколения прав человека в эпоху цифровых технологий // Вестник Гуманитарного университета. — 2020. — № 4.
5. *Гонгало Б. М., Новоселова Л. А.* Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права // Пермский юридический альманах. — 2019. — № 2. — С. 179—192.
6. *Гринь Е. С.* Наследование аккаунтов в социальных сетях: российский и зарубежный опыт // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 2 (135). — С. 128—134.
7. *Ефимова Л. Г.* Категория «цифровое имущество» в контексте доктринальных споров // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2024. — № 9 (121). — С. 25—39.
8. *Карташкин В. А.* Цифровые права человека: международно-правовое и социальное измерения // Вестник РУДН. — Серия : Социология. — 2022. — № 4.

9. *Мартюшева К. Ю.* Цифровые права: основные проблемы законодательства // Человек, экономика, социум: актуальные научные исследования : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. 25.11.2020. — Белгород : АПНИ, 2020. — С. 27—29.
10. *Минбалеев А. В.* Понятие и правовая природа цифрового профиля человека // Вестник Южно-Уральского государственного университета. — Серия : Право. — 2022. — Т. 22. — № 1. — С. 110—116.
11. *Непомнящий П. А.* Идентификация наследодателя цифровых прав // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2024. — № 6. — С. 177—180.
12. *Павлова Д. А.* Юридические факты в реализации цифровых прав // Цивилист. — 2024. — № 3. — С. 61—67.
13. *Петраков Н. А.* Концепция цифрового имущества как объекта гражданских прав // Цивилист. — 2024. — № 1 (47). — С. 62—69.
14. *Пономарев Ф. В.* Цифровые права: настоящее и будущее // Аграрное и земельное право. — 2020. — № 6 (186).
15. *Родионова О. М.* Права на свой интерес и свою волю в условиях цифровизации имущественных отношений // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 11 (87). — С. 126—135.
16. *Суханов Е. А.* О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. — 2021. — Т. 21. — № 6. — С. 7—29.
17. *Шевцив О. С.* Некоторые аспекты понятия имущества как объекта гражданских прав // Ленинградский юридический журнал. — 2015. — № 4 (42). — С. 121—128.
18. *Coccoli J.* The challenges of new technologies in the implementation of human rights: An analysis of some critical issues in the digital era // Peace Human Rights Governance. — 2017. — Vol. 1. — № 2.
19. Conway Heather and Grattan Sheena. The “New” New Property: Dealing with Digital Assets on Death (2017). Conway (with Sheena Grattan BL), “The ‘New’ New Property: Dealing with Digital Assets on Death” in Conway and Hickey (eds) // Modern Studies in Property Law. — Vol. 9 (Hart Publishing, July, 2017). — P. 99—115 : Queen’s University Belfast Law Research Paper. — № 2021–126.
20. *Gurrea-Martnez A., Remolina N.* The Law and Finance of Initial Coin Oferings // Ibero-American Institute for Law and Finance Working Paper. — 2018. — № 4.

Виталий Сергеевич СБИТНЕВ,
аспирант кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
vitaly1404@mail.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Ответственность сторон по договору аренды объектов культурного наследия

Аннотация. *В рамках настоящей работы автор анализирует вопросы привлечения к ответственности в первую очередь арендатора по договору аренды объектов культурного наследия. Автор останавливается не только на классических мерах ответственности — неустойке и убытках, но и на одностороннем отказе от договора, который признается в цивилистической науке, как правило, мерой оперативного воздействия и не признается мерой гражданско-правовой ответственности. В ходе анализа одностороннего отказа от договора аренды объектов культурного наследия автор приходит к выводу, что отказ от договора можно признать мерой гражданско-правовой ответственности в указанных правоотношениях наравне с неустойкой и убытками. Размер неустойки, которая взыскивается с арендатора по договору аренды объектов культурного наследия, представляется чрезмерным, что влечет неэффективность самого института аренды памятников, так как арендаторы становятся незаинтересованными в аренде таких объектов в связи с высокими санкциями по договору.*

Ключевые слова: *договор аренды объектов культурного наследия, ответственность сторон, меры ответственности, меры оперативного воздействия, неустойка, убытки, односторонний отказ от договора*

DOI: 10.17803/2311-5998.2024.123.11.208-215

Vitaliy S. SBITNEV,
Postgraduate student of the Department of Civil Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
vitaly1404@mail.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Liability of a Party under a Lease Agreement for Cultural Heritage Objects

Abstract. *In this paper, the author analyzes the issues of bringing to liability, first of all, the lessee under the lease agreement for cultural heritage sites. The author dwells not only on the classic measures of liability — penalties and damages, but also on the unilateral refusal of the contract, which is recognized in civil science, as a rule, as a measure of operational influence and is not recognized as a measure of civil liability. In the course of analyzing the unilateral refusal of the lease agreement for cultural heritage sites, the author comes to the conclusion that the refusal of the contract can be recognized as a measure of civil liability in the specified legal relations on a*

© Сбитнев В. С., 2024

par with penalties and damages. The amount of the penalty that is collected from the lessee under the lease agreement for cultural heritage sites seems excessive, which entails the inefficiency of the very institution of leasing monuments, since lessees become uninterested in leasing such objects due to high sanctions under the agreement.
Keywords: *lease agreement for cultural heritage objects, liability of the parties, liability measures, operational measures, penalties, losses, unilateral refusal of the contract*

Договор аренды объектов культурного наследия (далее — ОКН, памятники) представляет собой один из механизмов вовлечения памятников в гражданский оборот с целью обеспечения их сохранности.

Государство возлагает на арендаторов множество обязательств, причем связанных не только с правом владения и пользования ОКН, но и с сохранением и восстановлением ОКН,. Они предусматриваются в охранном обязательстве, являющемся существенным условием договора, согласно ч. 4 ст. 14.1, ч. 7 ст. 48 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее — Закон об ОКН)[1].

Заключение договора аренды ОКН без включения обязательств по сохранению ОКН невозможно. В случае отсутствия на момент заключения договора утвержденного органом государственной власти охранного обязательства арендатор должен соблюдать общие требования закона по пользованию памятником, что включается в текст договора. Если такое требование не включено, сделка будет признаваться ничтожной (ч. 7 ст. 48 Закона об ОКН).

Возложение на арендатора дополнительных обязательств вызвано необходимостью реализации государственной политики в сфере сохранения исторического и культурного наследия России. Значимость сохранения памятников, в том числе в рамках заключения договоров аренды ОКН, вытекает из конституционного права на доступ к культурным ценностям, которое закреплено в ч. 2 ст. 44 Конституции РФ[2].

В Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года установлен повышенный уровень ответственности не только для собственников ОКН, но и для пользователей в целях сохранения культурного наследия и создания условий для развития культуры[3], что непосредственно отражается и на гражданско-правовой ответственности сторон по договору аренды ОКН.

---

1 Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // Российская газета. 29.06.2002. № 116—117.

2 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru, 06.10.2022 (дата обращения: 13.08.2024).

3 Распоряжение Правительства РФ от 29.02.2016 № 326-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2016. № 11. Ст. 1552.

В связи с тем, что на арендатора возлагаются дополнительные обязательства по сохранению ОКН, в текст договора включается множество положений, посвященных ответственности арендатора за ненадлежащее использование ОКН и несоблюдение требований охранного обязательства[4].

При этом судебная практика показывает, что арендодатель практически не привлекается к ответственности, так как основные обязательства возлагаются именно на арендатора. Как следствие, и неблагоприятные последствия также несет арендатор. Такое неравномерное распределение гражданско-правовой ответственности закономерно и вызвано, как подчеркивает В. А. Тархов, тем, что исполнение договора в большей степени зависит от должника (в рамках договора аренды ОКН это арендатор), соответственно, и ответственность устанавливается преимущественно в отношении такого лица[5].

Повышенный уровень ответственности арендатора можно объяснить двумя причинами: во-первых, имущество, которое передается по договору аренды ОКН, является государственной или муниципальной собственностью (государство предусматривает дополнительные меры ответственности[6]); во-вторых, в связи с особой культурной ценностью и значимостью как для государства, так и для всего общества в целом.

Арендатора за нарушение обязательств могут привлечь к следующим видам гражданско-правовой ответственности:

1. Взыскание убытков[7]. В случае, если арендодателя — собственника ОКН привлекут к административной ответственности за нарушение обязательств по сохранению ОКН, который передан в аренду, он может в судебном порядке взыскать размер взысканного с него штрафа с арендатора. К таким убыткам может относиться привлечение собственника к ответственности в порядке ст. 7.13, ст. 7.14 КоАП РФ за невыполнение требований, предусмотренных охранным обязательством[8].

Также арендодатель вправе потребовать возмещения убытков в связи с неисполнением арендатором обязанности по своевременному внесению арендной платы по договору или в связи с причинением ущерба памятнику. При этом в случае причинения ущерба памятнику размер ответственности будет выше в сравнении с объектом недвижимости, который не представляет исторической и

---

[4] *Сбитнев В. С.* Правовая природа охранного обязательства как существенного условия договора аренды объектов культурного наследия // Хозяйство и право. 2024. № 4 (567). С. 101—103.

[5] *Тархов В. А.* Гражданское право. Общая часть : курс лекций. Чебоксары, 1997. С. 284.

[6] Письмо Росимущества от 18.02.2016 № ОД-14/6246 «О договорах аренды федерального недвижимого имущества» // СПС «КонсультантПлюс».

[7] Далее будут рассмотрены положения об ответственности, которые содержатся в типовой форме договора аренды ОКН, утвержденной распоряжением Комитета имущественных отношений Санкт-Петербурга от 31.07.2019 № 127-р «О проведении аукционов на право заключения договоров аренды объектов нежилого фонда, находящихся в государственной собственности Санкт-Петербурга» // СПС «КонсультантПлюс».

[8] Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 10.12.2018 № Ф01-5516/2018 по делу № А43-46014/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

культурной ценности, так как для восстановления ОКН потребуется вложение значительных денежных средств и временны́х ресурсов. При этом не подлежат квалификации в качестве убытков денежные средства, которые необходимо затратить на ремонтно-реставрационные работ ОКН, которые изначально были переданы арендатору в руинном состоянии[9].

2. Взыскание неустойки. Типовыми формами договоров предусматривается множество оснований взыскания различных видов неустоек (штрафов, пеней) с арендатора за нарушение как арендных обязательств, так и обязательств по сохранению ОКН. Так, например, арендатор обязан выплатить неустойку в виде пеней за несвоевременное проведение перепланировки либо переустройства, за отсутствие согласования использования ОКН по его функциональному назначению в органах МЧС России, Роспотребнадзоре и др.

Также неустойка подлежит взысканию за неисполнение решений и предписаний органа охраны ОКН либо иного уполномоченного государственного органа и несоблюдение действующих норм и правил использования зданий (помещений), в том числе санитарных норм и правил пожарной безопасности.

Собственники ОКН предусматривают в договоре высокий размер ответственности арендатора за ненадлежащее исполнение условий договора и требований, установленных в охранном обязательстве. Так, размер неустойки может равняться сумме годовой арендной платы за один факт нарушения требований, установленных, например, в охранном обязательстве.

В договорах закрепляется ответственность за разовое невыполнение одного из условий договора (например, за несвоевременное заключение договора с коммунальной службой, несвоевременное согласование проектной документации и др.) в виде штрафа. Его размер может достигать 5 %[10], 20 %[11] или 50 %[12] от годового размера арендной платы. За длящееся правонарушение (несвоевременное внесение арендной платы) может быть предусмотрена пеня в размере 0,2 %[13], 0,5 %[14] или 0,7 %[15] от суммы долга за каждый день просрочки внесения арендной платы.

---

[9] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 13.08.2021 № 09АП-32017/2021 по делу № А40-184200/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

[10] Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 08.10.2020 № 02АП-6456/2020 по делу № А17-1913/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

[11] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10.12.2019 № Ф05-21349/2019 по делу № А40-39781/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

[12] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 25.01.2023 № 09АП-80695/2022-ГК по делу № А40-117155/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

[13] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 30.08.2021 № 09АП-40110/2021 по делу № А40-186097/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

[14] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 20.12.2021 № 09АП-65060/2021 по делу № А40-138972/2021.

[15] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 27.04.2023 № Ф04-906/2023 по делу № А27-9719/2022.

Очевидно, что размер неустойки не соответствует как допущенным нарушениям, так и требованиям разумности и справедливости[16]. Договоры аренды ОКН направлены на вовлечение памятников в гражданский оборот, но государство предусматривает в типовых формах договора такой уровень имущественной ответственности арендаторов, который явно противоречит основной цели договорной конструкции. Он не соответствует сложившейся практике, согласно которой неустойка по договору аренды взыскивается в размере 0,1 % от суммы задолженности.

Такой размер неустойки отвлекает денежные средства арендатора от настоящей цели института аренды ОКН — сохранения ОКН, в том числе путем проведения дорогостоящих восстановительных работ, которые в полном объеме оплачиваются временным владельцем ОКН — арендатором.

3. Арендодатель в одностороннем порядке отказывается от договора в случае нарушения арендатором условий договора либо требований охранного законодательства.

В договоре могут быть предусмотрены различные основания для реализации арендодателем права на отказ от договора, в том числе в связи с неисполнением арендатором условий договора или требований охранного обязательства. Например, к таким основаниям, согласно распоряжению Комитета имущественных отношений Санкт-Петербурга от 31.07.2019 № 127-р, относятся несоблюдение арендатором условий сдачи ОКН в субаренду, размещение в ОКН игровых автоматов или букмекерских компаний, несоблюдение правил оборота этилового спирта, несоблюдение требований охранного обязательства (не определены конкретные нарушения) и др.[17]

Кроме того, собственник ОКН не ограничен правом включать в договор аренды ОКН различные основания для одностороннего, в том числе внесудебного, отказа от договора.

Односторонний отказ стороны от договора не признают видом гражданско-правовой ответственности[18], так как отказу от договора не присуща компенсаторно-восстановительная функция[19], в отличие от неустойки и убытков.

---

[16] Постановления Конституционного Суда РФ от 13.12.2016 № 28-П по делу о проверке конституционности пп. 1 ст. 1301, пп. 1 ст. 1311 и пп. 1 п. 4 ст. 1515 Гражданского кодекса РФ в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края // Российская газета. 23.12.2016. № 292 ; от 30.07.2001 № 13-П по делу о проверке конституционности положений пп. 7 п. 1 ст. 7, п. 1 ст. 77 и п. 1 ст. 81 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в связи с запросами Арбитражного суда Воронежской обл., Арбитражного суда Саратовской обл. и жалобой ОАО «Разрез Изыхский» // Российская газета. 08.08.2001. № 150.

[17] Распоряжение Комитета имущественных отношений Санкт-Петербурга от 31.07.2019 № 127-р «О проведении аукционов на право заключения договоров аренды объектов нежилого фонда, находящихся в государственной собственности Санкт-Петербурга» // СПС «КонсультантПлюс».

[18] *Карапетов А. Г.* Основные тенденции правового регулирования расторжения нарушенного договора в зарубежном и российском праве : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 122.

[19] Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2019. Т. 1 : Общая часть. С. 511—512.

Действительно, как считают М. И. Брагинский и В. В. Витрянский, компенсаторно-восстановительный характер неблагоприятных имущественных последствий является одним из основных признаков мер гражданско-правовой ответственности[20]. В классическом понимании отказ от договора не приводит к компенсации имущественных потерь стороне, которая отказалась от договора. Как следствие, односторонний отказ от договора квалифицируют как меру оперативного воздействия, которая направлена на предупреждение неблагоприятных последствий. Тем самым сторона, отказываясь от договора, исключает возможность причинения ущерба в будущем, однако не получает никакой имущественной выгоды.

М. А. Егорова считает, что действия по одностороннему отказу от исполнения договора касаются лишь «динамики субъективных прав и обязанностей сторон основного договорного обязательства и не направлены на причинение пассивной стороне договора имущественных или денежных лишений»[21].

Если более детально рассмотреть отказ от договора аренды ОКН, то можно увидеть, что арендатор несет имущественные неблагоприятные последствия в виде потери вложенных средств в восстановление ОКН. Арендатор изначально по договору аренды обязуется выполнить работы по сохранению ОКН, а впоследствии может рассчитывать на компенсацию в виде льготной арендной платы (ст. 14, 14.1 Закона об ОКН).

Так, арендатор вложил собственные денежные средства в восстановление ОКН, рассчитывая на получение компенсации в длительной перспективе, но с ним расторгают договор за одно нарушение договора или требований охранного обязательства. В результате арендатор лишается одновременно и вложенных денежных средств, и права на их полную компенсацию. Арендодатель получает в таком случае имущественную выгоду — отреставрированный ОКН — и не несет расходы на его восстановление. Односторонний мотивированный отказ арендодателя от договора аренды ОКН обладает компенсаторно-восстановительным признаком, так как арендодатель получает ничем не обоснованную выгоду, а арендатор несет убытки.

Таким образом, односторонний отказ от договора аренды ОКН направлен на причинение имущественных лишений пассивной стороне правоотношений.

Как считает Е. А. Суханов, при применении мер защиты, к которым относятся меры оперативного воздействия, правонарушитель юридически теряет все то, что по праву ему и не принадлежало[22]. С учетом специфики правоотношений, возникающих из аренды ОКН, указанный вывод не находит подтверждения, так как в случае с односторонним отказом от договора аренды ОКН арендатор теряет собственные денежные средства, которые он вложил в сохранение ОКН

[20] См.: *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Договорное право : Общие положения. М., 1997. С. 493 ; *Иоффе О. С.* Ответственность по советскому гражданскому праву // Избранные труды : в 4 т. СПб., 2003. Т. 1 : Правоотношение по советскому гражданскому праву. Ответственность по советскому гражданскому праву. С. 45.

[21] *Егорова М. А.* Односторонний отказ от исполнения гражданско-правового договора. М., 2008. С. 352.

[22] Гражданское право : учебник. Т. 1. С. 558—559.

без получения компенсации — без соразмерного зачета таких вложений в счет арендной платы.

Можно сделать вывод: односторонний отказ от договора аренды ОКН обладает признаком, присущим таким мерам гражданско-правовой ответственности, как неустойка и убытки[23], потеря и истребование двойного размера задатка[24], носит имущественный и компенсаторно-восстановительный характер, наступает в зависимости от усмотрения кредитора.

Идея квалификации расторжения договора, в том числе в одностороннем порядке, как формы наказания (вида ответственности) нашла свое отражение и в трудах иностранных авторов[25]. В судебной практике в ряде случаев суд также квалифицирует односторонний отказ от договора как меру ответственности и дает оценку таким отказам как «несоразмерным» мерам ответственности, которые не соответствуют балансу интересов сторон[26].

Следовательно, односторонний отказ от договора аренды ОКН в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением арендатором договора либо требований охранного обязательства является в том числе и мерой гражданско-правовой ответственности. Односторонний отказ арендодателя от договора аренды ОКН в случае выявления факта нарушения со стороны арендатора имеет двойную правовую природу, является и мерой оперативного воздействия, и мерой гражданско-правовой ответственности.

Размер ответственности арендатора по договору аренды ОКН, а также широкий спектр оснований привлечения такого лица к ответственности (в сравнении с арендодателем) свидетельствуют о том, что в рамках осуществления гражданских прав и обязанностей, как справедливо пишет Е. В. Вавилин, происходит нарушение принципа соразмерности гражданских прав и обязанностей сторон.

Как следствие, правоотношения сторон не строятся на принципах взаимной гражданско-правовой ответственности субъектов права[27]. Происходит дисбаланс отношений сторон, что в том числе негативно сказывается на вовлечении памятников в гражданский оборот, а именно такую цель преследовал законодатель, создавая правовую конструкцию договора аренды ОКН.

---

[23] *Карапетов А. Г.* Указ. соч. С. 120—122.

[24] *Иоффе О. С.* Обязательственное право. М., 1975. С. 98—99.

[25] См., например: *Boyer G.* Op. cit. P. 49 ; Muthers, Christof Der Rücktritt vom Vertrag vom Vertrag — Eine Untersuchung zur Konzeption der Vertragsaufhebung nach der Schuldrechtsreform. Diss. Baden-Baden, 2008. P. 28.

[26] Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 05.06.2018 № Ф06-33013/2018 по делу № А06-5294/2017 ; постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 06.07.2020 № 13АП-6054/2020 по делу № А56-96766/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

[27] *Вавилин Е. В.* Принципы гражданского права. Механизм осуществления и защиты гражданских прав : монография. Саратов : Саратовская гос. юрид. академия, 2012. С. 306—308.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Договорное право : Общие положения. — М., 1997. — 682 с.
2. *Вавилин Е. В.* Принципы гражданского права. Механизм осуществления и защиты гражданских прав : монография. — Саратов : Саратовская гос. юрид. академия, 2012. — 364 с.
3. Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Статут, 2019. — Т. 1 : Общая часть. — 576 с.
4. *Егорова М. А.* Односторонний отказ от исполнения гражданско-правового договора. — М., 2008. — 493 с.
5. *Иоффе О. С.* Обязательственное право. — М., 1975. — 880 с.
6. *Иоффе О. С.* Ответственность по советскому гражданскому праву // Избранные труды : в 4 т. — СПб., 2003. — Т. 1 : Правоотношение по советскому гражданскому праву. Ответственность по советскому гражданскому праву. — 574 с.
7. *Карапетов А. Г.* Основные тенденции правового регулирования расторжения нарушенного договора в зарубежном и российском праве : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2011. — 499 с.
8. *Сбитнев В. С.* Правовая природа охранного обязательства как существенного условия договора аренды объектов культурного наследия // Хозяйство и право. — 2024. — № 4 (567). — С. 101—112.
9. *Тархов В. А.* Гражданское право. Общая часть : курс лекций. — Чебоксары, 1997. — 331 с.
10. *Boyer G.* Recherches historiques sur la résolution des contrats. — Paris : P.U.F., 1924. — 439 p.
11. *Muthers Christof.* Der Rücktritt vom Vertrag vom Vertrag — Eine Untersuchung zur Konzeption der Vertragsaufhebung nach der Schuldrechtsreform : Diss. — Baden-Baden, 2008. — 258 p.

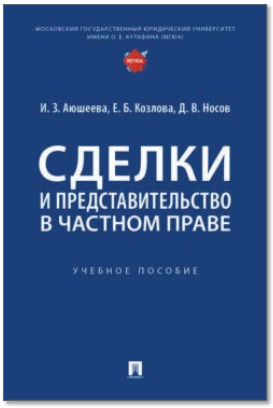
КНИЖНАЯ ПОЛКА КАФЕДРЫ

УЧЕБНИКИ И УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ

Гражданское право. Часть вторая : учебник / И. З. Аюшеева, Д. А. Белова, Е. В. Богданов [и др.] ; под ред. Е. Е. Богдановой. — М. : Проспект, 2024. — Т. 4. — 656 с.

ISBN 978-5-392-41416-1
URL: http://ebs.prospekt.org/book/48200

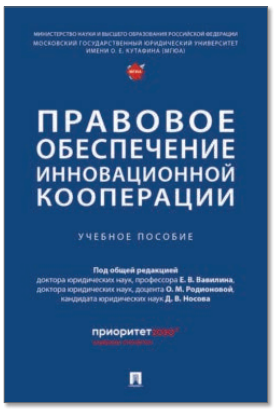
Представленный четвертый том учебника посвящен вопросам Особенной части российского гражданского права и учитывает последние тенденции развития гражданского законодательства. Учебный материал разделен на главы в соответствии с программой учебной дисциплины «Гражданское право». Авторы данного учебника стремились изложить ясным и доступным языком самые сложные и дискуссионные проблемы гражданского права, используя многочисленные примеры судебной практики, приводя достижения научной доктрины, а также положения зарубежного законодательства. Каждый параграф содержит подробные выводы. Каждая глава учебника включает список рекомендуемых источников и контрольные вопросы для проверки знаний. Законодательство приводится по состоянию на сентябрь 2023 г.
Для студентов бакалавриата, специалитета, магистрантов, аспирантов, преподавателей высших юридических и неюридических учебных заведений, практикующих юристов и всех, кто интересуется проблемами современного гражданского права.



Аюшеева И. З., Козлова Е. Б., Носов Д. В. Сделки и представительство в частном праве : учебное пособие. — М. : Проспект, 2024. — 184 с.

ISBN 978-5-392-41058-3
URL: https://prospekt.org/index.php?page=book&id=48429

Представленное учебное пособие подготовлено на кафедре гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и предназначено для изучения учебной дисциплины «Сделки и представительство в частном праве». В пособии освещены дискуссионные вопросы о сделках и представительстве в гражданском праве. В работе раскрыты проблемные вопросы квалификации сделок, их видов, условий действительности, а также недействительности сделок. Рассмотрены различные подходы к определению понятия и юридической природы представительства в гражданском праве, отграничение его от других правоотношений с участием третьих лиц, понятие полномочия, его юридическая природа. Законодательство приведено по состоянию на 1 января 2024 г.
Учебное пособие предназначено для обучающихся по программам магистратуры, преподавателей юридических дисциплин, а также всех, кто интересуется проблемными аспектами частного права.



Правовое обеспечение инновационной кооперации : учебное пособие / под общ. ред. Е. В. Вавилина, О. М. Родионовой, Д. В. Носова. — М. : Проспект, 2024. — 304 с.

ISBN 978-5-392-42225-8
URL: https://prospekt.org/index.php?page=book&id=48798

Учебное пособие подготовлено на кафедре гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и предназначено для изучения обучающимися юридических факультетов и вузов учебной дисциплины «Правовое обеспечение инновационной кооперации». В учебном пособии освещены дискуссионные вопросы инновационной кооперации как основы технологического лидерства Российской Федерации, особенности правового обеспечения и управления инновационной кооперацией, вопросы участия государства в инновационной кооперации, а также различные организационно-правовые формы инновационной кооперации в России и за рубежом. Законодательство приведено по состоянию на 1 июля 2024 г.

Учебное пособие предназначено для обучающихся по программам магистратуры, преподавателей юридических дисциплин, а также всех, кто интересуется проблемными аспектами правового регулирования инновационной кооперации.

Солдатова В. И., Соменков С. А., Образцова В. И. Договоры с участием потребителей : научно-практическое пособие. — М. : Проспект, 2024. — 160 с.

ISBN 978-5-392-41127-6
URL: https://prospekt.org/index.php?page=book&id=48052

В научно-практическом пособии раскрыты специфика и субъектный состав правоотношений, порядок заключения и исполнения договоров с участием потребителей. Рассмотрены права потребителя на товары, работы, услуги надлежащего качества, а также при продаже товаров ненадлежащего качества и при выполнении работ и оказании услуг. Кроме того, освещены вопросы досудебной и судебной защиты прав потребителей. Законодательство приведено по состоянию на 1 октября 2023 г.

Для практикующих юристов, обучающихся юридических вузов, а также для граждан-потребителей.

Муратова С. А. Семейное право : учебник. — 7-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма ; Инфра-М, 2024. — 384 с.

ISBN 978-5-00156-372-3
URL: https://znanium.ru/catalog/product/2146089

В учебнике, подготовленном в соответствии с государственным образовательным стандартом, рассматриваются предмет, метод, принципы,

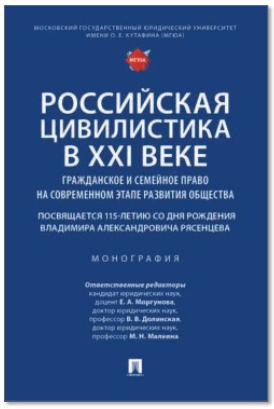
источники семейного права; понятие и виды семейных правоотношений; понятие, условия, порядок заключения и прекращения брака. Анализируются супружеские и родительские правоотношения, формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей. Отдельные главы посвящены истории развития семейного права России, юридическим фактам в семейном праве; способам осуществления семейных прав и исполнения обязанностей, а также мерам защиты и ответственности в семейном праве. В приложениях приведены образцы брачных договоров, исковых заявлений о расторжении брака и разделе общего имущества супругов, соглашения об уплате алиментов и др.
Для студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов.

МОНОГРАФИИ

Современное гражданское и семейное право: перспективы развития доктрины, законодательства и правоприменительной практики : монография / отв. ред. Е. В. Вавилин, О. М. Родионова. — М. : Статут, 2024. — 318 с.

ISBN 978-5-8354-2007-0
URL: https://www.estatut.ru/catalogue/books/grajdanskoe-pravo/semeynoe-pravo/sovremennoe-grajdanskoe-i-semeynoe-pravo-perspektivy-razvitiya-doktriny-zakonodatelstva-i-pravoprimenitelnoy-praktiki/

Монография посвящена памяти выдающегося отечественного цивилиста и талантливого педагога Владимира Александровича Рясенцева. В книге представлены перспективы развития доктрины современного гражданского законодательства и правоприменительной практики, прежде всего в области цифровизации гражданского оборота, механизма осуществления и защиты гражданских прав в условиях цифровых вызовов и угроз. Рассматриваются вопросы о субъектах гражданских прав и их представителях, об обеспечении имущественных прав, личных неимущественных прав, а также проблемы, связанные с обязательствами и интеллектуальными правами, в том числе в сфере здравоохранения, с семейно-правовыми отношениями, интересами и ценностями. Законодательство приведено по состоянию на 26 марта 2024 г.
Для научных и практических работников, преподавателей и студентов высших юридических учебных заведений.



Российская цивилистика в XXI веке: гражданское и семейное право на современном этапе развития общества (посвящается 115-летию со дня рождения Владимира Александровича Рясенцева) : монография / отв. ред. Е. А. Моргунова, В. В. Долинская, М. Н. Малеина. — М. : Проспект, 2024. — 304 с.

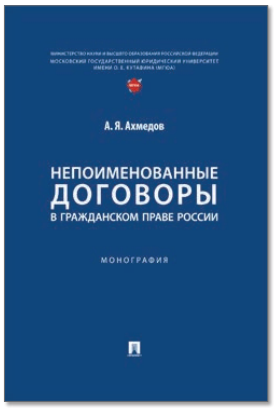
ISBN 978-5-392-42900-4
URL: https://prospekt.org/index.php?page=book&id=48652

В память об известном советском и российском ученом-цивилисте В. А. Рясенцеве современные ученые исследуют такие общие положения гражданского законодательства, как правосубъектность физических и юридических лиц, объекты гражданских прав, развитие норм о гражданско-правовой ответственности. На основе научных позиций профессора В. А. Рясенцева авторы выявляют современное состояние связи и взаимодействия гражданского и семейного права.
Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов и факультетов, практикующих юристов, а также для всех читателей, интересующихся проблемами частного права России.

Правовое регулирование инновационной кооперации: российский и зарубежный опыт : монография / И. З. Аюшеева, Е. Б. Козлова, В. Д. Кравец [и др.] ; под ред. Е. В. Вавилина, О. М. Родионовой, Д. В. Носова. — М. : Проспект, 2024. — 256 с.

ISBN 978-5-392-42103-9
URL: https://prospekt.org/index.php?page=book&id=48538

Коллективная монография подготовлена в рамках междисциплинарных исследований российского и зарубежного опыта правового обеспечения организации взаимодействия участников инновационной деятельности (инновационной кооперации), в том числе ее значения для достижения технологического лидерства в России, западных и азиатских странах, проблем правового определения участников инновационной кооперации (научных и научно-образовательных сообществ, кластеров, институтов развития, военно-промышленного комплекса, социального сектора), а также правового оформления управления интеллектуальной собственностью и венчурного инвестирования. Материал изложен на основе действующего российского законодательства с учетом практики его применения судами и научных работ по проблемам правового регулирования инновационной кооперации в России и за рубежом. Законодательство приведено по состоянию на 1 января 2024 г.
Монография подготовлена членами рабочей группы проекта «Правовые решения для обеспечения инновационной кооперации» Центра компетенций «Техноправо (Инновации. Технологии. Право)» Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в рамках реализации программы «Приоритет-2030» при поддержке консорциума «Инновационная юриспруденция».
Книга предназначена для преподавателей, научных и практических работников, работников органов государственной власти, студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов и факультетов, практикующих юристов, а также всех интересующихся российским и зарубежным опытом правового обеспечения организации взаимодействия участников инновационной деятельности (инновационной кооперации).



Ахмедов А. Я. Непоименованные договоры в гражданском праве России : монография. — М. : Проспект, 2024. — 239 с.

ISBN 978-5-392-43678-1
URL: https://prospekt.org/index.php?page=book&id=48135

Монография представляет собой комплексное исследование договоров, не предусмотренных законом или иными правовыми актами. Значительное внимание уделено анализу квалифицирующих признаков, поименованных в Гражданском кодексе РФ договоров, отграничению квалифицирующих признаков договоров от особенностей правового регулирования возникающих из них отношений. Автор придерживается позиции о необходимости расширительного толкования квалифицирующих признаков поименованных договоров, об исключительности непоименованных договоров как правового явления и о возможности применения при наличии весомых политико-правовых причин аналогии закона даже в случае отсутствия пробела в праве. В работе рассмотрены принцип свободы договора как нормативное основание заключения непоименованных договоров, понятие и признаки непоименованного и смешанного договоров, их соотношение, особенности правового регулирования отношений, возникающих из непоименованных договоров, предложена квалификация различных гражданско-правовых соглашений. Законодательство приведено по состоянию на 1 октября 2023 г. Для научных и практических работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов, а также всех интересующихся проблемами договорного права.

Османова Д. О. Банкротство гражданина : монография. — М. : Проспект, 2024. — 208 с.

ISBN 978-5-392-42199-2
URL: https://prospekt.org/index.php?page=book&id=48628

Монография сосредоточена на анализе ключевых проблем в области банкротства: правового статуса супруга должника в случае банкротства; сложности проведения такой процедуры по отношению к наследственной массе; целесообразности существования всех обозначенных в законе стадий, применяемых в случае банкротства гражданина; особом положении отдельных участников спора и др. Автор освещает наиболее важные правовые и научные аспекты, связанные с потребительским банкротством, раскрывает причины имеющихся проблем, указывает на обнаруженные несовершенства и предлагает свою позицию в части их преодоления. Отдельное внимание уделено процедуре внесудебного банкротства граждан с учетом анализа зарубежного опыта, исторических предпосылок создания указанного правового механизма и результатов его применения на основе имеющихся статистических данных. В работе подробно раскрыты применяемые к должнику-гражданину процедуры: реструктуризация долгов, реализация имущества,

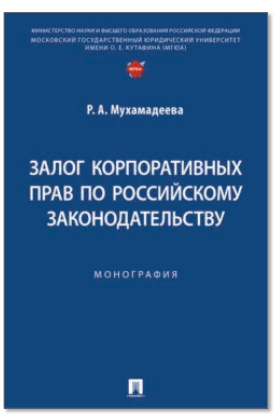
мировое соглашение. В рамках каждой из них обозначены ключевые нормативные правила, а также сложности, возникающие на практике. Отдельное внимание уделено институту оспаривания сделок должника (внеконкурсному и конкурсному оспариванию). Исследованы процессуальные вопросы, связанные с процедурой банкротства гражданина. Автор пытается раскрыть процессуальную сущность процедуры банкротства, отражает специфику и проблемность такого явления, как «банкротный туризм», исследует ключевые стандарты доказывания, используемые в процедуре банкротства, а также освещает ряд иных не менее важных вопросов. Законодательство приведено по состоянию на 1 декабря 2023 г.

Доверительное управление наследственным имуществом : монография. — М. : Проспект, 2024. — 176 с.

ISBN 978-5-392-41706-3
URL: https://prospekt.org/index.php?page=book&id=48272

Работа отражает авторские подходы к пониманию категорий института доверительного управления наследственным имуществом и предлагает механизмы его применения в современных условиях функционирования российской правовой системы. Законодательство приводится по состоянию на 1 февраля 2024 г. Материалы монографии могут быть интегрированы в образовательный процесс для углубленного изучения проблемных вопросов наследственного права и правовых основ нотариальной деятельности, в том числе при использовании интерактивных образовательных технологий.

Мухамадеева Р. А. Залог корпоративных прав по российскому законодательству : монография. — М. : Проспект, 2024. — 144 с.



ISBN 978-5-392-42092-6
URL: https://prospekt.org/index.php?page=book&id=48535

В монографии раскрываются процесс становления правового субинститута залога корпоративных прав в современном праве, понятие и правовая природа нового для российского права вида залога, с помощью которого предусмотрена возможность обеспечивать исполнение обязательств. Раскрываются вопросы, с которыми сталкиваются субъекты правоотношения, и предлагаются пути совершенствования норм, регулирующих рассматриваемый вид залога. Материал изложен с учетом последних изменений гражданского, предпринимательского, корпоративного законодательства, а также тенденций судебно-арбитражной практики. Законодательство приведено по состоянию на апрель 2024 г. Книга рассчитана на широкий круг читателей. Монография может быть рекомендована ученым, преподавателям, аспирантам, студентам юридических вузов и всем, кто интересуется проблемами гражданского и корпоративного права.

Гражданско-правовая ответственность за экологические правонарушения : монография / отв. ред. О. М. Родионова. — М. : Проспект, 2024. — 181 с.

ISBN 978-5-392-42987-5
URL: https://prospekt.org/index.php?page=book&id=47734

Коллективная монография подготовлена в рамках междисциплинарных и межвузовских исследований, посвященных анализу специфики гражданско-правовой ответственности за экологические правонарушения в современном мире, в том числе проблем реализации принципа полного возмещения вреда окружающей среде, жизни и (или) здоровью граждан, компенсации морального вреда, причиненного в результате нарушения законодательства в области охраны окружающей среды, определения углеродных единиц как механизма возмещения вреда, причиненного окружающей среде, особенностей возмещения вреда, причиненного отдельным компонентам окружающей среды, а также экологического страхования.

Работа подготовлена по итогам проведения круглого стола «Проблемы гражданско-правовой ответственности за экологические правонарушения», который состоялся 16 февраля 2023 г. в рамках Всероссийского научного симпозиума «Современное гражданское и семейное право: перспективы развития доктрины, законодательства и правоприменительной практики», организованного кафедрой гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Материал изложен на основе действующего российского законодательства с учетом практики его применения судами и научных работ по проблемам гражданско-правовой ответственности за экологические правонарушения.

Книга предназначена для преподавателей, научных и практических работников, сотрудников органов государственной власти, студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов и факультетов, практикующих юристов, а также всех интересующихся проблемами гражданско-правовой ответственности за экологические правонарушения.

Устинова А. В. Гражданско-правовая охрана интернет-вещания : монография / отв. ред. А. Г. Матвеев. — М. : Юстицинформ, 2024. — 228 с.

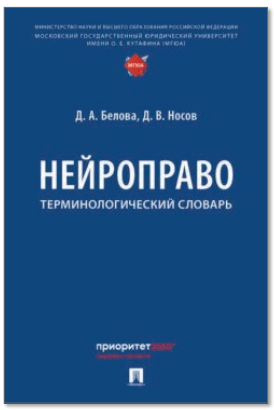
ISBN 978-5-7205-2024-3
URL: https://znanium.ru/catalog/product/2147361

В монографии представлены результаты исследования теоретических и практических проблем охраны интернет-вещания. Дается анализ российской и зарубежной доктрины, законодательства и правоприменительной практики, касающихся обоснования предоставления охраны интернет-вещания, определения условий и объекта такой охраны, а также границ исключительного смежного с авторским правом права на использование сетевого вещания. Представлен авторский взгляд

на механизм смежно-правовой охраны исключительных прав на передачи сетевого вещания.
Книга предназначена для студентов юридических вузов, ученых-правоведов, преподавателей и всех, кто интересуется вопросами интеллектуальной собственности.

Белова Д. А., Носов Д. В. Нейроправо : терминологический словарь. — М. : Проспект, 2024. — 56 с.

ISBN 978-5-392-37199-0
URL: https://prospekt.org/index.php?page=book&id=48428



Глоссарий подготовлен авторами, развивающими концепцию нейроправа в России. Это сборник основных терминов и понятий, предложенных к использованию в науке и практике применения нейротехнологий, предназначенный для уяснения смысла стремительно развивающихся в современном мире отношений, связанных с применением нейротехнологических устройств, а также особенностей их правового режима. Законодательство приведено по состоянию на 1 октября 2023 г.
Глоссарий может быть использован в научной и образовательной деятельности при обучении специалистов по самым различным направлениям подготовки, включая юристов, экономистов, медиков, психологов, в законотворческой и правоприменительной деятельности в различных областях отношений, связанных с разработкой и применением нейротехнологий.

Научное наследие

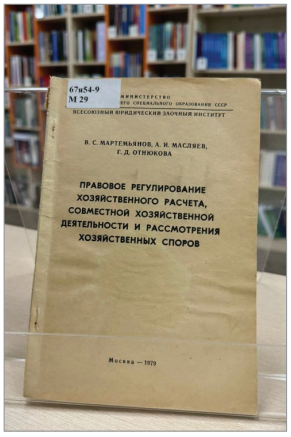
Алексей Иванович Масляев *(1924—2015) — ведущий российский ученый-цивилист, известный ученый в области гражданского права. Более полувека Алексей Иванович посвятил работе на кафедре гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (ВЮЗИ, МЮИ, МГЮА), занимая должности старшего преподавателя, доцента, профессора.*

В настоящем номере журнала «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» мы публикуем главу из учебного пособия «Правовое регулирование хозяйственного расчета, совместной хозяйственной деятельности и рассмотрения хозяйственных споров», изданного ВЮЗИ в 1979 г. Учебное пособие было подготовлено совместно с другими известными учеными нашего вуза — В. С. Мартемьяновым и Г. Д. Отнюковой.

В. С. Мартемьянов, А. И. Масляев, Г. Д. Отнюкова

Правовое регулирование хозяйственного расчета, совместной хозяйственной деятельности и рассмотрения хозяйственных споров[1]

(извлечение)



Глава II. Правовое регулирование совместной хозяйственной деятельности[2]

§ 1. Правовое регулирование совместной хозяйственной деятельности

1. *Под совместной хозяйственной деятельностью, регулируемой хозяйственным законодательством, подразумевают совместные действия двух или нескольких самостоятельных субъектов права, направленные на достижение общей хозяйственной цели.* Такая деятельность социалистических организаций в условиях развитого социализма в силу объективной экономической закономерности концентрации и централизации производственной и иной хозяйственной деятельности получает широкое распространение. Она имеет место при осуществлении дальнейшей специализации и концентрации сельскохозяйственного производства на базе межхозяйственной кооперации[3], когда путем добровольного объединения финансовых, материально-технических и трудовых ресурсов колхозы, совхозы и другие социалистические организации создают межколхозные,

---

[1] *Мартемьянов В. С., Масляев А. И., Отнюкова Г. Д.* Правовое регулирование хозяйственного расчета, совместной хозяйственной деятельности и рассмотрения хозяйственных споров : учебное пособие. М. : ВЮЗИ, 1979.

[2] Глава II учебного пособия подготовлена профессором А. И. Масляевым лично.

[3] См.: Материалы XXV съезда КПСС. М. : Политиздат, 1976. С. 199.

межсовхозные, государственно-колхозные и другие межхозяйственные предприятия (организации)[4] или строят, эксплуатируют межхозяйственные сооружения, предприятия, учреждения, не наделяемые правами юридических лиц (ст. 434 ГК). Совместная хозяйственная деятельность возникает и при объединении государственными организациями своих средств для совместного строительства жилых домов и объектов культурно-бытового назначения (п. 56 Положения о социалистическом государственном производственном предприятии, п. 91 Положения о производственном объединении (комбинате). На началах совместной деятельности местными советами народных депутатов осуществляется координация хозяйственного и социально-культурного строительства на подведомственной им территории при использовании на эти цели как собственных средств, так и средств неподведомственных советам организаций[5]..

2. Регулирование отношений по совместной хозяйственной деятельности социалистических организаций осуществляется хозяйственным законодательством. Правовой формой, опосредствующей указанные отношения, являются хозяйственные договоры о совместной деятельности. Один из них предусмотрен ст. 434 ГК РСФСР. Этот договор опосредствует совместную хозяйственную деятельность субъектов при строительстве и эксплуатации межхозяйственного предприятия или организации, не передаваемых в оперативное управление какого-либо юридического лица, при возведении водохозяйственных сооружений, строительстве дорог, спортивных сооружений, школ и т.п. (см. § 2 настоящей главы).

Другие случаи совместной хозяйственной деятельности также оформляются хозяйственными договорами. Но они специально ГК не предусмотрены[6]. Отношения сторон по совместной деятельности в этих случаях регулируются как нормами гражданских кодексов, так и специальными нормативными актами (ст. 438 ГК). Договоры, оформляющие такие отношения, можно рассматривать в качестве разновидностей договора о совместной деятельности (ст. 434 ГК).

Встречающееся иногда в литературе утверждение, что создание межколхозных, государственно-колхозных и иных государственно-кооперативных организаций с правами юридических лиц оформляется договором о совместной деятельности, предусмотренным ст. 434 ГК, требует уточнения. Здесь имеет место разновидность договора о совместной деятельности. В отличие от договоров, понятие которых дано в ст. 434 ГК, данные договоры о совместной деятельности

---

[4] См.: Общее положение о межхозяйственном предприятии (организации) в сельском хозяйстве, утверждено постановлением Совета Министров СССР от 14 апреля 1977 г. (СП СССР. 1977. № 13. Ст. 80). Далее сокращенно: Общее положение.

[5] *Мартемьянов В. С.* Договоры местных советов депутатов трудящихся об объединении и централизации использования средств неподведомственных организаций // Советская юстиция. 1973. № 10.

[6] В юридической литературе высказано мнение о целесообразности самостоятельного законодательного закрепления договора о совместной деятельности, в результате которого создаются межколхозные и государственно-колхозные предприятия и учреждения с правами юридических лиц (см.: *Подопригора З. А.* Ленинские идеи о кооперировании и правовые формы межколхозного сотрудничества // Вопросы государства и права. М. : Юрид. лит., 1970. С. 50).

могут заключаться только между социалистическими организациями, предусматривают обязательное закрепление за создаваемой на основе договора организацией прав юридического лица и наделение ее правом оперативного управления имуществом, а также особый порядок распределения прибыли (ср. ст. 434, 436 ГК п. 1, 22, 3, 18 Общего положения о межхозяйственном предприятии (организации) в сельском хозяйстве).

Поскольку субъектами договоров о совместной хозяйственной деятельности являются только социалистические организации, а руководство экономикой в соответствии со ст. 16 Конституции СССР осуществляется на основе государственных планов экономического и социального развития, любой договор о совместной хозяйственной деятельности в той или иной степени предопределяется плановыми актами. Большинство договоров о совместной деятельности относится к категории *регулируемых* договоров, то есть таких, в основе которых нет прямого обязательного для сторон планового задания, и договор заключается с учетом общих планов хозяйственной деятельности участников договора. В случаях, когда возникает потребность в строительстве какого-либо объекта за счет централизованных источников на капитальное строительство участников, необходимы специальные административно-плановые акты, предшествующие заключению договора (акт министерства, ведомства, разрешающий организации такое использование средств; сообщение об этом в планирующие органы).

§ 2. Договор о совместной деятельности (гл. 38 ГК)

1. *По договору о совместной деятельности стороны обязуются совместно действовать для достижения таких общих хозяйственных целей, как строительство и эксплуатация межколхозного либо государственно-колхозного предприятия или учреждения (не передаваемых в оперативное управление организации, являющейся юридическим лицом), возведение водохозяйственных сооружений и устройств, строительство дорог, спортивных сооружений, школ, родильных домов, жилых строений и т.п.* (ст. 434 ГК).

Данный договор характеризуется следующими существенными признаками:

а) в нем обычно участвует более двух сторон, и в этих случаях договор представляет собой *многостороннюю сделку;*

б) договор о совместной деятельности не влечет образования нового юридического лица. В статье 434 ГК подчеркнуто, что стороны должны совместно действовать, не передавая целиком эту деятельность организации, являющейся юридическим лицом;

в) совместная деятельность участников договора направлена на достижение *общей для них цели*. Если у сторон нет общей цели, договор возникнуть не может. Общая цель участников договора обязательно должна быть *хозяйственной*. Под этим термином следует понимать ближайшую цель деятельности участников договора. Ею может быть достижение экономического результата как в сфере производства (возведение и эксплуатация межхозяйственного предприятия, строительство дороги и т.п.), так и в иных областях (например, строительство межколхозного дома отдыха, больницы, стадиона).

Общностью хозяйственной цели объясняется известное единство интересов сторон договора и совпадение по содержанию их основных прав и обязанностей.

Подчеркивая значительное сходство правового положения сторон в договоре о совместной деятельности, закон именует их общим термином — «участники договора». К ним применимо и общепринятое наименование сторон договорного обязательства (должник — кредитор). Каждый участник договора о совместной деятельности является должником и одновременно кредитором по отношению ко всем остальным его участникам. Поскольку каждый из них имеет права и обязанности, договор о совместной деятельности относится к категории *двусторонне обязывающих договоров*. Но, в отличие от других двусторонне обязывающих договоров, интерес любого из участников договора о совместной деятельности (кредитора) в силу общности цели договора является не только его личным интересом, так как в исполнении заинтересованы и все другие участники договора;

г) в силу закона каждый участник договора должен произвести взнос деньгами или другим имуществом либо путем трудового участия (ч. 1 ст. 436 ГК). Следовательно, этот договор возмездный.

О. С. Иоффе считает данный договор безвозмездным, поскольку стороны не получают встречного удовлетворения друг от друга и польза извлекается именно от совместных усилий. Но с этим трудно согласиться. Любой участник, внеся вклад и действуя для достижения хозяйственной цели, получает выгоду, пользу от вкладов и деятельности остальных участников договора. Он вправе требовать от другого участника (других участников) соответствующего исполнения, что и нужно считать своеобразным встречным удовлетворением, за непредоставление которого участник несет ответственность. Поэтому договор о совместной деятельности следует считать возмездным. Правда, здесь есть особенность: делая взнос, участник договора действует в силу общности цели договора как в интересах других, так и своих, но эта особенность не исключает возможности признания отношений возмездными;

д) договор о совместной деятельности является *консенсуальным договором.*

2. Основные права и обязанности участников договора о совместной деятельности определены в ГК. Некоторые права и обязанности могут устанавливаться соглашением сторон. Например, обязанности по покрытию расходов и убытков (ч. 1 ст. 437 ГК).

Наиболее *важными правами* участников этого договора являются:

а) право общей собственности на имущество (ч. 2 ст. 436 ГК);

б) право принимать равное участие в управлении общими делами независимо от размеров внесенных средств.

Основными обязанностями участников этого договора являются: а) сделать определенный взнос для достижения поставленной цели (ч. 1 ст. 436 ГК); б) совместно действовать для достижения общей цели (ч. I ст. 434 ГК).

Стороны конкретных договоров о совместной деятельности имеют различные по содержанию права и обязанности, которые зависят от поставленных в договорах целей, от специальной правоспособности участников и других обстоятельств.

Хозяйственные цели, на которые направлены договоры о совместной деятельности, не могут быть достигнуты без определенного материального участия сторон. ГК обозначает его термином *«взнос»,* указывая, что взнос может быть сделан деньгами или другим имуществом, либо путем трудового участия (ч. 1 ст. 436 ГК). Чаще всего взнос состоит из определенной денежной суммы и трудового участия

стороны договора. Например, колхозы — участники договоров о совместной деятельности, кроме денежного взноса, обязуются посылать на строительство общего сооружения рабочую силу, машины и т.п. Но с согласия остальных участников договора взнос одного из них может быть ограничен, например, передачей определенного количества строительных материалов, необходимых для сооружения предмета договора. Размеры взносов каждого участника определяются договором. Если они не установлены в договоре, то предполагаются равными.

Денежные и иные имущественные взносы участников договора, а также имущество, созданное или приобретенное ими в результате совместной деятельности, составляют их *общую собственность* (ч. 2 ст. 436 ГК). Это право следует отнести к тому виду общей собственности, который именуется долевой собственностью. Закон закрепляет характерный для долевой собственности принцип распределения общих расходов и убытков. В том случае, когда в договоре порядок распределения общих расходов и убытков не определен, они покрываются за счет общего имущества, а недостающие суммы раскладываются между участниками договора пропорционально их взносам в общее имущество (ч. 2 ст. 437 ГК). В отличие от общего правила распоряжения долями в общей собственности (ст. 119, 121 ГК), участник договора о совместной деятельности может распорядиться своей долей в общем имуществе (продать, осуществить выдел и т.п.) только с согласия остальных участников договора (ч. 3 ст. 436 ГК).

Обязанность участников договора о совместной деятельности *сообща действовать для достижения общей хозяйственной цели* предполагает совершение как фактических действий (осуществление строительных работ бригадой рабочих одного из участников договора, доставка материалов на объект силами другого участника и т.п.), так и юридических (например, совершение сделок для достижения общей цели одним из участников по уполномочию всех остальных участников договора).

Выполнение юридических действий, необходимых для достижения поставленных в договоре целей, именуется *ведением общих дел*. Оно осуществляется по общему согласию участников договора (ч. 1 ст. 435 ГК). Это означает, что решение должно быть принято участниками договора единогласно. В случае недостижения согласия, спор может быть разрешен в суде. Юридические действия совершаются либо путем выражения единой воли всеми участниками договора (например, все без исключения подписывают сделку), либо ведение общих дел все участники договора по согласованию между собой возлагают на одного или нескольких участников договора, которые действуют на основании доверенности, подписанной остальными участниками договора (ч. 3 ст. 435 ГК). В том случае, когда участники договора по соглашению между собой поручили руководство совместной деятельностью одной из организаций — участнику этого договора, на нее возлагается и ведение общих дел по договору о совместной деятельности (ч. 2 ст. 435 ГК).

3. Неисполнение участником договора о совместной деятельности своих обязанностей влечет его гражданско-правовую ответственность перед другими участниками (или одним из них, если нарушены права только одного) по общим правилам об ответственности за нарушение договорных обязательств (гл. 19 ГК). Договорный характер имеет и имущественная ответственность всех участников

договора перед третьими лицами в случае ненадлежащего исполнения договорных обязательств, вытекающих из соглашений с этими третьими лицами. В данных случаях также следует руководствоваться общими нормами гл.19 ГК с учетом порядка покрытия убытков, установленного ст. 437 ГК, и особенностей ответственности по обязательствам со множеством лиц (ст. 179, 180, 183 ГК).

4. Поскольку ГК не содержит перечня оснований прекращения договора о совместной деятельности, действуют общие правила о прекращении обязательств (гл. 20 ГК). Наиболее распространенный случай прекращения договора о совместной деятельности — это достижение сторонами поставленных целей, то есть исполнение договора. Так, если несколько колхозов объединились для строительства школы, то по завершению строительства договор о совместной деятельности прекращается, а школа передается в ведение органов народного образования. Отношения между колхозами определяются с этого момента нормами общей собственности.

Прекращает договор и выявившаяся невозможность достижения поставленных целей. Например, договор о строительстве и эксплуатации предприятия по переработке овощей прекращается в связи с изменением специализации хозяйств — участников этого договора, переводом их в соответствии с плановым предписанием на производство преимущественно мясо-молочной продукции.

Договор о совместной деятельности может быть прекращен соглашением его участников, например, при установлении экономической нецелесообразности дальнейшего осуществления совместной деятельности.

При прекращении договора о совместной деятельности оставшееся после покрытия общих расходов и убытков имущество должно быть распределено между участниками договора пропорционально их взносам.

§ 3. Разновидности договора о совместной деятельности

1. *В соответствии с Общим положением о межхозяйственном предприятии (организации) в сельском хозяйстве, отношения по созданию и эксплуатации таких предприятий (организаций) основываются на заключаемых колхозами, совхозами и другими государственными, кооперативными и общественными организациями договорах о совместной хозяйственной деятельности.* Хотя Общее положение не употребляет термина «договор о совместной хозяйственной деятельности», договорная природа отношений объединяющихся хозяйств не вызывает сомнений, ибо фиксируется добровольность объединения средств участников, изъявление их согласия на прием в состав участников межхозяйственной организации (п. 1, 7, 8 Общего положения).

Ряд признаков свидетельствует об отнесении данного договора к договорам о совместной деятельности:

а) договор, поскольку он объединяет обычно несколько хозяйств, относится к многосторонним сделкам;

б) хозяйства- участники объединяются для достижения общей для всех них хозяйственной цели. Межхозяйственная организация создается ими в целях дальнейшего увеличения производства и заготовок сельскохозяйственной продукции, повышения ее качества, снижения затрат труда и средств, внедрения достижений науки и техники, повышения материального благосостояния

и культурно-бытовых условий жизни сельского населения. Колхозы, совхозы и другие организации до вступления в договор уясняют, насколько общая цель деятельности будущего предприятия соответствует их интересам, их целям. Это достигается путем всестороннего изучения вопросов, связанных с организацией и деятельностью создаваемого предприятия (состав участников предприятия, его производственная специализация, мощность, перспективы развития и т.п.);

в) в соответствии с Общим положением субъекты, создающие межхозяйственную организацию, обязаны принять материальное участие в образовании средств этой организации, произвести взнос деньгами или иным имуществом. Предусматриваются взносы двух видов: *долевые*, уплачиваемые при вступлении в число участников, и *дополнительные*, взимаемые в целях пополнения оборотных средств межхозяйственной организации (п. 11, 12, 40).

Долевые взносы могут производиться деньгами и иными материальными ценностями путем передачи на баланс межхозяйственной организации производственных зданий, сооружений, оборудования, транспортных средств, денег и другого имущества. Размер долевых и дополнительных взносов и порядок их внесения определяет собрание уполномоченных представителей хозяйств — участников межхозяйственной организации. Кооперативные и общественные организации производят взносы из собственных средств, совхозы и другие государственные организации — за счет собственных средств, банковских ссуд и ассигнований из государственного бюджета;

г) хозяйства — участники договора обладают правом общей собственности на имущество, закрепленное за межхозяйственной организацией (п. 2 Общего положения). Установленный порядок распределения прибыли свидетельствует о долевом характере права общей собственности хозяйств-участников (п. 18 Общего положения). Хозяйство не вправе самостоятельно распорядиться долей в праве общей собственности, но может выйти из состава участников межхозяйственной организации. Вопрос о выходе из состава участников договора решается собранием уполномоченных представителей хозяйств-участников. Расчет с выбывающей организацией производится по окончании хозяйственного года (п. 10 Общего положения).

Вместе с тем, в отличие от договора о совместной деятельности, предусмотренного ст. 434 ГК, рассматриваемый договор исходит из того, что совместная хозяйственная деятельность участников осуществляется с учетом *наделения создаваемого межхозяйственного предприятия (организации) правами юридического лица и закрепления за ним имущества на праве оперативного управления* (п. 2, 3 Общего положения). В связи с этим сужаются возможности воздействия хозяйств — участников договора на деятельность созданной ими межхозяйственной организации. Межхозяйственная организация, будучи самостоятельным субъектом гражданского права, выполняет все работы и оказывает услуги для хозяйств-участников на договорных началах. Наличие права оперативного управления имуществом у межхозяйственной организации ограничивает объем правомочий хозяйств-участников как собственников этого имущества. Так, межхозяйственная организация самостоятельно передает определенное имущество в бесплатное пользование профсоюзному комитету и другим общественным организациям, бесплатно предоставляет помещения столовой и врачебно-санитарному

учреждению (п. 21, 22 Общего положения); прибыль от деятельности межхозяйственной организации направляется по следующим каналам: а) в распоряжение межхозяйственной организации для погашения кредитов и процентов банкам, на образование фондов экономического стимулирования, покрытие убытков, б) на уплату платежей в бюджет и в) оставшаяся часть распределяется между хозяйствами-участниками с учетом их долевых взносов.

Но и при данных обстоятельствах за хозяйствами-участниками сохраняется право на осуществление управления общей хозяйственной деятельностью, то есть на управление межхозяйственным предприятием (организацией). Это право реализуется хозяйствами-участниками с помощью их представителей. Представители избираются (кооперативные, общественные организации) или назначаются (государственные организации) в собрание уполномоченных представителей хозяйств-участников в равном количестве от каждого хозяйства, независимо от его размеров и долевого участия, сроком на три года. Собрание уполномоченных представителей — высший орган управления межхозяйственной организации (п. 5, 6, 39, 40 Общего положения). Таким образом, хозяйства-участники через своих представителей имеют возможность решать все важнейшие вопросы общей хозяйственной деятельности (утверждение Устава межхозяйственной организации, определение состава ее совета, назначение директора, прием и выход участников, определение долевых и дополнительных взносов, установление основного содержания договоров, заключаемых межхозяйственной организацией с хозяйствами-участниками, и др.).

Общее положение не устанавливает правил об ответственности хозяйств-участников за неисполнение обязанностей, вытекающих из их соглашения об объединении средств с целью создания и эксплуатации межхозяйственной организации. Только применительно к убыткам, не покрытым за счет средств межхозяйственной организации, установлено правило их возмещения из средств хозяйств-участников в порядке, определяемом собранием уполномоченных представителей этих хозяйств (ч. 4 п. 4 Общего положения). Отсюда следует, что вопросы имущественной ответственности в таких случаях должны решаться на основании норм о договорной ответственности (гл. 19 ГК).

Отношения (в том числе и имущественная ответственность) между участником договора о создании межхозяйственной организации и этой организацией регулируются соответствующими нормами договорного права (о поставках, купле-продаже и др.) с учетом закрепления за собранием уполномоченных представителей хозяйств-участников права устанавливать ответственность сторон за нарушение договорных обязательств (п. 40 Общего положения).

2. Следующую разновидность договоров о совместной хозяйственной деятельности составляют: договоры, заключаемые местными советами народных депутатов с совхозами и иными государственными организациями с целью объединения средств, выделяемых на жилищное, коммунальное, дорожное, культурно-бытовое строительство, строительство объектов просвещения, здравоохранения, торговли и общественного питания[7]; договоры местных советов с колхозами,

[7] Статьи 15, 16 Закона о сельском, поселковом совете депутатов трудящихся РСФСР, ст. 15, 36 Закона о городском, районном в городе совете депутатов трудящихся РСФСР,

потребительскими обществами и другими организациями о централизованном использовании средств культфондов; договоры о централизации средств колхозов, совхозов, других сельскохозяйственных и водохозяйственных организаций для проведения имеющих межхозяйственное значение научно-производственных разработок[8]; договоры об объединении государственными организациями средств фонда предприятия и других специальных средств для совместного строительства жилых домов и объектов культурно-бытового назначения[9]. В настоящее время широкое распространение получила практика создания в городах служб единого заказчика по строительству подрядным способом жилых домов, объектов культурно-бытового назначения и коммунального хозяйства. Функции единого заказчика по строительству указанных объектов возлагаются на исполкомы советов народных депутатов или на предприятия (организации) министерств и ведомств, которые осуществляют основные объемы строительства объектов производственного и непроизводственного назначения в данном городе. В этих случаях предприятия и организации города, передавая единому заказчику в порядке долевого участия предусмотренные в планах капитальных вложений и в сметах на строительство капиталовложения, договариваются с ним об обеспечении своих интересов. Исполкомы советов народных депутатов и организации, выполняющие функции единого заказчика, обязаны учитывать предложения предприятий и организаций, передающих капитальные вложения, о строительстве для них жилых домов и других объектов в соответствии с их потребностью (жилые дома квартирного типа, дома для малосемейных, общежития и т.д.), о месте расположения этих объектов (вблизи предприятия, в том районе города, который имеет удобные транспортные связи и т.д.)[10].

Таким образом, здесь, как и в других разновидностях договоров о совместной хозяйственной деятельности, имеют место: а) объединение участников для достижения общей хозяйственной деятельности; б) материальное участие сторон путем передачи денежного взноса, капиталовложений. Но, в отличие от договоров о совместной деятельности, рассмотренных выше, в данном случае не возникает право общей собственности на объединенные средства. Отсутствует также возможность создания специального юридического лица для осуществления совместной деятельности (см. п. 1 § 3). При объединении местным советом средств на строительство жилья, коммунальных, культурно-бытовых и других объектов или в случае выступления в качестве единого заказчика по строительству

ст. 17 Закона о районном совете депутатов трудящихся РСФСР. При участии в этих договорах колхозов и других кооперативных организаций положение меняется. В этих случаях, поскольку возникает право общей собственности на объединенное имущество, отношения регулируются нормами гл. 38 ГК.

[8] Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР. 1978. № 3. С. 14.

[9] Пункт 56 Положения о социалистическом государственном производственном предприятии, п. 91 Положения о производственном объединении (комбинате).

[10] См.: постановление Совета Министров СССР от 1 марта 1978 г. «О мерах по расширению в городах практики комплексного поточного строительства жилых домов, объектов культурно-бытового назначения и коммунального хозяйства» // СП СССР. 1978. № 6. Ст. 36.

таких объектов, а также при централизации средств культфондов колхозов, потребительских обществ и других организаций не практикуется совместное ведение дел участниками договоров. В этих случаях имущество, полученное в результате объединения средств, поступает в оперативное управление местного совета или передается по его указанию определенной организации для использования по строго целевому назначению. Обладатель имущества распоряжается им от своего имени, но по достижении целей договора (возведение жилого дома, детсада, клуба и т.п.) каждый из участников договора получает право на использование объекта в объеме, определенном договором (заселение жилой площади своими работниками, подключение к теплотрассе и т.д.). В случае объединения средств единым заказчиком на него возлагается обязанность выделять предприятиям и организациям-участникам жилую площадь для заселения и места в детских дошкольных и иных учреждениях в размерах пропорционально переданным капитальным вложениям. При этом освобождающаяся жилая площадь в домах, построенных за счет капитальных вложений, переданных в порядке долевого участия единому заказчику, вновь заселяется работниками этих предприятий и организаций, а освобождающиеся места в детских дошкольных учреждениях, построенных на таких же условиях, предоставляются в первую очередь для детей работников этих предприятий, организаций[11].

[11] СП СССР. 1978. № 6. Ст. 36.

Сокровищница народной мудрости[1]

***Юрий Григорьевич ШПАКОВСКИЙ**,*
главный редактор журнала «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», доктор юридических наук, профессор

Народная мудрость содержится в пословицах и поговорках и является отпечатком духовного склада людей. Великому писателю М. А. Шолохову принадлежат такие слова: «Величайшее богатство народа — его язык! Тысячелетиями накапливаются и вечно живут в слове несметные сокровища человеческой мысли и опыта. И, может быть, ни в одной из форм языкового творчества народа с такой силой и так многогранно не проявляется его ум, так кристаллически не отлагается его национальная история, общественный строй, быт, мировоззрение, как в пословицах. <...> Из бездны времени дошли до нас в этих сгустках разума и знания жизни радость и страдания людские, смех и слезы, любовь и гнев, вера и безверие, правда и кривда, честность и обман, трудолюбие и лень, красота истин и уродство предрассудков»[2].

«С чужого коня среди грязи долой»

Фразеологизм, указывающий на то, что кому-то приходится расстаться с чужим имуществом или покинуть не принадлежащее ему место в самый неподходящий момент. Первоначально выражение отражало юридическое требование (согласно «Русской правде») возместить ущерб за неправомерное пользование чужим конем. Со временем оно стало использоваться как ироничное предупреждение о необходимости немедленно оставить то, что взято не по праву.

В дальнейшем это выражение употреблялось в значении «освободить чужое место или вернуть предмет, не принадлежащий говорящему», «вынужденность и неприятность возвращения чужого в неподходящую минуту».

В литературе крайне редко, но можно встретить этот фразеологизм. Пример: «А ну-ка, герои, с чужого коня среди грязи долой! Не справляетесь, вижу. Давайте уж мы сами как-нибудь будем без вас разбираться да решать» (*Л. Кассиль и М. Поляновский*. «Улица младшего сына»).

В настоящее время данное выражение практически не встречается.

---

[1] Материал подготовлен с использованием интернет-ресурсов.

[2] *Шолохов М. А.* Сокровищница народной мудрости : вступительное слово // Пословицы русского народа : сборник В. Даля : в 2 т. М., 1984. Т. 1. С. 3.

«Девичья память»

Сейчас выражение «память девичья» не имеет четкой привязки к полу. Так могут сказать и о молодой девушке, и о взрослом мужчине.

Память девичья — это плохая память. Ее обладатель легко забывает важные сведения. Это человек рассеянный, на которого нельзя положиться: он не выполняет своих обещаний и вряд ли переживает по этому поводу.

Иногда девичья память — явление временное. Когда мы, забыв о чем-то, расстроенно говорим: «*Эх, память девичья...*».

А оказалось, что у фразы было продолжение, о котором редко кто помнит...

Есть две версии происхождения фразы. Первая состоит в том, что девушки, дескать, легко забывают о своих обещаниях парню, если встречают нового кавалера.

А вторая версия сообщает, что выражение возникло в результате усечения пословицы «*Девичья память парня забыла*». У В. Даля в «Пословицах русского народа» можно найти еще один вариант: «*Девичья память да девичий стыд — до порога (переступила — и забыла)*». Люди оставляют свое смущение или неуверенность позади, когда решаются на что-то важное. Как только дело сделано, переживать уже нет смысла — все осталось в прошлом.

«Совсем распоясался»

Слово «распоясался» описывает человека, который потерял сдержанность, уважение и самоконтроль. Откуда возникло это выражение?

На Руси главным элементом мужской одежды был пояс, часто богато украшенный, особенно у зажиточных людей. Порой эти пояса достигали длины до 4 метров, что значительно ограничивало свободу движений, поэтому их часто снимали в повседневной жизни.

Современный человек вряд ли знает, какое громадное значение в русском и славянском костюме имел пояс. И даже не пояс, а пояса. В костюме взрослого мужчины было три пояса. Это пояса от верхней одежды: от рубашки и кафтана или шубы. Но был еще и третий пояс. Он одевался в раннем детстве на голое тело, его носили, не снимая, пока не развалится. Его не снимали даже в бане. Пояс этот был украшен защитными символами, молитвами или заклинаниями и имел значение мощного оберега.

Важное значение имел и цвет пояса. Красный означал «огонь», синий — «воду», зеленый — «жизнь». Золотыми поясами метили себя новгородские бояре, принимавшие участие в решении вопросов управления жизнью города.

Каждый из трех поясов, которые были у человека, обязательно завязывался на два узла, чтоб не развязались. Это в том случае, если человек жив. Если человек умер, то узел был один. Иногда после смерти нательный пояс снимался. Его клали отдельно, рядом с усопшим.

Все эти метаморфозы с поясами происходили тогда, когда человек умирал, т.е. переходил границу между жизнью и смертью.

С потусторонними мирами, с душами усопших, по древнерусским поверьям, общались и юродивые. Они могли вести себя самым невероятным образом, и все это сходило им с рук. В трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» есть сцена встречи царя Бориса с юродивым Николкой, где тот открыто обвиняет царя в убийстве законного малолетнего наследника престола. Но Борис Годунов не наказывает юродивого за такие слова. Хотя обычный человек, скажи он подобное, оказался бы на плахе неминуемо.

Влиянием потусторонних, божественных или дьявольских, сил объясняли на Руси причину неадекватного поведения. Вот потому и говорили, что человек, поведение которого отличается от нормального, распоясался — т.е. пересек границу между мирами и подвергся потустороннему воздействию. Потому его поведение необъяснимо с точки зрения нормального мира.

С поясами связано еще одно стойкое выражение в русском языке — «затянуть потуже пояса», что означало «меньше есть, — экономить на всем».

«Интеллигенция»

Когда мы сегодня произносим слово «интеллигент», то это ассоциируется с человеком, профессионально занимающимся умственным трудом. Это понятие появилось в 60-х гг. XIX в., когда идеи социальной ответственности образованного человека стали особенно актуальными в развитии общества. Оно образовано слиянием двух слов «интеллект» и «джентльмен».

Но еще ранее под словом «интеллигент» понимали совершенно другое. В Древнем Риме к интеллигентам относили элиту армии, профессионалов в военном деле высочайшего класса. Почему?

В Древнем Риме основной силой государства была армия, и служили в этой армии все граждане Рима. Если ты не служишь или не работаешь на армию Рима, то ты не гражданин Рима и не римлянин, соответственно. Римская армия, в свою очередь, состояла из легионов, легионы — из когорт,

когорты — из центурий, центурии — из небольших маневренных подразделений — манипул (отсюда и произошло понятие «манипулировать»).

Легион состоял из пяти когорт, когорта — из 10 центурий, центурия — из 10 манипул, манипул — из 10 легионеров. Исходя из этого, можно посчитать численный состав легиона — это 5 000 воинов.

Воины внутри легиона разделялись на новичков, обученных, опытных, ветеранов и на элиту. Новички составляли обычно первую когорту, во второй когорте сражались воины, побывавшие в сражении, в третьей когорте — воины, побывавшие в нескольких сражениях, в четвертой — сражались воины, за плечами которых были целые кампании. И, наконец, пятая когорта по-другому называлась непобедимой когортой или последней тысячей.

Эта когорта состояла из самых опытных воинов, воинов, за плечами которых были не только кампании, а целые войны, и вступала в бой в самый решающий момент схватки, решая исход сражения. Эта когорта никогда не отступала без приказа. Она или побеждала противника, или погибала. Потому она и называлась непобедимой, так как ее нельзя было победить. Ее можно было только уничтожить.

Уничтожив последнюю когорту легиона, противник уничтожал весь легион, так как основной костяк легиона составляли именно эти воины, и именно они были хранителями орла легиона (главного символа легиона).

Воины последней когорты легиона и назывались в Древнем Риме интеллигентами, т.е. понимающими. Этим людям не надо было ничего объяснять, они сами все знали и понимали, что им делать и когда делать. Именно в этих воинах была сокрушающая мощь армии Рима. Из этих воинов набирались преторианская гвардия и когорты сената.

Быть интеллигентом, т.е. воином последней когорты, считали за честь патриции, сенаторы, трибуны, цензоры, преторы и т.д.

«Зарыть талант в землю»

Так говорят, когда человек игнорирует свои способности и не стремится их развивать.

Истоки выражения лежат в библейской притче. В ней хозяин перед отъездом доверил своим слугам деньги: одному — пять талантов, другому — два, третьему — один (тогда талант был денежной единицей).

Вернувшись, он спросил, как те распорядились средствами. Первые двое вложили деньги и принесли прибыль. А вот третий просто закопал свой талант в землю, ничего не заработав и не проявив инициативы.

Так и появилась эта метафора про упущенные возможности.

«Голубая кровь»

Выражение «голубая кровь» обозначает человека аристократического происхождения. Сегодня это выражение используется в ироническом значении, когда человек насмехается над высокомерными манерами собеседника говоря, что тот «голубых кровей».

Возникло выражение в XVIII в. на территории Испании. Поскольку тогда Пиренейский полуостров завоевали темнокожие мавры, представители старой знати стали носить одежду, открывающую руки или шею, чтобы подчеркнуть бледность своей кожи с проступающими на ней голубыми венами — так они демонстрировали, что в их роду не было смуглых мавров.

После расширения Испанской империи фраза распространилась среди всех аристократов Европы.

ISSN 2311-5998